

Александр Слоневский

ИГНАТИЙ ЯСЮКОВИЧ

ИМЯ В ИСТОРИИ

(историко-краеведческое исследование)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОРОГИ»

2009

Анотація:

Нова книга Олександра Слоневського яскраво, переконливо й достовірно розкриває непересічний образ Ігнатія Ясюковича – засновника і директора-розпорядника Дніпровського заводу в селі Кам'янському. Лідер металургійної галузі всієї царської Росії, він входив до десятки найвпливовіших промисловців. «Ім'я, вирване із забуття» – таким могла бути друга назва цієї книги. Авторіві на основі зібраного ним величезного фактичного матеріалу вдалося повернути Ігнатію Ясюковичу, одному з найбільших достойників, що будь-коли жили та працювали на славу Кам'янського, належне місце у вітчизняній історії. Краєзнавче дослідження «Ігнатій Ясюкович. Ім'я в історії» розраховане не на байдужого, але на патріотично налаштованого читача, який намагається неупередженим поглядом дивитися на історію рідного краю.

Аннотация:

Новая книга Александра Слоневского ярко, убедительно и достоверно раскрывает незаурядный образ Игнатия Ясюковича – основателя и директора-распорядителя Днепровского завода в селе Каменском. Лидер металлургической отрасли всей царской России, он входил в десятку наиболее влиятельных промышленников. «Имя, вырванное из забвения» – таким могло быть второе название этой книги. Автору на основании собранного им огромного фактического материала удалось вернуть Игнатию Ясюковичу, одному из самых достойных личностей, когда-либо живших и трудившихся во славу Каменского, надлежащее место в отечественной истории. Краеведческое исследование «Игнатий Ясюкович. Имя в истории» рассчитано не на равнодушного, но патристически-настроенного читателя, стремящегося непредубеждённым взглядом смотреть на историю родного края.

ISBN: 978-611-518-023-3

...посвящается миссис Ханне Шленкер, внучке выдающегося российского промышленника, патриота Днепровских предприятий, великого поляка и человека Игнатия Игнатьевича Ясюковича

СЛОВО к ЧИТАТЕЛЮ

С огромной гордостью и удовлетворением я представляю вам всем биографию моего деда, написанную Александром Слоневским. Хотя мой дед, Игнатий Ясюкович, скончался за несколько лет до моего рождения, я всегда осознавала, что он был действительно великим человеком, человеком большой энергии, умеющим видеть события в перспективе. Александр Слоневский посвятил много времени и усилий исследованию фактов его биографии и карьеры, многие из которых были неизвестны мне самой. В данной биографии живо показано сколь многим современным Днепродзержинск и развитие тяжёлой промышленности в той части страны, которая тогда называлась Югом России, обязана предприятию моего деда и его таланту организатора. Я очень благодарна Александру Слоневскому за его замечательное достижение. Этот труд будет интересен не только жителям индустриальной Украины, но и всем полякам, которые интересуются ролью, которую сыграли их предки в истории Российской империи.

Ханна Ясюкович-Шленкер
10.09.08

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В отечественной литературе не так часты случаи обращения к биографическим исследованиям и жизненному наследию сошедших с исторической сцены представителей промышленности, занимавших ключевые позиции в современном им мире. Тем более редкими являются «открытия» масштабных личностей, деятельность которых скрывалась, замалчивалась или извращалась по идеологическим соображениям. Новая книга известного днепродзержинского краеведа, журналиста и писателя Александра Слоневского, несомненно, откроет для широкой общественности имя Игнатия Игнатьевича Ясюковича – промышленника, градостроителя, филантропа, блестящего руководителя и справедливого, чуткого человека. На большом фактическом материале – архивном и воспоминаниях современников, – который по крупицам собирался на протяжении многих лет, автор раскрывает незаурядный образ И. Ясюковича и главный плод его труда – Днепровские предприятия Южно-Русского Днепровского Металлургического Общества.

Книгу А. Слоневского «Игнатий Ясюкович. Имя в истории» можно рассматривать как продолжение прекрасной традиции, заложенной в изданиях ЖЗЛ («Жизнь замечательных людей»). И действительно, личность И. И. Ясюковича, по сути, вырванную настоящим произведением из исторического забвения, с полным правом следует отнести к замечательным образцам человеческой природы. Нельзя не согласиться с главным выводом книги: Игнатий Ясюкович являлся выдающимся российским предпринимателем, занимавшим главенствующую позицию практически во всей металлургической промышленности царской России, патриотом Днепровских предприятий и, в частности, Днепровского завода в селе Каменском, а также великим польским патриотом и человеком. Но есть ещё один аспект данной книги: она заставляет задуматься над истинными и мнимыми ценностями, о

необходимости увековечения памяти того, кто внёс колоссальный вклад в развитие отечественной индустрии, превращение села Каменского в настоящий промышленный и культурный центр на берегах Днепра.

Думается, что книга «Игнатий Ясюкович. Имя в истории» будет интересна не только днепродзержинскому читателю. Ведь личность Игнатия Игнатьевича Ясюковича принадлежит не одному Каменскому, но всему Донецко-Приднепровскому региону, всей дореволюционной России и, естественно, родине нашего выдающегося земляка – Польше и Литве.

Галина КУЛИНИЧ

Начальник архивного отдела Днепродзержинского городского совета

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«владелец металлургической короны»

ВСТУПЛЕНИЕ

Польский народ на протяжении более чем тысячелетнего существования дал миру многих великих людей: святых, учёных, художников, государственных деятелей, славных полководцев и рыцарей. Однако по настоящему выдающихся представителей в области промышленности и торговли Польша имеет сравнительно немного. Данное обстоятельство может объясниться хозяйственной слабостью Польши, которая ярче всего проявилась в конце XVIII века.

В этот период Речь Посполитая (наименование происходит от позднелатинского Respublica) была одним из крупнейших государств Европы. Полное название державы звучало как «Речь Посполитая двух Народов». Имелись в виду народы «Короны» (Польского королевства) и «Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского», составившие федерацию после Люблинской унии 1569 года. Но Речь Посполитая переживала экономический и политический упадок. Её раздирала борьба партий, которой способствовал устаревший государственный строй: выборность и ограниченность королевской власти, право liberum veto, когда любой член Сейма (высшего представительного органа управления) мог заблокировать принятие решения, поддержанного абсолютным большинством.

Соседние державы – Россия, Австрия, Пруссия – всё чаще вмешивались во внутренние дела Польши, они препятствовали политическим реформам, направленным на укрепление государства. В конце XVIII века Польский Сейм, ввиду угрозы стране со стороны её агрессивных соседей, принял закон о создании стотысячной армии, однако из-за недостатка средств закон остался лишь на бумаге. В конце концов, это повлекло за собой оккупацию и расчленение страны.

Три территориальных раздела Польского государства были проведены в 1772, 1793 и 1795

годах Австрией, Пруссией и Россией. После того как наполеоновская империя пала, на Венском конгрессе 1814 – 1815 годов страны-победители произвели Четвертый раздел (точнее – передел) Польши. Россия получила земли, отошедшие к Австрии и Пруссии в результате Третьего раздела, за исключением Кракова, объявленного вольным городом. Пруссии были возвращены Польское поморье и западная часть Великой Польши с Познанью. Австрия довольствовалась южной частью Малой Польши и большей частью Галицкой (или Червоной) Руси. В итоге российские владения охватывали 81% бывшей территории Речи Посполитой, то есть, литовско-белорусско-украинские земли, а также территорию центральной Польши с Варшавой. Свободолюбивые поляки периодически поднимали народные восстания, направленные на обретение Польшей независимости и против позорного раздела родной страны на части. Среди крупнейших выделялись выступления 1794, 1830 и 1863 годов. Все они были жестоко подавлены.

С другой стороны, вошедшее в состав Российской Империи Царство Польское (оскорбительно для поляков названное Привисленский край), естественным образом было втянуто в орбиту российской экономики – как в материальном, техническом, финансовом отношении, так и с точки зрения людских и интеллектуальных ресурсов. В промышленности польские инженеры составляли достойную конкуренцию русским специалистам. Поляки в России заработали себе доброе имя, их уважали. Характерным примером является объявление в журнале «Торговля и промышленность» органа Министерства Финансов России: некий бухгалтер хотел сменить место работы и в объявлении подчеркнул, что является поляком. Это увеличивало его шансы, будучи порукой, что он не пьёт и является порядочным и добросовестным человеком.

На поприще промышленности поляк литовского происхождения Игнатий Игнатьевич Ясюкович достиг таких высот, которые выдвинули его на передовые рубежи всей российской тяжёлой индустрии конца XIX начала XX столетия.

«Если в компетентных промышленных кругах Петербурга, Москвы, юга России или в хозяйственных министерствах – финансов, промышленности и торговли, путей сообщения или государственного контроля – кто-то сказал бы: Игнатий Игнатьевич, Владислав Владиславович, Адольф Адольфович или Андрей Андреевич, каждый знал, что имеются в виду Ясюкович, Жуковский, Вольский или Вержбицкий. По странному совпадению эти фамилии сопровождалась дублированными именами и отчествами, и никто не сомневался, что это всё поляки» [84]. (Андрей Вержбицкий «Живой Левиафан»)

РОДОСЛОВНАЯ

Игнатий-Андрей Ясюкович (Ignacy-Andrzej Jasiukowicz) родился 1 ноября 1847 года в городе Ковно в семье потомственных дворян, мелких землевладельцев. Он происходил из рода Ясюковичей (герб «Ясенчик», «Jasiencyk»), который извлёк выгоду из земельного надела, пожалованного самим Сигизмундом III – королём Польши и Великим князем Литовским – в 1604 году. Семья в течение нескольких поколений владела рядом поместий в Литве и Польше (одно было даже в Латвии).

Отец будущего председателя правления Южно-Русского Днепровского Металлургического Общества Игнатий Андреевич Ясюкович имел пятерых братьев: Винсента, Ивана, Михаила, Антона и Юстина. Сам он в 1853 году окончил Первую Виленскую гимназию, стал судьёй и

занимал достойное положение, как в иерархии должностных лиц, так и среди жителей современной ему Литвы. Игнатий Андреевич Ясюкович являлся владельцем поместья Желедж в княжестве Осзмены возле города Свенчаны и был женат на дворянке госпоже Боне, в девичестве Бялопиорович.

Его дед Михаил Ясюкович приходился в свою очередь внуком того самого Ивана Ясюковича, чьё поместье Дирваниши в Виленской губернии пожаловано Сигизмундом Третьим. Факт пожалования был подтверждён королём Владиславом Четвёртым в 1643 году по отношению к сыну Ивана Ясюковича Петру, являвшемуся прапрадедом Игнатия Игнатьевича Ясюковича, героя настоящей книги.

Число детей четы Игнатия и Боны Ясюкович равнялось шести. Четверо сыновей – Станислав, Михаил, Игнатий и Павел, и две дочери: старшая Анна, впоследствии генеральша Сволынско-Массальская, и младшая Мария, которая вышла замуж за инженер-технолога Яна Вильга, сотрудника Днепровских предприятий. Все четверо братьев получили инженерное образование. Станислав, в будущем генерал Гвардейского сапёрного полка императорской армии, закончил Николаевскую Инженерную Академию в Петербурге; Михаил был воспитанником Петербургского Института Дорог и Коммуникаций; двое младших – Игнатий и Павел Ясюковичи – окончили Первую Виленскую гимназию (соответственно в 1865 и 1869 годах) и Петербургский Технологический Институт [42].

Это стремительное движение молодой польской генерации в инженерные институты во времена, последующие за польским восстанием 1863 года, является характерным и достойным внимания. В то время в Литве при виленском генерал-губернаторе Муравьёве, которому сами русские дали прозвище «вешателя», воцарилось настоящее царство Нерона. То же происходило и при его преемнике Кауфмане. Уже в 1863 году по учреждениям Вильно появлялись объявления «*zdzies nielzia gaworit po polski!*» В 1868 году данный запрет касался и общественных мест. Возбрана продажа польских газет, размещение вывесок на польском языке, закрывались польские книгарни. В 1866 году приказано уничтожить польские шрифты в типографиях. В 1869 году в школах воспрещено учить писать и читать по-польски. Сорок тысяч польских патриотов, участников восстания, были сосланы в Сибирь. За поддержку восстания гонениям подвергалась и Католическая Церковь. Священнослужители подчинялись теперь Римско-католической Духовной Коллегии, учрежденной в Санкт-Петербурге, а лояльных по отношению к Папе Римскому и Апостольской столице ксендзов вывозили вглубь России. Конфискации подлежали церковные владения, монастыри закрывались (за исключением женских, на попечении которых находились больницы), либо запрещалось принимать новых послушников. В духовных семинариях, как и во всех учебных заведениях, обязательным стал русский язык, а польский язык просто исключался из преподавания.

В Литве и России конфисковано имущество поляков-повстанцев. Его приказано продать на протяжении двух лет и только исключительно в руки русских, которые скупили его за бесценок. На землевладельцев-поляков наложена контрибуция в размере постоянно высокого налога, как наказание за восстание. Только в одном 1868 году роздано российским чиновникам 85 польских конфискованных имений. «Декабрьским» указом (10/22. 12. 1865) полякам было запрещено приобретение земли в девяти западных губерниях (в том числе путём завещания или дарственной), за исключением права наследования. В бывшей «Конгрессовке» (то есть, губерниях, отошедших к России после Венского конгресса 1815 года) применялись более мягкие меры. Но, по сути, российские власти стремились к

русификации целой страны.

В таких условиях возникла благодатная почва для движения, названного позитивизмом, которое имело одни специфичные черты в бывшей Конгрессовке и иные в Литве и России. Позитивизм нашёл своё выражение и в литературе. Болеслав Прус, Генрих Сенкевич и другие писатели-позитивисты призывали поляков развивать торговлю и промышленность. Однако в Королевстве Польском доминировали чужеземцы.

Иначе обстояли дела в Литве и России. Там поляки уходили в промышленность и торговлю: инстинкт самосохранения толкал их к получению технического образования. Когда в Конгрессовке поляки-предприниматели оставались героями лишь в рассказах писателей, то в Литве они основывали промышленные предприятия, а в России почти вся сахарная индустрия оказалась в руках поляков.

НАЧАЛО ПУТИ

Игнатий Ясюкович начал гимназическое образование в Ковно, а окончил в Вильно. Ему пришлось сменить место учёбы по причине инакомыслия: российское руководство Ковенской гимназии преследовало всякое проявление вольнодумства. В 1865 году, когда это восстания было ещё сильным, Игнатий в возрасте семнадцати лет получил аттестат зрелости как выпускник Первой Виленской гимназии. Вместе с И. Ясюковичем удостоверения о среднем образовании вручили ещё шестнадцати гимназистам. Это Богданович Александр, Викшемский Адам, Волков Флегонт, Данилевич Пётр, Кулаковский Антон, Ленкшевич Александр, Миронов Владимир, Монюшко Леопольд, Тамулевич Иван, Хлодовский Евфим, Бялый Константин, Василевский Ипполит, Виторт Эмерт, Кавецкий Матвей и Одынец Франц [41].

После пяти лет учёбы в Петербургском Технологическом Институте Игнатий в 1869 году принял диплом инженера-технолога. Профессиональный путь начал на государственной железной дороге Козлов-Воронеж-Ростов. Вот как описывала биографию И. И. Ясюковича Каменская газета «Отклики жизни». «Завершив в 22 года обучение в институте, и отработав короткое время на Козловско-Воронежско-Ростовской железной дороге, по указанию Технологического института в 1871 году был командирован Министерством финансов на 1,5 года за границу для усовершенствования в науках и искусствах» [35]. Весьма интригующая фраза «командирован для усовершенствования в науках и искусствах» означает следующее.

И. А. Вышнеградский – профессор Петербургского Технологического Института – выступил с инициативой строительства паровозов в стране, поскольку до того времени необходимые паровозы Россия покупала за границей. И Игнатия Ясюковича как исключительно способного инженера отправили на обучение строительству паровозов на предприятия Борсиг в Берлине и Кокериля в бельгийском городе Серенг. Кто бы мог тогда подумать, какую роль в жизни Игнатия Игнатьевича Ясюковича сыграет компания, основанная Джоном Кокерилем!

После полугодовой стажировки за границей Ясюкович с багажом современных передовых знаний вернулся в Россию. Он получил место инженера по подвижному составу механического отделения строящейся Рязанско-Вяземской железной дороги и одновременно был доцентом кафедры строительства машин в Петербургском Технологическом Институте.

Мнение об Игнатии Ясюковиче как о необыкновенно даровитом руководителе начало расширяться в промышленных кругах, и ему вскоре предложили пост главного инженера Невских предприятий по строительству паровозов и судов. В 1874 году, оставив службу на железной дороге, он самым решительным образом избирает своим полем деятельности промышленность.

Перед вступлением Ясюковича в должность, стоимость сторублёвых акций этих предприятий, вследствие, прежде всего, ошибочного технического руководства, упала до нескольких десятков копеек. Директор-распорядитель Халперт скупил ценные бумаги за небольшие деньги, и, пригласив Ясюковича на должность главного инженера, рассчитывал на их быстрый рост. И не ошибся. Уже через год работы молодого польского инженера на Невских предприятиях их акции стали котируются на бирже. Халперт на акциях получил огромные деньги, а Игнатий Ясюкович в двадцать девять лет становится управляющим Невской фабрики по строительству паровозов и судов [76]. Имя Ясюковича стало знаменитым среди промышленников. Осенью 1884 года он получил приглашение на пост главного руководителя Путиловских заводов, наибольшего индустриального конгломерата петербургского района.

Конец семидесятых и восьмидесятые годы XIX столетия характеризуются началом развития русской металлургической промышленности в связи с общим промышленным подъёмом и, в частности, мероприятиями правительства по быстрому и обеспеченному развитию сталерельсового производства. Этому предшествовал катастрофический проигрыш Россией Крымской войны 1853 – 1856 годов. Оказалось, что без железных дорог страна чудовищно отстала от Западной Европы. Крымская война заставила Россию сделать надлежащие выводы из своего поражения, которые проявились в отмене в 1861 году крепостного права и последовавшим за этим экономическим взрывом в стране.

Вообще же зачин металлургического производства в России относится ещё к XVII веку. В 1632 году голландец Винниус основал в Туле первый железоделательный завод. В XVIII веке открывается ряд металлургических заводов на Урале (Демидова, Строганова, Турчанинова и других), причём их продукция (100 тысяч тонн в год) не только покрывала потребности страны, но вывозилась и за границу. К концу этого же века относятся и не совсем удачные попытки организовать железоделательное производство на Юге. В 1796 году был построен Луганский чугуноплавильный завод, использовавший местное минеральное топливо и руды по реке Лугани. Завод работал с переменным успехом в зависимости от наличия казённых заказов.

В середине XIX века – так же несчастливо – на Юге возникают ещё два казённых завода: Керченский в Керчи и Петровский в селе Корсуни Бахмутского уезда. Оба завода, проделав несколько неудачных опытов выплавки чугуна, один за другим закрывались. Столь же безрезультатны оказались опыты построенного в 1866 – 1870 годах Лисичанского казённого завода.

«Одно высокопоставленное лицо, получившее в подарок статуэтку, отлитую на Лисичанском заводе из своего чугуна, показывало её всегда, как драгоценность, так как она представляла почти единственное изделие завода, стоившего правительству несколько сот тысяч рублей» [44]. (Е. Рагозин. «Железо и уголь на Юге России». СПб. 1898 г.)

В числе железоделательных предприятий того времени существовал завод Общества

Варшавского сталелитейного и рельсового производства, расположенный в Пражском предместье польской столицы. Он был основан в 1878 году, главным образом, немецкими капиталистами: группой «Лильпоп, Рау и Лёвенштейн», а также обществами Стараховицкого и Рурортского. Образовав союз под названием «Общество Варшавского Сталелитейного завода» с первоначальным капиталом 1.500.000 рублей, учредители его оставались самостоятельными в других делах.

Варшавский завод состоял из следующих основных отделений: сталелитейного, молотового, рельсопрокатного, бандажепрокатного, листопрокатного, среднесортного, проволочного и молотового для осей и машинных частей. Средняя численность рабочих предприятия доходила до 1100 человек, служащих – более 90 [33]. Но в 1885 году завод оказался на грани банкротства. В значительной степени это можно связать с тем, что в 1876 году царское правительство издало указы, касающиеся поощрения российского товаропроизводителя и российской металлургической промышленности. Суть указов заключалась в запрещении ввоза рельсов иностранного производства, а также назначении попутной премии за стальные рельсы, произведенные на русских заводах из русского чугуна. К числу предприятий, выделявавших рельсы из попутного чугуна, как раз и принадлежал Варшавский сталелитейный завод.

В целом прогрессивные нововведения правительства отрицательно отразились на предприятиях, находящихся на западе Российской Империи, которые традиционно ориентировались на экономические отношения с иностранными партнёрами. Но лес рубят – щепки летят! Первоначальные доходы Варшавского общества начали быстро падать, общая сумма дивиденда за 1885 год составила лишь 47.250 рублей, или 1,9 процента. Причина этого явления крылась именно в том, что завод переделывал попутной бельгийский и германский чугун, премия на который была мизерной. К тому же в 1884 году и цена на рельсы в правительственных заказах значительно понизилась, а попутная премия упала с 35 до 20 копеек для заводов, работающих на собственном чугуне. Для предприятий использующих попутной чугун, данная премия оказалась ещё ниже. Все эти обстоятельства мало-помалу заставили владельцев Общества задуматься о дальнейшей судьбе фабрики.

Во второй половине XIX столетия о Донецко-Приднепровском регионе говорили и писали как о «русской Калифорнии» либо «украинском Руре», где наличествуют колоссальные природные богатства, требующие освоения. Недавно открытые богатые залежи железной руды в Кривом Роге в местности названной Жёлтые Воды (вода, окрашенная частицами железа, имела жёлтый цвет), донецкий уголь, водные ресурсы, а также введенная в строй в 1884 году Екатерининская железная дорога – обещали прекрасную перспективу развития металлургии. Территориальные границы Донецко-Приднепровского региона охватывали следующие губернии: Екатеринославскую, Таврическую, Харьковскую, Херсонскую, а также западную часть Области Войска Донского [59]. Одним из сёл, входивших в состав Екатеринославского уезда Екатеринославской губернии, было село Каменское.

КАМЕНСКОЕ

От села Романково в сторону Екатеринослава тянулись одно за другим три села, настолько слившихся между собою, что их можно было принять за одно сплошное громадное село. Это Каменское, Тритузное и Карнауховка. Запорожцы здесь вырыли в разных местах ходы и погреба, в которых они таили своё добро и сами прятались на случай внезапных набегов со

стороны неприятелей. Первое из таких сёл, стоящее на семь вёрст ниже Романково, было село Каменское, названное по скалам, разбросанным у берега Днепра и расположенное напротив большого острова Слюсарева.

Каменское издавна принадлежало к вольностям запорожских казаков, но первая церковь во имя Пресвятой Богородицы устроена в нём не ранее второй половины XVIII века. В виде остатков старины в этой церкви, по крайней мере, до конца XIX века, хранились чаша серебряная позолоченная, пожертвованная в 1777 году войсковым старшиной Лукьяном Ивановичем Великим, дискос, купленный в 1795 году Степаном Качаном. А также напрестольный крест – резной в серебряной оправе, и серебряная гробница, сооружённая войсковым старшиной Макаром Ногаем в 1779 году. Кроме того, здесь хранилось блюдо для всенощного бдения и шесть церковно-служебных книг, из которых четыре книги киевского печатания имели интересные надписи.

«Куплена сия книга Деяний святых апостолов рабом божьим Савою и братами его Иоанном и Антоном Сечи запорожской козаками куреня Брюховецкого ценою за три рубле и отдале оную в храм рожества Пресвятой Богородицы находящегося в селе Камянке в области Сечи запорожской за священника отца Демиана Иванова и другого священника отца Власия Нестерова и будучих в то время ктитореи Якова Манжеловского и Василия Иванова 1757 году декабря 28 дня» [73].

Вообще же первое письменное упоминание о селе Каменском относится к 1750 году. В документах консисторского архива Нехворощанского монастыря содержатся сведения об одном из первых священников церкви Рождества Пресвятой Богородицы Власия Нестеровича, который последние годы жизни провёл в этой обители. В докладе монастырского игумена о новоприбывшем говорится:

«В оном 1750 году проискал себе место войсковых вольностей в селе Каменском, к новоначинающейся тогда строиться церкви Рождеству Пресвятой Богородицы, куда по выданным ему, иерею Власию, от прихожан тамошних презентам от преосвященного митрополита Киевского, Галицкого и малой России покойного Тимофея Щербацкого, усыновительную грамоту 1751 года июня 14 дня получил» [57].

В Каменском на ту пору насчитывалось 52 двора, а деревянная церковь Рождества Богородицы, построенная без единого гвоздя, находилась в центре селения в районе современного речного порта.

Численность обитателей Каменского существенно увеличилось во время русско-турецкой войны 1768 – 1774 годов. К Каменскому присоединились землянками и зимовниками (то есть, хуторами) жители приграничных к Крыму областей, которые, спасая свои жизни и имущество, переселялись на север. Поэтому 12 января 1772 года местные священнослужители – бывший запорожский старшина Афанасий Андреев и бывший казак Леонтий Калеников, обратились в Кош с просьбой назначить в Каменское третьего священника в связи с увеличением числа прихожан церкви Рождества Богородицы. Дело дошло до киевского митрополита, и через год бюрократических согласований бывший казак Василий Григорьев получил благославительную грамоту на священство.

Население Каменского не знало помещичьего крепостничества. В 1784 году село было отнесено к разряду казенных (государственных) поселений. Жители его несли повинности в

пользу государства, оставаясь вольными. После ликвидации в 1775 году Запорожской Сечи село Каменское вошло в состав Славянской провинции Саксаганского (Новокодацкого) уезда Новороссийской губернии и впервые наносится на географическую карту. С 1802 года Каменское становится частью Екатеринославского уезда Екатеринославской губернии [23].

В конце XVIII века главная достопримечательность Каменского церковь Рождества Богородицы на целых пять лет осталась в безлюдном месте на пустыре. Открывшиеся под домами пески привели к угрозе оползней, а церковь начала оседать в овраг. Каменчане покинули обжитые места и переселились вниз по Днепру, а на сельском сходе постановили спасти храм Божий и перенести его на иной участок. В то время в Каменском насчитывалось уже 102 двора и 988 душ населения. В послании Екатеринославского духовного правления к архиепископу Амвросию говорилось, что церковь стала находиться «от селения расстоянием более полуторы версты, и ...одной стоять ей без селения и людей непристойно» [57].

В 1787 году после освящения нового места, был заложен каменный фундамент, к которому на катках перетянули старую церковь. На протяжении 1873 – 1879 годов в центре Каменского сельчане возвели рубленый из сосны новый храм Рождества Богородицы. Улица, на которой построили церковь, получила название Церковной.

Основным занятием жителей Каменского, как отмечалось в документах 7-й ревизии 1815 года, было хлебопашество и скотоводство. Часть населения занималась «прывозом купеческих товаров в разные города». К 1859 году в Каменском насчитывалось 382 двора и 2926 душ населения. И никто не подозревал на пороге каких событий стоит село Каменское, как круто изменится его судьба.

АКЦИОНЕРНАЯ КОМПАНИЯ «ЮРДМО»

Выгодное географическое расположение региона и благоприятственная государственная политика предполагали, что созданные в Донецко-Приднепровской области предприятия будут приносить значительную прибыль. Это привлекло представителей как российского, так и иностранного капитала. Здешние предприятия возникли в частной, акционерной и паевой формах. В становлении промышленных объектов принимали участие не только предприниматели, но и широкие слои интеллигенции, дворянства, рабочих.

Хотя каждое общество действовало на основании индивидуального устава, фиксировавшего цели и определенный набор правил функционирования, существовали единые принципы организации и деятельности руководства. Типового акционерного устава в России не имелось, а общее законодательство в вопросах внутреннего управления акционерных компаний ограничивалось регламентацией ряда общих положений. Во-первых, выборный характер высшей администрации, а во-вторых, правление могло избираться исключительно из числа акционеров, то есть, совладельцев капитала. Эти исходные нормативы очерчивали социальную границу между собственником (реальным хозяином) и наёмным служащим, вне зависимости от места последнего в административной иерархии акционерного общества.

Помимо директората, в крупных компаниях руководящая структура имела более сложное строение и наряду с правлением, занятым текущими делами, включала ещё и контролирующий совет. Роль последнего сводилась к наблюдению за деятельностью правления. В отдельных случаях функции совета и правления тесно переплетались, и совет

принимал непосредственное участие в повседневной деятельности общества [4].

В 1885 году владельцы Варшавского сталелитейного завода, связанные с германским Обществом «Объединенные Рейнские сталеплавильные комбинаты» («Vereinigte Rheinische Stahlwerke»), заинтересовали круг бельгийских и французских капиталистов в образовании нового общества. Основателями предприятия стали князь Вячеслав Николаевич Тенишев, лодзинский первой гильдии купец Е. Гурберт, банкир Владислав Эдуардович Ляский, бельгийские подданные барон Ф. де-Макар, Карл Деллуа-Матье, Георгий-Октавий Пастор, Адольф Грейнер, Роберт Сюрмонд, немецкий подданный Вильгельм-Эллис Рау [59].

16 мая 1886 года, в результате объединения «Общества Варшавского сталелитейного завода» с бельгийской компанией «Кокериль», группы Рау и французского «Общества Криворожских железных руд», возникла акционерная компания, которая впоследствии приняла название Южно-Русское Днепроовское Металлургическое Общество. ЮРДМО стало известно за границей под французским названием «Société Me'tallurgique Dnieprovienne du Midi de la Russie» или в сокращении «La Dnieprovienne». Первым председателем «La Dnieprovienne» стал барон де-Макар. В процентном отношении основной капитал общества распределялся следующим образом: 40% паёв принадлежало бельгийским акционерам, 33% польско-немецким и 27% французским.

Структура управления ЮРДМО была представлена директорами правления (они же главные акционеры), избравшие Советом директоров Председателя ЮРДМО, имеющего право подписи от имени акционерного общества, а также членами правления. На местах интересы ЮРДМО представлял директор-распорядитель конкретного предприятия, действия которого находились под наблюдением Контролирующего Совета Общества. Для успешного сбыта металлопродукции правление ЮРДМО основало в Санкт-Петербурге специальное агентство, заведующие которого имели право подписывать контракты от лица Общества.

Устав ЮРДМО был утвержден императором Александром Третьим 18 декабря 1887 года. Основной капитал общества, составляющий в 1888 году 5.000.000 рублей в 500-рублёвых акциях, был преобразован в 1898 году в капитал, состоящий из 20.000 акций стоимостью 250 рублей каждая. Кроме того, был создан облигационный капитал, составляющий 2.500.000 рублей. Но, не дожидаясь утверждения устава, акционеры прислали своих представителей в Приднепровье для выбора площадки под строительство металлургического завода. Время не располагало к ожиданию формальности подписания акта.

СТРОИТЕЛЬСТВО ЗАВОДА

Первоначально акционеры наметились на приобретение обширного участка в Екатеринославе, но переговоры по этому вопросу зашли в тупик. И польско-бельгийское общество решило купить землю в селе Каменском на правом берегу Днепра в 35 верстах от Екатеринослава. Местная крестьянская община, не устояв от соблазна хорошо заработать, уступила обществу 174 десятины малопригодной к хлебопашеству земли под строительство «Чугуноплавильного и рельсопрокатного завода ЮРДМО» и фабричного поселения Нижняя колония, а также сдала в аренду на 99 лет ещё 21 десятину под устройство будущей Верхней колонии. Кроме того, между правлением ЮРДМО и первым начальником Екатерининской железной дороги Александром Аполлоновичем Верховцевым был заключён договор об аренде на тридцать лет (с 01.01.1889 по 01.01.1919) четырёх участков земли. Причём аренда предполагала использование лишь поверхности земли, но не недр. В апреле 1889 года

министр путей сообщения доложил министру финансов о покупке ЮРДМО железнодорожной ветки длиной в одну версту.

Непосредственно к закладке завода варшавяне приступили ранней весной 1887 года. Строительство велось весьма своеобразным способом. В Каменское – за тысячу вёрст от польской столицы – было решено перенести целиком прекратившее деятельность сталелитейное предприятие вместе с рабочими и служащими. Оборудование и агрегаты «Варшавского сталелитейного завода» дополняли собой новейшие установки, привезенные из Бельгии и Франции. Столь грандиозное мероприятие являлось необычайно сложным делом, как в техническом, так и организационном плане. Различные отделения Варшавского завода переводились в Каменское постепенно, чтобы при начале работ соблюдать порядок производства. В статье «Горного журнала» за январь-февраль-март 1889 года, издававшегося горным учёным комитетом Санкт-Петербурга, приводится описание колоссального строительства «Чугуноплавильного и рельсопрокатного завода ЮРДМО» в селе Каменском:

«Завод этот устраивается на средства частной компании Кокериль и известного заводчика г. Рау. Чугуноплавильный завод, грандиозные постройки которого ведутся под руководством бельгийского инженера, представляет собой совершенно новое предприятие, механизмы же для переделных производств по большей части доставлены из упразднённого переделного завода в Варшаве, тоже принадлежавшего г. Рау... Во главе дела поставлены два директора: 1) главный, технический директор г. Бассон, впрочем, теперь оставивший службу на Каменском заводе, и 2) коммерческий директор г. Лессиг. Хотя фамилии эти иностранные, но, тем не менее, этих личностей следует признать русскими деятелями, так как они заявили свою деятельность ещё раньше в других местах России».

На тот момент по свидетельству журнала «Горное дело» на заводе имелись «две доменные печи и литейная. При доменных печах имеется по 4 нагревательных прибора Витвелля, здание воздуходувных машин; группа паровых котлов, нагреваемых доменными газами, с общемо дымовою трубою; эстакады для свалки руды и кокса, доставляемых по Екатерининской железной дороге; бессемеровская и рельсопрокатная фабрики; ...печи Сименса и листопрокатная фабрика, пудлинговая фабрика; проволочно-прокатная фабрика ещё не устроенная; вспомогательные механические мастерские, кузница, литейная, столярная и так далее. В том числе жилые помещения для служащих и рабочие дома. Во время нашего посещения этого завода, 14 июля 1888 года, доменные печи с принадлежностями были вполне окончены. Воздуходувные машины собирались и устанавливались на места. У паровых котлов оканчивалась вмазка. Дымовые трубы почти все были готовы. Эстакады окончены. Устанавливались насосы в водоподъёмном здании. Жилые дома для служащих были готовы, и деятельно шла постройка рабочего квартала. Если взять в соображение то обстоятельство, что постройка завода на голом песчаном берегу началась всего в августе 1887 года, то невольно преклоняешься перед энергиею и неутомимостью главных деятелей Каменского завода. Количество исполненных работ в такое короткое время поистине поразительно; но и затраты велики, так как на все постройки и приобретения земельных участков для устройства завода и рудников уже до 14 июля было израсходовано свыше трёх миллионов рублей серебром».

Рядом со скрупулёзным описанием территории завода, её рельефа, построек системы водоснабжения огромное внимание уделено доменному производству. Вот выдержка из этого описания: «Обе доменные печи совершенно одинаковые, шотландской системы с отдельно сложенным горном. Самостоятельная шахта печи поддерживается 8 чугунными колоннами.

Фундамент доменных печей углублён на 3 метра ниже почвы завода... Эти печи принадлежат к числу самых больших, существующих в настоящее время. В виде исключения в Западной Европе встречаются доменные печи вместимостью 450 и 500 куб. м. Вместимость доменных печей Каменского завода составляла 400 куб. м.»

В статье «Горного журнала» встречается и такое интересное примечание. «Почти все кирпичные трубы Каменского завода из огнеупорного кирпича, круглого сечения (скреплённые снаружи железными обручами), устроены изнутри без лесов. Работу эту выполняло с подряда немецкое семейство (из Бахмута), состоящее из мужа, жены и брата, которым от завода назначалась артель рабочих (до 20 человек) для подноски материалов. Особой отважностью отличалась жена подрядчика-немца, которая всегда одна оканчивала самую трудную работу кладки вершины труб, где во время сильного ветра весьма ощутительно упругое колебание постройки. Работа ведётся весьма успешно. Так, например, труба высотой 50 метров и диаметром 3 метра возведена всего за 6 недель с платою подрядчикам 17 рублей серебром за 1 метр длины трубы. При трубах меньших размеров эта плата всего 7-8 рублей за 1 метр длины (высоты) трубы».

Снабжение будущего производства Каменского завода сырьём и углями планировалось осуществлять следующим образом. «Вначале завод будет действовать на привозном коксе из Донецкого бассейна, но впоследствии предполагается завести коксование на месте, в самом заводе. Коксование на заводах весьма распространённое в последнее время за границей, в отношении Каменского завода, пользующегося донецким углем с большим содержанием газов, особенно выгодно... Для эксплуатации руд общество заарендовало в окрестностях Кривого Рога три участка. Причём руда эта имеет свойство самоплавности, то есть, нет необходимости смешивать её с другой рудой, и она прямо, непосредственно может идти в доменную печь. В Каменском заводе предположено плавить одну Криворожскую руду».

Далее авторы статьи подробно рассказывали о местоположении, устройстве и оборудовании бессемеровского, литейного, прокатного, рельсоотделочного отделений, а также отделения печей Сименса-Мартина, пудлинговой фабрики, проволоочной и фабрики огнеупорного кирпича, на которой «ручным способом приготавливаются и самые большие кирпичи в 24 пуда весом для доменных печей... В заключение описания Каменского завода остаётся только искренне пожелать полного успеха этому грандиозному предприятию». Так завершалась статья в журнале «Горное дело» [39].

Сему пожеланию было суждено сбыться. Однако довершил дело строительства и пуска Днепровского завода, который с самого начала проектировался как супер-современное предприятие, инженер-технолог Игнатий Игнатьевич Ясюкович. К моменту выхода статьи в журнале «Горное дело» И. Ясюкович уже в течение полугода стоял у руля строящегося металлургического гиганта. Днепровский завод, наряду с другими металлургическими заводами Юга, являл собой новое поколение российской металлургии, создававшейся на базе всех достижений промышленного переворота.

НОВЫЙ ДИРЕКТОР

Назначенный директор Днепровского завода в Каменском немец Вильгельм Бассон, несмотря на прилагаемые усилия, не сумел осуществить строительство предприятия. Первым администраторам на доверенные им деньги не удалось в полной мере претворить в жизнь

сооружение завода, ввиду исчерпания основного капитала Общества [82]. Более того, руководство завода было заподозрено в том, что часть финансовых потоков пошла не по назначению. Владельцы Общества, представленные в Контролирующем Совете (среди их членов – известный в польской промышленности Владислав Кислянский) сориентировались, что если в дальнейшем дела пойдут таким же образом, Обществу может грозить упадок и даже банкротство. Очевидной стала потребность поставить на пост главного директора не только сильного техника и дельного администратора, но, прежде всего, честного и добросовестного человека. Выбор пал на Игнатия Ясюковича [76].

Сорокаоднолетний Игнатий Игнатьевич Ясюкович предложения акционеров принял со встречными условиями, которые касались, прежде всего, наделения его самыми широкими полномочиями в финансовых, торговых, технических и персональных вопросах. Иными словами, он брал на себя весь груз ответственности за успешную реализацию колоссального дела, требуя взамен неограниченной власти. После удовлетворения этих условий, 1 сентября 1888 года (по другим источникам 8 (21) сентября 1888 года) [82] он принял пост директора-распорядителя Днепровского завода, находящегося в необыкновенно тяжёлом финансовом положении. Обладая исключительно практическим умом и высоким техническим знанием, Ясюкович приступил к делу с присущими ему энергией и рачительностью. Сколь большим уважением пользовался Игнатий Ясюкович в мире промышленности свидетельствует факт, что Санкт-Петербургский Международный Коммерческий банк открыл на имя и ответственность И. И. Ясюковича кредит в сумме 500 тысяч рублей, необходимых для окончания строительства Днепровского завода. К тратам новый директор-распорядитель подходил с разумной бережливостью, не жалея, однако, средств на спланированную инвестицию. Насколько возможно, составлял подробный отчёт, показывая рентабельность потраченных сумм [76].

В конце XIX столетия традиционная предпринимательская среда, представленная купечеством и почётными гражданами, активно пополняется дворянством и разночинцами с техническим образованием. Услугами российских технических специалистов, более компетентных в местных экономических условиях, нежели иноземные служащие, стали довольно часто пользоваться зарубежные компании и фирмы со значительным участием иностранных капиталов. В середине 1890-х годов должности ответственных агентов и консультантов ряда крупных французских, бельгийских и немецких обществ занимали российские инженеры, сделавшиеся позднее видными отечественными предпринимателями. Среди них И. Ясюкович, Н. Авдаков, А. Вольский, В. Кислянский, братья А. и Ю. Горяиновы и некоторые другие.

Индустриализация страны повлияла на социальную мобильность инженеров. Техническая интеллигенция заняла видное место не только в структуре отечественного предпринимательства, но и общественной жизни России. В результате экономического подъёма отдельным инженерам (в том числе и Игнатию Игнатьевичу Ясюковичу) удавалось пройти путь от наёмного управляющего до распорядителя и совладельца компании. Это было особенно характерно для южной региональной группы предпринимателей. Различное происхождение главных управляющих в тяжёлой промышленности Юга свидетельствует о возникновении системы меритократии, когда при формировании кадров предпочтение отдаётся профессиональным качествам, а не социальному или национальному происхождению. Инженеры-предприниматели лидировали в представительских организациях промышленной буржуазии, находились на ответственных постах в органах местного самоуправления.

И всё же уход И. Ясюковича с поста главного директора Путиловских заводов для становления в молодом предприятии может показаться шагом очень рискованным и странным. Действительно, Путиловские заводы, на которых трудились тысячи рабочих (30 тысяч перед первой мировой войной), имели всероссийскую известность, наработанный рынок сбыта и перспективы всестороннего развития. Каменское же оставалось землёй неизведанной – *terra incognita*, – а строительство Днепровского завода и вовсе было незакончено. Но тут, нужно признать, проявилась необыкновенная интуиция предпринимателя, которая в известных случаях присутствовала в Ясюковиче. Игнатий Ясюкович, перенося свою деятельность из столицы империи Петербурга на берега Днепра, которые ещё не так давно именовались «Диким Полем», подсознательно ощутил скорое огромное развитие металлургической промышленности на Юге России. Хотя начало её в Каменском не было триумфальным.

Наибольшее в то время Новороссийское Металлургическое Общество, основанное в 1869 году англичанином Джоном Хьюзом, опиралось на государственные субсидии, которые составляли 30 копеек за каждый пуд выплавленного чугуна. С другой стороны, оно опиралось на квартплату, собираемую по английскому примеру с владельцев домов, которые построились на землях, принадлежащих Новороссийскому Обществу. Село Юзовка, получившее своё название по имени основателя Новороссийского Общества, насчитывало к концу XIX века около двадцати тысяч жителей и, помимо строений, относящихся к Обществу, складывалось из нескольких сотен домов, являющихся частной собственностью. Однако их владельцы были обязаны платить Новороссийскому Обществу годовую квартплату за используемую под застройку землю. Вот этими доходами, состоящими из правительственных субсидий и квартплаты от собственников недвижимости, удовлетворялись англичане [76].

Днепровское Общество никаких таких привилегий не имело. Своим развитием оно обязано исключительно Игнатию Ясюковичу, который одновременно занимался множеством вопросов, два из которых на первом этапе носили глобальный характер: пуск Днепровского завода и строительство жилья всё увеличивающемуся числу рабочих, мастеров и служащих огромного предприятия.

И. Ясюкович прибыл в Каменское из Петербурга в октябре 1888 года. Он приехал не один, а с беременной супругой Брониславой Генриховной (урождённой Лабунской) и тремя сыновьями – Станиславом, Игнатием и Яном. Поселились Ясюковичи в так называемом «директорском доме», расположенном на границе Верхней колонии с прекрасным парком и изумительным видом на Днепр.

Очень скоро каменчанам стало известно, что двое из троих мальчиков – двухлетний Игнатий и годовалый Ян – отстают в умственном развитии. В феврале 1889 года у тридцатидвухлетней госпожи Брониславы, которая была моложе своего мужа на десять лет, рождается ещё один сын – Павел. К крайней удручённости родителей он также оказался умственно-отсталым. Трудно сказать, что явилось истинной причиной подобного явления. Одно из возможных объяснений состоит в предположении, что супруги имели противоположные резус-факторы: отрицательный у Брониславы Генриховны и положительный у Игнатия Игнатьевича. При таком раскладе частым исходом беременностей является именно тот, который произошёл у Ясюковичей: нормальный первый ребёнок и патологии у последующих детей.

И действительно, старший сын Станислав, появившийся на свет в Петербурге 8 декабря 1882 года, отличался прекрасными способностями. В 1901 году он окончил Екатеринославскую губернскую мужскую гимназию с золотой медалью. Получив впоследствии высшее образование в Петербурге, он продолжит обучение в Мюнхене, где защитит диссертацию, обретет степень доктора политэкономии и с 1913 года войдет в число членов правления ЮРДМО [77].

Заняв пост директора-распорядителя Днепровских предприятий, Игнатий Ясюкович, прежде всего, обратил внимание на персонал, который застал на месте. Кроме поляков, прибывших в основном из Варшавского сталелитейного завода, обнаружилось также определенное число чужеземцев, в основном бельгийцев и немцев – соотечественников новых владельцев завода. Уже после нескольких недель осмотра и оценки квалификации иностранцев, занимавших преимущественно привилегированное положение, директор понял, что многие из них не отвечают возлагаемым на них обязанностям. И без колебаний увольнял подобных «специалистов», а на их место принимал инженеров и мастеров, которых либо знал лично, либо рекомендованных его знакомыми предпринимателями.

Среди них, к примеру, Йоган Шольта и Иван Гавнер. Йоган Шольта, австрийский подданный, чех по национальности, работал вальцовщиком на бандажепрокатном стане Путиловского завода. В 1888 году Шольта с семьей переехал в Каменское, куда глава семьи был приглашен по личной просьбе И. Ясюковича в качестве мастера бандажепрокатного отделения Днепровского завода. Шольта жили на Верхней колонии в доме № 3. Квартира с верандой располагалась в левом одноэтажном крыле дома. Чех Иван Гавнер, мастер прокатного отделения Днепровского завода, был также приглашен И. Ясюковичем с Путиловского завода. Семья Гавнеров вплоть до революции проживала на Нижней колонии в доме № 62.

Игнатий Игнатьевич Ясюкович требовал от всех работников пунктуальности и трудолюбия. Часто видели директора, когда во время, назначенное к началу работы, он стоял с часами в руках – и беда была опоздавшему инженеру или служащему! На заводе ввел образцовый порядок, действуя в строгом соответствии с трудовым законодательством своего времени. «В видах поддержания на фабриках должного порядка, заведующим сими заведениями предоставляется налагать на рабочих собственною властью денежные взыскания: 1) за неисправную работу; 2) за прогул; 3) за нарушение порядка. Никакие взыскания не могут быть налагаемы по другим поводам» [45]. (Извлечение из Устава о Промышленности, издание 1893 года)

Табель взысканий, налагаемый на рабочих Днепровского завода, состоял из 18-ти пунктов и очень ясно напоминал о необходимости добросовестного отношения к своим обязанностям: не пей, не кради, не обманывай, не устраивай на заводе азартных игр, соблюдай правила техники безопасности, не подстрекай других к беспорядкам. Интересно, что за непослушание или даже обман Начальника Отделения, мастера или другого заводского начальства на строптивного рабочего налагался штраф в размере одного рубля. Но за дерзкое или грубое обращение с тем же начальством – немедленный расчёт. За нетрезвый вид во время работы – штраф один рубль, при троекратном повторении данной провинности – расчёт с предприятия.

В том же Уставе о Промышленности в статье 152 давалось следующее разъяснение: «Взыскания с рабочих обращаются на составление особого при каждой фабрике капитала, состоящего в заведывании фабричного управления. Капитал этот может быть употреблен с

разрешения Окружного Инженера только на удовлетворение нужд самих рабочих».

Одновременно администрации завода предоставлялось право ходатайства «о награждении похвальными листами, кафтанами и медалями мастеровых, рабочих и других служащих при заводах и промыслах за особенные их в горнозаводском деле заслуги или за сделанные ими открытия или изобретения. ...По обоюдному согласию заводоладельцев и работающих людей, могут быть учреждены горнозаводские товарищества, имеющие целью попечение о рабочих в болезни, старости и при домашних несчастиях, призрение вдов и сирот рабочих, распространение нравственности среди рабочего населения и иные меры, полезные для его благосостояния» [45]. (Устав горный, ст. 658, 659)

Всякому окончательно нанятому рабочему начальник отделения назначал с утверждения управления Общества цеховое жалование исходя из способностей рабочего. Минимальной зарплатой считалось поденное жалование чернорабочего, которое пересматривалось один раз в три года. По традиции, введенной на Днепровском заводе, первая получка вновь принятого рабочего выдавалась исключительно золотом.

Завод в Каменском, костяк всего Днепровского Общества, металлургический колосс царской России был пущен через пять месяцев после прихода на него Игнатия Ясюковича. Характерно, что и в зимний период, в отличие от времени руководства строительством завода В. Басоном, работы велись исключительно высокими темпами. И 17 февраля 1889 года (2 марта по новому стилю) в торжественной обстановке произведена задувка первой доменной печи. Это была победа! Параллельно шло строительство остальных главных и вспомогательных цехов металлургического предприятия. После пуска в ход первой домны, с головокружительной, истинно американской быстротой произошёл полный пуск целого завода, и по мере его возрастания, наступило развитие и всех связанных с ним рудников.

Общее описание завода и неуклонный его прогресс за первые 15 лет, то есть до момента, когда Ясюкович покинул пост директора-распорядителя Днепровского завода и занял место председателя правления ЮРДМО в Петербурге, можно найти в книге «Описание Днепровского завода», изданного в Варшаве в 1908 году. Поэтому ограничимся только регистрацией дат, свидетельствующих о быстром развитии всего предприятия в 1889 году.

17 февраля – пущена в ход первая доменная печь.

1 мая – задымили коксовые печи.

8 июня – задута вторая домна.

17 июня – бессемеровские груши треснули цветным фонтаном искр, дав первую сталь.

17 июня – первый раз разнёсся стук валков сталепрокатного цеха.

18 июля – пошла в ход пудлинговая печь.

5 ноября – начата работа железопрокатного цеха.

4 декабря – полились стальные струи из печей Сименс-Мартина.

29 декабря – листопрокатный цех с характерным грохотом начал прокатку листов.

С окончанием 1889 года завершился первый этап строительства и пуска Днепровского завода. В это время на предприятии работало 2270 человек.

.....

В 1889 году Франция организовала Всемирную художественную и промышленную выставку в Париже. К «голубой» выставке (большинство зданий на Марсовом Поле было

декорировано голубым кафелем и голубой майоликой) французы готовились четыре года. За это время были возведены колоссальные сооружения – башня Эйфеля высотой 300 метров, «Галерея машин» шириной 110 метров и роскошный «Дворец электричества». Всемирная выставка в Париже называлась также Выставкой столетия. Она насчитывала 38 тысяч экспонатов, занимала общую площадь 70 гектаров и работала в течение полугода.

Россия участвовала в Парижской выставке 1889 года неофициально. Экспонаты выставлялись на собственные средства без какой-либо государственной дотации. Российский наблюдатель А. А. Ефрон с горечью отмечал, что в Русском отделе господствовали беспорядок и интриги. Он же писал, что русские изобретения обратили бы на себя внимание, если бы наши научные выставки были прилично обставлены и не забиты были в углы, куда посетитель никогда не заглядывал, и где пыль никогда не вытиралась. Тем не менее, на долю России пришлось несколько высших наград выставки.

Совершенно неожиданным, дерзким и, на первый взгляд, просто безумным шагом являлось участие во всемирной Парижской выставке Днепровского завода в Каменском. К открытию выставки 6 мая 1889 года, когда на Днепровском заводе работала только одна домна и коксовые печи, каменские металлурги могли предоставить в качестве экспоната лишь товарный чугун и описание технологического процесса. И, тем не менее, Днепровский завод в Каменском стал не только экспонентом Выставки столетия, но удостоился Большой золотой медали – главной награды Парижской выставки 1889 года! Молодое предприятие выходило на металлургический рынок России как победитель Всемирной выставки, что сразу поднимало его престиж по отношению к другим металлургическим заводам империи. Отличный старт! Отличная идея!

В качестве примера несгибаемой воли Ясюковича, помогающей ему в осуществлении самых смелых и, казалось бы, рискованных начинаний, можно привести ещё один случай. В 1892 году, вскоре после занятия Ясюковичем поста директора-распорядителя в Каменском, начался кризис в металлургии. В это время Днепровский завод посетили члены Контролирующего Совета для совещания по поводу финансов Общества. При осмотре территории завода, прибывшие внезапно остановились в недоумении и одновременно в возмущении перед открывшейся им картиной. Рядом с двумя имеющимися домнами важные гости увидели начатое строительство третьей доменной печи.

- Кто господину это позволил? – раздражённо бросил один из визитёров. Ясюкович, холодно посмотрев на спрашивающего, твёрдо отпарировал:
- О разрешении никого просить не нуждаюсь, поскольку действую по собственной инициативе на основании полномочий, которыми наделил меня Совет.
- Откуда господин Ясюкович возьмёт деньги на удержание предприятий в наше тяжёлое время кризиса, если будут исчерпаны имеющиеся средства на эту дорогостоящую инвестицию?
- С деньгами я разберусь, прошу Вас не волноваться!

Когда строительство третьей домны завершилось, и окончился период кризиса, Днепровские предприятия, имеющие три доменные печи, намного увеличили выпуск продукции и дали значительную прибыль. Интуиция Ясюковича-промышленника не подвела [76].

ЭНЦИКЛИКА ПАПЫ РИМСКОГО ЛЬВА XIII

В июне 1891 года в католическом приходе села Каменского царило необычное возбуждение. Во-первых, по инициативе И. Ясюковича состоялось общее собрание служащих, мастеров и рабочих католического вероисповедания Днепровского завода, на котором было принято решение о строительстве костёла. А во-вторых, из Ватикана прибыла энциклика Папы Римского Льва XIII «*Regum novarum*», посвящённая рабочему вопросу. Данную энциклику, как и во всех католических приходах мира, должно было обнародовать в местном молитвенном доме, который община снимала для удовлетворения своих религиозных потребностей. Энциклику оглашал настоятель прихода ксёндз Гиацинт Левчак.

Исключительная важность окружного послания Папы не вызывала сомнения. Появление энциклики в большей части было активизировано процессами развития «дикого капитализма» в Западной Европе, эксплуатацией католиками-предпринимателями католиков-рабочих, появлением социалистических теорий выхода из ситуации путём отмены частной собственности. В бурно развивающемся промышленном Каменском данный вопрос не достигал западноевропейской остроты, однако мог назреть и стать в повестку дня. Взаимоотношения рабочих и администрации, условия труда и зарплата, права и обязанности сторон, отдых и возможность развития личности всегда были предметами первостатейной важности и каждодневного обсуждения. И энциклика Льва XIII не только правдиво обрисовывала ситуацию, но с точки зрения Католической Церкви указывала путь разрешения конфликтов между рабочими и хозяевами.

Среди самых внимательных читателей папского документа был директор-распорядитель Днепровского завода Игнатий Ясюкович. Он должен был учесть и соединить интересы громадного дела с интересами участвующих в этом деле сторон. И, как мы не раз убедимся в дальнейшем, Игнатий Игнатьевич действовал не только как прагматик-промышленник, для которого вопрос прибыли стоит на первом месте, но и как верующий человек, в полной мере принявший и воплощающий в себе христианские понятия о нравственности, морали, человеколюбии и справедливости.

Выдержки из «Окружного послания Папы Льва XIII о положении трудящихся»

Дано у Святого Петра в Риме, мая пятнадцатого дня, 1891 года.

Нет ничего удивительного в том, что дух революционных перемен, так долго возмущавший народы мира, вышел за пределы политики и влияние его уже ощущается в родственной области практической экономики. К нынешнему конфликту привели прогресс промышленности, развитие новых отраслей, изменившиеся отношения между рабочими и хозяевами, огромные состояния немногих и бедность многих, наконец – заметный упадок нравственности. Положение очень серьёзно, и оно вызывает сильнейшие опасения.

Нелегко определить относительные права и взаимные обязанности богатых и бедных, капиталистов и рабочих. Опасность же в том, что ловкие агитаторы непрестанно пользуются такими спорами, извращая суждения и побуждая народ к мятежу. Разъединённые рабочие ничем не защищены от бессердечия хозяев и жестокости неограниченного соперничества. В руках незначительного числа сосредоточено столько отраслей производства, что считанные богачи могут держать множество бедных под игом, которое немногим лучше рабства.

Чтобы преодолеть это зло, социалисты, рассчитывая на зависть бедных к богатым, предлагают уничтожить частную собственность и требуют, чтобы личное имущество стало общим и находилось в ведении государства или местных властей. Им кажется, что, передав собственность от частных лиц обществу, они исправят нынешние беды, ибо каждый гражданин будет иметь долю во всём, что ему может понадобиться. Однако предложения эти настолько непригодны, что если выполнить их, рабочие пострадали бы первыми. Стремясь передать обществу имущество частных лиц, социалисты посягают на интересы людей, живущих заработной платой, ибо лишают их свободы ею распоряжаться, отнимая тем самым надежду и возможность умножить свое состояние и улучшить условия жизни.

Ещё важнее, что подобные средства не согласуются с требованиями справедливости. Каждый человек имеет от природы право владеть собственностью. Этим, среди прочего, и отличаются люди от животных. Доводы эти столь очевидны, что просто удивительно, как могли ожить противоположные мнения.

Тот же принцип утверждают и охраняют гражданские законы, которые, если они справедливы, получают свою обязательную силу от закона природы. Освящает его и власть закона божественного, твёрдо воспрещающего даже пожелать то, что тебе не принадлежит: «Не желай жены ближнего твоего, и не желай дома ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабы его, ни вола его, ни осла его, ни всего, что есть у ближнего твоего» (Втор. 5, 21).

Отсюда явствует, что главное основание социализма, общность имущества, следует всецело отвергнуть, ибо это причинило бы вред именно тем, кому должно бы принести пользу, стало бы в противоречие с естественными правами человека и внесло бы смуту в общественную жизнь. Стало быть, стремясь облегчить положение народных масс, мы должны признать первым и основным принципом нерушимость частной собственности. Только тогда сможем мы искать врачующее средство. Главенствующие из этих средств – Церковь, Государство, Профессиональные союзы.

Пусть каждый возьмётся за дело, выпадающее на его долю, немедленно и в согласии с прочими, ибо зло уже велико, а из-за промедления может стать таким, что его и не излечишь. Пусть те, кто правит государством, действуют через законы и государственные учреждения. Хозяева и богатые люди пусть не забывают своих обязанностей перед другими. Пролетарии, чьи интересы больше всего затронуты в этом деле, пусть содействуют разрешению вопроса всеми законными и надлежащими средствами. Поскольку же только вера может уничтожить зло в корне, все должны как можно глубже убедиться в том, что надо, прежде всего, вернуться к подлинному христианству, без которого недействительны и непригодны все планы и предположения людей, даже мудрейших.

.....

Папа Лев XIII прозорливо заметивший, что «зло уже велико, а из-за промедления может стать таким, что его и не излечишь», наверное, и сам не предполагал, во что выльется безумство социалистов, уничтоживших в России частную собственность. Но пока – в конце XIX столетия – это ещё было невозможно: Россия стремительно наращивала экономическую мощь. Днепропетровский завод, возглавляемый И. И. Ясюковичем, во многих отношениях служил образцом сбалансированных интересов хозяев и рабочих, а пролетарии «дозреют» до создания собственного профсоюза к 1906 году. В Проекте

устава «Социального общества рабочих по металлу Днепровского завода в селе Каменском» в разделе «Цель Общества» будет записано:

«Общество рабочих по металлу имеет целью:

- а) защиту правовых и экономических интересов своих членов;
- б) содействие умственному, профессиональному развитию их;
- в) материальную помощь своим членам».

Толерантно, достойно, законно, похвально.

НА ПОЛНЫХ ПАРАХ

Ниже даём лишь бегло главные этапы развития предприятий Днепровского общества и фабричного поселения в селе Каменское до самой смерти их действительного создателя.

1889 год – пуск завода и основных цехов предприятия, возведена заводская больница.

1890 – 1891 годы – построено литейное отделение.

1892 год – отмечен как выдающийся в развития Общества. Открыто училище для детей рабочих и служащих. Взяты в аренду площади в Кривом Рогу и основаны там железорудные шахты. 28 октября пущена в ход третья доменная печь. В конце того же 1892 года возникло Общество Потребителей.

1893 год – начала работать четвёртая домна (июль), открыта кухня-столовая для рабочих, создано Общество гребного плавания.

1894 год – построена печь с полным оборудованием системы Мангейма для изготовления огнеупорных материалов производственной мощностью 15 тысяч тонн в год, и в том же году возведена православная церковь.

1895 год – создан фабричный оркестр.

1895 – 1896 годы – перестроен сгоревший железопрокатный цех.

1896 год – взяты в аренду площади в Городище около Никополя на Днестре и основан рудник по добыче марганца. Днепровский завод принял участие в XVI Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде.

1897 год – сооружен католический костёл в красивом готическом стиле, окончено строительство первой электрической станции, литейный цех для производства чугунных водопроводных труб, новые мартеновские печи.

1898 год – построен новый проволочный цех, окончено строительство котельной и кузницы, установка прессов для изготовления колёсных центров, оборудование мастерской для изготовления вагонных полускатов. По мнению академика И. Бардина Днепровский завод «имел самый лучший в стране, а возможно даже в Европе, проволочный цех» [28]. В том же 1898 году Общество для своих нужд закупило у крестьян Каменского землю, но совершенно на других условиях, чем десять лет назад при заключении первой сделки. Решением заседания Губернского Присутствия от 20 апреля 1898 года было утверждено постановление Каменского сельского общества от 15 марта 1898 года о продаже 101 десятины надельной земли. Во-первых, пришлось платить за каждую десятину не по 100 – 250 рублей местных цен, как это было в первый раз, а практически в десять раз дороже – по 1500 рублей. Причём расходы по купчей крепости возлагались на ЮРДМО. Во-вторых, Общество не имело права устраивать на втором участке земли торговые точки и рынок. Но, не смотря на такие кабальные условия, сделка состоялась, и расчётливые селяне Каменского на вырученные от продажи 151 тысячи 500 рублей купили 300 десятин плодородной земли, а ЮРДМО

приступило к «освоению» новых площадей.

1899 год – был годом особенной инвестиционно-строительной горячки, когда окончено строительство новой Главной конторы, новой доломитной мастерской, пятой домны со всеми её службами, установлен пресс для изготовления штампованных днищ, построен Заводской клуб с библиотекой и Зимний клуб Общества гребного плавания.

1900 год – запомнился окончанием новой малой бессемеровской печи и новой химической лаборатории, а из заведений культуры построена Народная аудитория (или «Народный дом») и разбит при ней парк. В том же году взята в аренду угольная шахта в Лидиевке, и вошла в собственность Общества угольная шахта в Анненке площадью 3000 гектаров.

1901 – 1903 годы – построены новые отделения сталелитейного и сталепрокатного цехов, а также вторая газомоторная электростанция, работающая на доменных газах.

1904 год – выделены средства на постройку здания для новых газовых воздуходувов, работающих на доменных газах, и в том же году Днепровское Общество приобрело в Кадиевке угольную шахту вместе с заводом на станции Алмазная за общую сумму 6.000.000 рублей, после чего наступило быстрое развитие этого подразделения Общества.

1906 год – построены бани для рабочих, приют для детей рабочих православного вероисповедания имени И. И. Ясюковича, родильный приют при заводской больнице, открыто частное женское училище 2-го разряда Анны Отговны Мороз, преобразованное в 1907 году в полную женскую гимназию. Гимназический курс обучения состоял из семи основных классов и восьмого дополнительного.

1907 год – пущена в ход шестая доменная печь на Днепровском заводе, и начато строительство 3-й электростанции общей мощностью 12 тысяч киловатт, работающей на доменных газах. Открыта частная восьмилетняя мужская гимназия, почётным попечителем которой стал И. И. Ясюкович. (В 1913 году среднее учебное заведение Каменского преобразовано в правительственную полноправную мужскую гимназию). При химической лаборатории открыт Музей завода: «Во втором этаже павильона в одной из больших комнат помещается музей всех руд, флюсов, глин, шлаков, чугуна, готовых продуктов, углей, кокса и проч.» [33].

1908 год – пущена 3-я электростанция и в том же году начато бить новую шахту «Игнатий» на кадиевском руднике.

1909 – 1910 годы – построена новая котельная для отопления коксовыми газами и новая электростанция на руднике в Кадиевке. В этом же году воздвигнута огромная коксовая батарея с регенерацией и рекуперацией, самая большая печь на европейском континенте того времени. Из заведений культуры сооружен в Кадиевке Фабричный клуб с библиотекой. Близ Каменского костёла завершено строительство здания Детского приюта и школы образованного «Римско-католического общества пособия бедным». По свидетельству ежедневной общественной и литературной газеты «Отклики жизни», католический и православный приюты «по справедливости служат гордостью населения. В них содержатся на полном иждивении более сотни сирот, выброшенных судьбою на улицу, но теперь нашедших в приютах уютный теплый угол и сердечные заботы» [35].

1910 – 1912 годы – построена третья доменная печь на заводе станции Алмазная, общее количество доменных печей Днепровского Общества увеличилось до девяти с колоссальной для того времени производительностью 3 тысячи тонн ежедневно любого качества чугуна. В тот же год приобретен рудник «Максимовский» недалеко от Кадиевки и построен там костёл. На Днепровском заводе установлено оборудование мастерской для прокатки кровельного железа, пущена новая среднесортная прокатная мастерская, произведена электрификация крупносортового, бандажепрокатного и листопрокатного станов. В 1912 году правление ЮРДМО выделило 6.000.000 рублей на реконструкцию Днепровского завода, то есть, сумму, превышающую на миллион рублей весь уставной капитал Общества в 1887 году. В 1912 году

пущено в ход новое мелкосортное отделение.

1913 – 1914 годы – в Кадиевке построена большая химическая фабрика по переработке побочных продуктов при коксовании угля – различных смол, нафталинов и т.п. Почти всё производство сернистого аммония – ценного удобрения – шло на экспорт, поскольку урожайный чернозём российской и украинской почвы, обрабатывался практически без искусственных удобрений [76, 72].

.....

Как видим, при создании Каменского завода, был заложен очень высокий технический уровень, а сооруженные бессемеровские печи поставили Общество впереди всех металлургических предприятий империи. Накануне Первой мировой войны завод в Каменском под руководством блестящей плеяды руководителей, возглавляемых Игнатием Ясюковичем, являлся самым крупным металлургическим предприятием России, им выпускалось 13 – 14% всего производимого в стране чугуна, стали и проката. Завод располагал пятью доменными и десятью мартеновскими печами, бессемеровским отделением, сталепрокатным, осебандажным, котельно-кузнечным, литейным и огнеупорным отделениями, а также тремя электростанциями. Увеличивался приток рабочей силы: к 1917 году на Днепровском заводе в Каменском трудилось 14.824 человека.

Разумеется, чтобы обеспечить не имеющий аналогов рост производства и качества продукции, задачей первойшей необходимости было привлечь в село Каменское ведущих специалистов металлургической промышленности. Высшее руководство завода, инженеров и служащих требовалось заинтересовать не только высокой зарплатой и возможностью быстрого карьерного роста, но также соответствующими условиями проживания в селе Каменском. И такая задача была выполнена.

Благодаря инвестициям, как технического характера, так и для нужд общекультурных, строились больницы, дороги, дома для служащих и рабочих, спортивные площадки, парки и тому подобное. Как в Каменском, так и в Кадиевке выросли истинные города со всеми культурными учреждениями. А село Каменское по праву получило неофициальный титул «столицы южной металлургии».

СТОЛИЦА ЮЖНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ

Местность, являющаяся заводской территорией, представляла собой две равнины, переходящие одна в другую. Обе они расположены приблизительно на сто метров ниже главной линии Екатерининской железной дороги со станцией Запорожье. Более высокая из двух равнин послужила местом для постройки главной конторы Днепровского завода, жилых домов для директора и служащих, а также зданий общественного характера: больницы, училища, гимназий, Народной аудитории, здания общества потребителей, церкви и костёла. Эта часть по своему возвышенному положению была названа «Верхней колонией». Её обвели деревянным забором, составлявшим границу между верхним селом Каменским и незастроенными участками земли завода с одной стороны и жилыми зданиями для служащих – с другой. С северо-западной стороны Верхняя колония оканчивалась крутым обрывом к железной дороге, связывающей станцию Тритузную с заводом.

К северо-востоку от главной конторы и ряда зданий, составляющих рубеж Верхней колонии, простиралась равнина, на которой располагался собственно завод. Заводские постройки

тянулись сплошной массой к берегу Днепра, примыкая с одной стороны к нижней части села Каменского, а с другой – к так называемой «Нижней колонии». Нижняя колония, соединённая с Верхней колонией мостом, была заселена преимущественно квалифицированными рабочими, мастерами и некоторыми служащими.

Общественные здания и жильё Верхней, да и Нижней колоний строились по последнему слову жилищно-коммунальной техники, вся застройка заводского поселения происходила по единому плану. Поэтому аристократическая часть Каменского очень быстро приобретала черты района, ставшего впоследствии центром превращения села Каменского в настоящий город. Тридцать два жилых дома Верхней колонии (перед революцией – сорок домов) образовывали несколько улиц, которые оставляли впечатление аллей дачной местности. Каждый отдельный дом окружался забором и располагался среди деревьев сада. Один большой двухэтажный дом был отведен для холостых служащих (Верхняя колония, 12), другой – для приёма приезжих гостей завода. Дома для семейных инженеров и служащих содержали квартиры на три, четыре, пять или семь комнат с кухнями и передними. Неотъемлемой принадлежностью каждого дома составляли деревянные службы и каменные ледники, а при некоторых – отдельные пристройки для кухонь с комнатами для прислуги. Дома Верхней колонии освещались электричеством, а улицы – электрическими дуговыми фонарями.

Дома Нижней колонии в количестве ста двадцати девяти – все одноэтажные – преимущественно рассчитаны на две квартиры, каждая из одной или двух комнат с передней, кладовой и кухней. Кроме того, имелись жилые дома казарменного (барачного) типа: два дома состояли из четырёх квартир по три комнаты с кухней и передней, а шесть домов из восьми квартир по одной комнате с кухней и большой передней. Улицы Нижней колонии, также засаженные деревьями, имели электрическое освещение. При каждом доме был разбит садик, с обязательными деревянным сараем и ледником. На Нижней колонии, как и на Верхней, имелся водопровод, с той только разницей, что там краны и гидранты устанавливались на улицах и в садах, а на Верхней колонии вода была проведена в каждую отдельную квартиру [33].

Строительный бум жилых и общественных зданий, начатый вместе с сооружением завода, продолжался вплоть до революции. Благодаря Ясюковичу, с немалой частью его собственных средств, район заводского поселения украсился многими превосходными зданиями. В первую очередь, это православная Свято-Николаевская церковь, а также католический костёл во имя Святителя Николая.

Свято-Николаевская или Заводская церковь была построена по проекту талантливого архитектора Екатеринославской епархии Леонида Бродницкого на средства рабочих и служащих Днепровского завода, а также управления ЮРДМО на земле, отпущенной крестьянами села Каменского безвозмездно. Церковь, рассчитанная на одновременное посещение до 2000 прихожан, стала одной из крупных в Екатеринославской губернии. Внутренняя отделка ее, иконостас, мозаичные полы и прочее могли удовлетворить самый изысканный вкус. Созданная в Каменском церковь и по своему внешнему виду и по внутреннему благолепию являлась по выражению газеты «Отклики жизни» «богатым носителем высокой идеи храма, приводя в восторг и умиление людей, даже индифферентно относящихся к вопросам веры» [36]. На постройку церкви израсходовано около 190 тысяч рублей.

Напротив православной церкви построено прекрасное здание Народной аудитории с целью предоставления рабочим завода места для развлечения и образования. В ней функционировали библиотека и читальня, в парке при аудитории играл струнный и духовой оркестр, дважды в неделю проходили театральные представления или концерты в зрительном зале, в котором свободно могло поместиться до пятисот человек. В начале на сцене Народной аудитории ставились пьесы любительского репертуара, но впоследствии любители из среды рабочих и служащих с успехом исполняли серьёзные драмы и комедии. По свидетельству Екатеринославской газеты «Южная заря» за 1910 год на высоком месте за селом расположен огромный сад с широкими аллеями и полянами. Он прилегает к большому и красивому зданию Аудитории, в которой находится зал для зрителей со сценою, библиотека, чайная и другое. Всё это удобно, просторно, красиво. Театр чудесный и в целом оформлен с большим старанием и вкусом. В саду, кроме того, есть эстрада для музыки, тут же устроены всякие гимнастические развлечения, даже до модного скетинг-ринка. Есть рабочий театральный кружок, хор, оркестр канторских служащих, устраивает лекции Екатеринославское Научное общество. По мнению гостей Каменского, эта аудитория и сад вместе с концентрированными в нём развлечениями являют собой культурный уголок западноевропейского типа. И через сто лет после строительства Народного дома для рабочих, преобразованного в середине тридцатых годов двадцатого столетия в драматический театр, это здание остаётся одним из самых востребованных интеллигенцией Днепродзержинска.

Инженерный или Заводской клуб, как сказано в книге «Описание Днепровского завода», «занимает первое место среди учреждений, имеющих целью доставить служащим возможность приятного препровождения времени и почву для развития общительной жизни». Он был построен по личной инициативе И. Ясюковича и остаётся одним из памятников его заботливости о своих сотрудниках. Клуб служил местом собраний и увеселений для членов Инженерного клуба и Гимнастического общества, в нём располагались обширный зал с красивым вестибюлем, хорами, сценой, углублением для оркестра, театральные уборные, гостиная с верандой и лестницей, ведущей в сад. Потолок и стены зала расписывались итальянскими художниками, а акустика среднего зала Инженерного клуба не уступала акустике оперных театров. Это достигалось за счёт тонкого знания законов строительства подобных залов и усиливалось благодаря размещению под сценой пустых бутылок из-под шампанского, служивших резонаторами звука. В саду при Инженерном клубе размещались приборы для гимнастики, площадка для игры в лаун-теннис, беседки и эстрада с будкой для оркестра.

Рядом с Инженерным клубом, на краю Верхней колонии при самом спуске к заводу помещался внушительный корпус Главной или Технической канторы Днепровского завода, построенной в стиле модерн. Со стороны завода на ступенях, ведущих к Главной канторе, были установлены две бетонные скульптуры львов. А со стороны жилых домов передний подъезд Главной канторы соединялся с улицей бетонным мостом, к которому примыкали две мозаичные лестницы для сообщения с двором, расположенным ниже улицы. На перилах моста были поставлены для украшения терракотовые вазы и две фигуры, символизирующие Промышленность и Торговлю. Пройдя мост и двойные двери, посетитель входил прямо в восьмигранный вестибюль второго этажа. Отсюда вели двери в приёмную и кабинет директора-распорядителя Днепровского завода Игнатия Ясюковича. По оси вестибюля и до настоящего времени спускается вниз удобная железная винтовая лестница, соединяющая второй этаж с первым. Вестибюль получал свет через толстое матовое стекло из выступающей над крышей Главной канторы восьмигранной башни, служащей одновременно помещением аппаратов и дуговых фонарей для технических световых копий. В здании

Главной конторы удобно размещены кабинеты технических служб, а на третьем этаже, по правую сторону вестибюля – обширный светлый чертёжный зал с 25-ю окнами, а также технической библиотекой и библиотекой служащих, содержащей 8 тысяч экземпляров книг и журналов. Потолок поддерживался шестью чугунными колоннами, которые вместе с тем служили вытяжными трубами для вентиляции нижнего этажа.

Заводское двухклассное училище для детей рабочих и служащих с шестилетним курсом обучения считалось образцом подобного рода учреждений, а медицинское оборудование заводской больницы отвечало новейшим требованиям своего времени. Мужская и женская гимназии по своему виду и уровню преподавания могли служить примером и для городов, а Главный магазин Общества потребителей доставлял рабочим и служащим завода продукты хорошего качества и по низким ценам. И все эти здания достойны отдельного описания и неперенного упоминания о человеке, вложившем столько сил, воли, энергии, души в их строительство.

Одна из центральных газет того времени свидетельствовала, что селe Каменское-Запорожье близ Екатеринослава существует лучший в России речной яхт-клуб. На постройку одного помещения Общество истратило свыше 300 тысяч рублей. И результаты поэтому также прекрасны: приглашенные туда киевляне и екатеринославцы оказались побежденными.

Итак, в далёком, затерянном селe Каменском, где-то на краю Российской ойкумены существовал под руководством блестящего польского инженера крупнейший в России металлургический завод, в составе которого находились лучшие, по крайней мере в Европе, отделения. В Каменском функционировали лучший в России яхт-клуб, крупнейшая православная церковь, «готический» католический костёл, прекрасные Заводской клуб и Народная Аудитория и целый ряд других превосходных зданий. В Каменском одно за другим появлялись общественные, благотворительные и просветительские учреждения. В неполном их перечне можно назвать кредитные и страховые общества, коммерческое собрание, общество ревнителей женского образования, общества любителей охоты, гимнастическое, эсперанто, гребного плавания, а также православное, католическое, еврейское общества пособия бедным, патриотическое общество молодёжи «Двуглавый Орёл». В Каменском открывались типографии и книжные магазины, библиотеки и аптеки.

Да, редкий инженер, администратор и градостроитель, человек в самом высоком значении этого слова жил в Каменском. И само Каменское обязано ему своим процветанием и дальнейшим развитием. Разумеется, промышленный и культурный центр на берегах Днепра был далеко не идеальным «Городом Солнца», описанным монахом-доминиканцем Томазо Кампанеллой, городом, в котором «нет места негодям и туеядцам». Такой город никто не собирался, да и не мог построить.

Екатеринославская газета «Южная заря» писала: «Одним из существенных зол Каменского являются тайные кабаки и притоны. И те, и другие торгуют бойко, ибо здесь допускается самый широкий кредит «до полочки» в заводе. Трудно сказать, что хуже – тайный ли кабак, где рабочий спускает до последнего гроша полумесячную полочку, или тайный притон, служащий рассадником всяческих болезней. Борьба с этим злом принудительными мерами цели не достигает: выселенный из одного дома, притон перекочёвывает в другой, где процветает там до обнаружения. Обнаружить же притон не так легко» [64].

Быстроразвивающийся Днепровский завод требовал постоянного притока новых и новых

работников. Многие сотни их со своими семьями перебрались в далекое Каменское, где и пустили корни, а Украина стала для них второй родиной. Они несли сюда свои знания, умения и культуру. Прибывшие в Каменское для строительства завода, они сами нуждались в духовной поддержке. Из России приезжали православные, из Германии – лютеране и католики, из Польши – католики. И не случайно, что именно Игнатий Ясюкович, директор-распорядитель Днепровского завода, стал инициатором постройки в селе Каменском православного и католического храмов.

ЦЕРКОВЬ и КОСТЁЛ: ДОЧЬ и ПАСЫНОК

В 1891 году будущий Российский Император Николай II находился в Японии. 29 апреля в городе Отсу на него напал местный жандарм, фанатик-террорист, нанеся Николаю ножевые ранения. Наследник престола серьезно не пострадал, но потерял много крови. Покушение на царевича Николая, всколыхнувшее всю Россию, произошло накануне праздника перенесения мощей святого Николая из ближневосточного городка Мир Ликийских в итальянский город Бари.

«Дивное, – как писала Каменская газета «Отклики жизни», – проявление Божьей милости над сыном Венценосца не осталось бесследным». По всем храмам Российской империи волной прокатились благодарственные молебны за чудесное спасение наследника престола. В июне 1891 года в Каменском состоялось общее собрание служащих, мастеров и рабочих Днепровского завода, на котором было принято решение построить в память об избавлении цесаревича смертельной опасности две каменные церкви – православную и римско-католическую. Храмовым праздником церкви и костёла естественным образом стал день Святого Николая, то есть, 6 декабря по юлианскому календарю. Этот день на Днепровском заводе был признан нерабочим.

Оба строительных комитета возглавил директор-распорядитель Днепровского завода инженер-технолог Игнатий Ясюкович. Обе церкви соединили в своём названии имя Святителя Николая, почитаемого как православием, так и католичеством, с именем царевича Николая, причисленного впоследствии к лику святых Русской Православной Церкви. Постановление собрания было направлено министру внутренних дел И. Дурново, который лично передал его самому Государю Императору Александру III, оставивший собственноручную подпись на постановлении: «Благодарить» [5].

23 июня 1891 года по инициативе директора-распорядителя на Днепровском заводе состоялось собрание рабочих и служащих-католиков, на котором было принято решение о перечислении 1% зарплаты на строительство костёла, сохраняя капитал на спецсчёте в заводской кассе. В то время в Каменском заводе трудилось 600 католиков. Часть расходов взяло на себя ЮРДМО. Таким образом был образован фонд в 120.000 рублей на постройку храма. Содержание одного священника, органиста и прислужника было постановлено отнести на счёт рабочих и служащих. Место для будущего храма решили купить у сельчан Каменского. В избранный строительный комитет вошли мещане Иосиф Войцицкий, Людвик Познанский, Иосиф Скибинский (мастер литейного отделения), Владислав Тороха, а также дворяне Камил Бояновский (обер-мастер прокатных отделений) и Франц Косликовский.

В свою очередь, 28 июня 1891 года рабочие и служащие православного вероисповедания Днепровского завода обратились к епархиальному начальству за разрешением на

строительство православного храма. Сельская Рождество-Богородичная церковь не могла удовлетворить религиозных потребностей православных рабочих и служащих, число которых составляло 3000 человек.

7 июля 1891 года уполномоченные по строительству костёла подали прошение на имя Екатеринославского губернатора о строительстве храма – будущего филиала Ямбургской римско-католической парамии. Каменской молитвенный дом был слишком тесен для большого количества прихожан-католиков. Но только в марте 1892 года римско-католическая община получила ответ от епископа Екатеринославского и Таганрогского Августина, что преград для строительства костёла не существует. Однако при одном условии, что вначале будет возведена и освящена православная церковь.

К 3 января 1894 года строительство православного храма было доведено до оконных арок. И председатель строительного комитета И. Ясюкович отправил письмо епископу Екатеринославскому и Таганрогскому Владимиру, сменившего епископа Августина. В письме Ясюкович просил разрешения на закладку римско-католического храма весной. Однако дозволение получено не было. Тогда 12 января 1894 года министр внутренних дел И. Дурново направил запрос в Святейший Синод с просьбой сообщить, существуют ли препятствия для закладки костёла в Каменском со стороны церковной власти.

В дело активно вмешивается Екатеринославский губернатор, действительный статский советник Д. Н. Мартынов. В своём письме к министру внутренних дел от 21 марта 1894 года он просит вопрос о строительстве костёла в Каменском решить негативно. Мотив: гражданская позиция патриота, которому не безразлично, что иностранцы эксплуатируют природные богатства края. (Тут губернатор согрешил против истины: поляки не являлись иностранцами, поскольку Царство Польское входило в состав Российской империи – авт.) Вместе с тем губернатор отметил, что металлургическое дело в Российской империи новое, поэтому на иностранцев необходимо возложить обязательства по привлечению к ней лиц русского происхождения. Между тем, служащие Днепровского завода укомплектованы преимущественно специалистами Привисленского края, потому что руководство завода польского происхождения и отдаёт предпочтение своим соотечественникам. Но необходимо отдать должное Екатеринославскому губернатору: он позитивно оценил деятельность И. Ясюковича на посту директора, подчеркнув его гуманизм, благодаря которому антагонизма на заводе между местным и пришлым населением не наблюдалось. Отметив необходимость замены в дальнейшем иностранцев россиянами, губернатор сделал вывод, что в таком случае сама потребность в римско-католическом храме отпадёт. Позиция губернатора была поддержана Екатеринославской консисторией, которая направила ходатайство в Святейший Синод об отмене разрешения на строительство римско-католического храма в Каменском [5]. Вопрос принимал принципиальную окраску и остроту.

28 марта 1894 года заведующий агентством ЮРДМО в Петербурге М. Игнациус направил прошение в Министерство внутренних дел. М. Игнациус осветил тяжбу с другой стороны: уходит время для заготовки строительного материала и заключения соглашений с подрядчиками. Однако консистория своё решение не пересмотрела. Ровно через месяц, 28 апреля 1894 года, пришёл ответ от обер-прокурора Святейшего Синода, что преград для строительства костёла не существует при условии предыдущего освящения православной церкви. И вот уж 9 мая 1894 года была торжественно освящена Свято-Николаевская церковь при Днепровском заводе ЮРДМО, а разрешения на закладку римско-католического костёла всё не поступало.

А пока на Каменском фабричном кладбище, как следует из «Алфавитного реестра умерших в селе Каменское в 1894 году», «сентября 23 дня похоронен Павел, скончавшийся от болезни скарлатины, имевший от роду 5 лет и 7 месяцев, сын директора Днепровского Metallургического завода, дворян Игнатия и Брониславы законных супругов Ясюкович» [2].

2 мая 1895 года проект костёла рассмотрен в техническом строительном комитете и принят с отдельными замечаниями. И только 19 мая 1895 года Министерство внутренних дел, наконец, устранило преграды для строительства костёла в Каменском. На новом общем собрании католики Каменского решили удвоить собственный взнос на строительство храма и безотлагательно приступить к его возведению. И 17 сентября 1895 года состоялась торжественная закладка и освящение первого (краеугольного) камня будущего костёла.

Практически ровно через два года, в сентябре 1897 года, установлением крестов на двух башнях костёла завершено возведение католического храма. Но понадобилось ещё восемь месяцев отделочных и установочных работ, прежде чем 14 мая 1898 года Каменской костёл во имя Святителя Николая был освящён представителем Саратовского епископа Франца Ксаверия Цотмана ксендзом Хартманом из Мариуполя. В этот же день проведено и первое торжественное богослужение, во время которого с амвона разнеслось по костёлу Слово Божие, провозглашённое ксендзом Андржейковичем [78].

Итак, только через семь лет после принятия решения о строительстве костёла, на довольно обширном участке вблизи заводской больницы состоялось открытие «Каменской приходской церкви во имя Святителя Николая», ставшей ещё одним украшением Каменского. Проектировал костёл и наблюдал за его постройкой архитектор Хорманский. Зодчий решил задачу возведения католического храма по типу готических соборов средневековья. Каменской костёл сложен из так называемого жёлтого черкасского кирпича и покрыт оцинкованным кровельным железом. Храм рассчитан на одновременное посещение пятисот прихожан. Внутри костёл был преисполнен всеми атрибутами католической церкви: деревянным распятием и фигурами святых, иконами, резным амвоном, канделябрами, деревянными дубовыми скамьями и двумя исповедальнями, органом и позолоченной бронзовой люстрой.

Для удовлетворения религиозных потребностей верующих-лютеран на средства завода в 1897 году приобретён молитвенный дом, или кирха. Она находилась вне зданий Днепровского завода на верхней базарной площади села Каменского и могла поместить около 100 человек. Там же лютеранская община содержала на свои средства школу для детей обоего пола с курсом 3-х классов. Число учеников доходило до восьмидесяти человек, преподавание вели два учителя. Кроме церквей, костёла и кирхи в Каменском функционировали две еврейские синагоги, молитвенные дома старообрядцев, евангеликов и татар.

ФИНАНСОВОЕ РАЗВИТИЕ ДНЕПРОВСКОГО ЗАВОДА

Финансовое развитие предприятия последовало за развитием техническим. Первоначальный основной капитал – пять миллионов рублей – увеличился за время хозяйства И. Ясюковича втрое, дойдя до 15 миллионов рублей. Дивиденды, выплачиваемые акционерам от 5% в году 1889/90, постепенно возрастали, и уже в 1895/96 году составили 40%. После чего на том же уровне с небольшими отклонениями в годах кризисов, держались в течение ряда лет.

Днепровский завод, как поставщик металла для различных областей народного хозяйства России и зарубежья, естественным образом испытывал на себе влияние промышленных подъёма и кризисов государственной экономики. Однако даже при неблагоприятных обстоятельствах оставался ведущим среди предприятий металлургической и горнодобывающей отрасли, имел стабильную и высокую прибыль и дивиденды.

По итогам первого года работы чистая прибыль Днепровского завода составила 788.000 рублей, в 1896/97 отчётном году – 4.214.000 рублей. Даже в 1903/04 годы, последующие после промышленного кризиса, чистый доход предприятия определялся цифрой 2.425.000 рублей [76, 33]. Уже в 1898 году акции Днепровского Общества котировались по наивысшему курсу и на Варшавской бирже: акция номинальной стоимости 250 рублей оценивалась в 3055 рублей. Акции «La Dniérovienne» на биржах Парижа и Брюсселя также являлись одними из наиболее востребованных бумаг. Особенно высоко котировались акции Днепровского Общества в 1908 – 1909 годах, когда курс 250-ти рублёвых акций «Днепровки» достигал на иностранных биржах почти 4000 франков. Следует заметить, что речь идёт о золотом франке, составляющим 0,375 золотого рубля [76].

Вследствие ходатайства ЮРДМО и на основании Высочайше Утверждённого (то есть, государем-императором) 15 февраля 1897 года положения Комитета Министров, Министерством Финансов разрешено увеличить основной капитал Общества на 2.500.000 рублей посредством выпуска 10.000 дополнительных акций по 250 рублей каждая (иными словами, увеличение на 50% за период деятельности, начатой в 1889 году). Основной капитал Общества составил 7.500.000 рублей, запасный 4.166.667 рублей, амортизационный – 9.633.415 рублей.

В начале XX века только на Днепровском заводе Металлургического Общества, трудилось 6.594 человек. Правление Общества находилось в Варшаве. В него входили директора барон Ф. де-Макар (Председатель Правления), В. Н. Рау, князь В. Тенишев, Г.-О. Пастор, А. Грейнер, члены правления Э. Делуа-Орбан, Р. Сюрмонд, В. Кислянский.

В 1903 году вследствие очередного ходатайства ЮРДМО, Министерством Финансов разрешено увеличить основной капитал Общества на 1.500.000 рублей посредством выпуска 6000 дополнительных акций по 250 рублей каждая. В том же 1903 году Правление ЮРДМО переносится из Варшавы в Петербург. В состав Правления Общества, находящегося в Санкт-Петербурге по улице Гороховой-1, входили: Председатель правления Ф. де-Макар, директор-распорядитель И. Ясюкович, директора и члены правления Г.-О. Пастор, А. Грейнер, князь В. Тенишев, Р. Сюрмонд, Г. Тразенстер, В. Кислянский, Э. Деллуа-Орбан. В 1904 году ЮРДМО приобрело бельгийское «Алмазное каменноугольное, металлургическое общество» (то есть, заводы на станции «Алмазная») за 4.500.000 франков вместе с Кадиевским металлургическим заводом. Директором Днепровского завода назначен Людвиг-Шимон Сигизмундович Гужевский, Кадиевского – Иосиф Феликсович Кржижановский.

В 1906 году основной капитал Общества увеличивается ещё на 1.500.000 рублей. В 1910 году, вследствие прошения ЮРДМО, Высочайше утверждённому 5 февраля положением Совета Министров, Обществу разрешено в очередной раз увеличить свой основной капитал с 10.500.000 рублей до 13.125.000 рублей. К началу двадцатого столетия ЮРДМО становится одним из сильнейших финансовых предприятий металлургической отрасли.

Обществом потребителей Днепровского завода, как и на некоторых крупнейших

потребительских обществах Российской империи, были введены денежные суррогаты – металлические медные боны, имевшие внутреннее применение. На боны, которыми учитывалась сумма закупок каждого пайщика, можно было, например, приобрести товары в лавке Общества потребителей.

Согласно изданию «Фабрично-заводские предприятия Российской империи» (Петроград, 1914 год) ЮРДМО представляло собой своеобразную империю внутри Екатеринославской губернии. Обществу в то время принадлежали Днепровский и Кадиевский металлургический заводы в Екатеринославской губернии. Анненские, Кадиевские, Лидиевские и Максимовские каменноугольные копи в той же губернии, Шмаковский и Ростовский железные рудники, Городищенские марганцево-свинцовые рудники, а также Днепровский и Кадиевский кирпичные заводы. Представительства Общества находились в Екатеринославе, Киеве, Москве, Одессе, Харькове, Варшаве, Вильно и Риге.

В последующий период ЮРДМО прибегло к строгому учёту прибыли с целью модернизации производства. Валовой приход на Днепровском заводе в 1912 – 1913 операционном году достиг более 36.000.000 рублей, а чистый доход определился суммой 8.598.242 рубля. В этом году служащим шахт и заводов (576 человек) вместе премиями было выплачено 1.416.254 рубля, а рабочим (19.815 человек) 8.381.272 рубля [82]. Основной капитал в 1914 году составлял 15.000.000 рублей, запасный 12.290.668, облигационный – 1.481.000 рублей [59]. Если обратить внимание на то, что основной капитал Общества возрос втрое, а дивиденды шестикратно, то фактическая доходность предприятия в продолжение того времени, когда им руководил «Капитан индустрии», возросла двадцатикратно для первоначальных владельцев акций. Одновременно с увеличением доходности быстро возрастали капиталы: амортизационный, запасной и резервный. Даже был создан капитал, названный «резервный специальный».

Общая стоимость Днепровского Общества в 1914 году, накануне ухода великого промышленника в мир иной, была оценена суммой, превышающей 75 миллионов рублей золотом. В 1916 году, когда Россия переживала свою высшую и, увы, последнюю стадию капитализма, чистая прибыль Днепровского завода – детища Игнатия Игнатьевича Ясюковича – составила более 17 миллионов рублей. В 1917 году Основной капитал ЮРДМО достиг цифры 30 миллионов рублей. За время существования Днепровского Общества было осуществлено семь дополнительных выпусков акций постоянно развивающегося промышленного конгломерата.

XVI ВСЕРОССИЙСКАЯ ВЫСТАВКА в НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ

Организация всероссийских выставок являлась одним из звеньев в ряду мероприятий, с помощью которых царское правительство пыталось обеспечить рост отечественной промышленности и торговли. Нижний Новгород стал четвёртым в России городом, которому выпала честь представлять всероссийские выставки после Москвы, Санкт-Петербурга и Варшавы. Нижегородская Всероссийская промышленная и художественная выставка 1896 года заняла общую площадь в 77 квадратных десятин или более 80 гектаров. По своей площади она превышала Всемирную выставку в Париже 1889 года и была в три раза больше предыдущей Всероссийской выставки 1882 года в Москве. Лишь Чикагская Всемирная выставка 1893 года по площади превосходила Нижегородскую.

Выставка 1896 года подводила итог формирования экономики страны и дала толчок дальнейшему её развитию. Она была профинансирована Императором Николаем II и проходила с 28 мая (9 июня) по 1 (13) октября. К открытию выставки в Нижнем Новгороде был пущен первый в России электрический трамвай, устроены фуникулёры — подъемники, доставлявшие пассажиров с нижней части города в верхнюю, открыта пароходная скоростная линия, связывающая верхнюю часть города с его заречной частью. Одновременно с выставкой проводился Всероссийский промышленный съезд. На выставке были продемонстрированы лучшие достижения начавшегося промышленного подъёма. Среди них первая в мире гиперболоидная стальная сетчатая башня-оболочка и первые в мире стальные сетчатые висячие и сводообразные перекрытия-оболочки, первый в мире радиоприёмник конструкции А. Попова, первый русский автомобиль конструкции Е. Яковлева и П. Фрезе и многие другие технические изобретения, технологии, художественные достижения.

Право участия в одной из наиболее значительных выставок XIX столетия в мире и самой грандиозной выставке в истории России было предоставлено и динамично развивающемуся Днепропетровскому заводу в Каменском, который к тому времени отметил всего лишь восьмую весну своего существования. Специально для нижегородской выставки было составлено краткое описание, содержащее основные сведения о размерах отделений, оборудовании и производительности гиганта южнорусской промышленности. Возглавлял делегацию Днепропетровского завода его директор-распорядитель Игнатий Ясюкович.

Нижегородскую выставку посетили царь Николай II и ряд государственных лиц, а также послы, учёные, деятели культуры и искусства. За четыре месяца на выставке побывало 991.013 человек, в том числе 50 тысяч учащихся и 6500 учителей.

Торжественное объявление результатов XVI Всероссийской промышленной и художественной выставки состоялось 8 сентября 1896 года. Награды разного достоинства получили 5925 участников из 9700. Таким образом, почти две трети общего числа награжденных были удостоены похвальных наград. Из числа награжденных, 138 экспонентов получили самую высокую награду – право изображения государственного герба на своих изделиях, вывесках и рекламе. Эта награда по своему уровню соответствовала «Гран-при» на международных выставках. 117 экспонентов удостоились повторения права изображения государственного герба и 257 экспонентов – дипломом 1-го разряда. Золотыми медалями были награждены 370 экспонентов, дипломами 2-го разряда – 407, серебряными медалями – 997, дипломами 3-го разряда – 287, бронзовыми медалями – 1237, дипломами 4-го разряда – 354, похвальными отзывами – 1441, денежными наградами – 320 экспонентов. Среди экспонентов, получивших высшую награду промышленной выставки в Нижнем Новгороде, оказался и Днепровский завод села Каменское Екатеринославской губернии, который предоставил образцы своих изделий.

Во время выставки издавалась специальная газета; министерство финансов выпустило по поводу события книгу «Производительные силы России», где даны очерки различных отраслей промышленности, торговли и т. д. Изданы были также описания фабрик, заводов, имений и прочее. Всероссийская промышленная и художественная выставка в Нижнем Новгороде 1896 года пропагандировала достижения не только отечественной индустрии, но и самобытной культуры, в том числе и народной. На целое лето 1896 года Нижний Новгород оказался в центре внимания всей Европы. Выставка в Нижнем Новгороде, несомненно, придала импульс к дальнейшему развитию экономики России путём распространения позитивного опыта в торгово-промышленной сфере, вывела Днепровский завод на передовые

позиции в металлургической промышленности России.

1897 год

Как уже было сказано выше, Игнатий Ясюкович, будучи поляком, не имел возможности купить землю в Литве, где у него было много родственников. Поэтому он избрал иной путь осуществления своего стремления.

Во второй половине XVIII века фольварк Ходов, близ польского города Кутно, уже столетие принадлежал семье Ястржембовских. Стефан Ястржембовский завещал его в 1776 году своим сыновьям Антонию и Павлу, а позднее Антоний (иновлодский хорунжий), принял всё имение. После смерти Антония и его жены Виктории, Ходов и другие фольварки перешли к их семерым сыновьям: Стефану, Марцелию, Юзефу, Феликсу, Дионисию, Бонавентуре и Александру. На наследство претендовали также семеро дочерей. Раздел имения на 14 наследников был не прост, поэтому около 1820 года все продали свои части некоему Фердинанду Хотомскому (по 15 тысяч злотых за одну часть). Хотомский выплатил причитающиеся суммы, но сам влез в долги. В 1833 году имение с имуществом было выставлено на аукцион, которое приобрёл Михал Ежоранский, адвокат из Варшавы за 226 тысяч 500 злотых.

Площадь Ходова с прилегающими сёлами составляла 1782 морга или 535 гектаров (1 морг составляет около 0,3 га). В том же 1833 году Ходов перекупил немец Герман Отто фон Тресков. В 1851 – 1868 годах он взял несколько кредитов на строительство подворий и хозяйственных строений. В 1878 году Ходов и другие фольварки принял сын Германа-Отто – Александр Герман Адальберт [74]. Именно это имение решил приобрести Игнатий Ясюкович.

«Тысяча восемьсот девяносто седьмого года июля двадцать третьего дня (августа четвёртого дня) ко мне Алоизию Ивановичу Лильнопу, нотариусу при ипотечных отделениях Варшавского окружного суда, в контору мою, находящуюся при ипотечных отделениях Варшавского окружного суда, находящуюся в Варшаве по Медовой улице в доме под №493 в здании оно́го Суда, в сопровождении лично мне известных правоспособных свидетелей, обывателей, живущих в Варшаве:

- Игнатия Поморского, в доме под №2466 и

- Феликса Игнатьевича Холевицкого в доме под №1524

- явились лично мне известные и к совершению актов законную правоспособность имеющие:

1. Владелец устроенного в сей книге имения Ходов Кутновского уезда Александр Герман Адальберт (трёх имён) Германович де Тресков, живущий и юридическое местожительство избирающий в вышеуказанном имении Ходов Кутновского уезда.

2. Дворянин Игнатий Игнатьевич Ясюкович, живущий в селе Каменское Екатеринославского уезда и губернии юридическое местожительство избирающий в описанном в сей книге имении Ходов Кутновского уезда Варшавской губернии, и совершили акт купли-продажи следующего содержания:

Имение Ходов с частью Дезерты Корчин в сей ипотечной книге устроенные, расположенные в Кутновском уезде и составляющие одно целое, на основании определения Ипотечного Отделения от 11 сентября и 7 марта 1895 года укреплёно за Александром Германом

Адальбертом, трёх имён Германовичем де Тресков. Александр Герман Адальберт Германович де Тресков сказанное выше имение Ходов вместе с имением Ходов Подуховный, устроенные в двух особых ипотечных книгах, со всеми принадлежностями, статьями дохода, строениями, лесом, в границах и пространстве, как ими владеет и владеть имеет право без всякого исключения и ограничения и ничего не оставляя за собою со всем тем, что находится на месте и по закону, натуре и предназначению составляет недвижимость со всеми ему служащими, и служить могущими правами. Наконец, со всем живым и мёртвым инвентарём, запасами зерна и хлеба, землевладельческими машинами и орудиями, экипажами, повозками, лошадьми и всеми предметами, за исключением мебели, находящейся в барском доме в Ходове, продаёт и отдаёт в полную и неограниченную собственность соживившегося дворянина Игнатия Игнатьевича Ясюковича за добровольно, обоюдно и решительно условленную цену оптом в двести двадцать пять тысяч (225000) рублей» [74].

Конечно, выложить такую сумму мог только очень состоятельный человек. На тот период Ходов включал в себя 1736 моргов земли, из которых 1399 моргов пашни, 32 морга лугов, 12 – пастбищ, 164 – лесов и 2,6 озёр. Здесь И. И. Ясюкович, как и в протяжении всей жизни, проявил себя щедрым филантропом и великодушным человеком. Он пожертвовал семь тысяч рублей на окончание строительства польской школы в Кутно, передал безвозмездно пять моргов земли со строениями для размещения местного правления и начальной школы, построил общественную баню для селян, жертвовал крупные суммы на здешний костёл Возвышения Святого Креста.

Из книги имения Ходов

Изменение собственника

Установление собственности

Игнатий Игнатьевич Ясюкович

Приобрёл сие имение вместе с имением Ходов Подуховный от прежнего владельца Александра Германа Адальберта де фон Трескова по контракту, совершённому 23 июля (4 августа 1897 г.) за № 59 за цену двести двадцать пять тысяч рублей. Внесено на основании вышеуказанного контракта за №89.
1897, июль 24 дня (подписи)

Выпись из актовой бумаги в восемьдесят один рубль
выдана покупщику Ясюковичу.

ТАЙНА ИКОНЫ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ

С именем Игнатия Ясюковича связана одна загадочная история, которая до сего времени не нашла своего разрешения. В дневниках Марии Гурской под общим названием «Когда бы меньше любила», хранящихся в Варшавской Народной библиотеке, существует любопытная запись, относящаяся к 1897 году [75]. В ней говорится о посещении Гурской знаменитого польского художника Юзефа Хелмонского. Последний пользовался такой прижизненной славой, что очень часто его называли просто Мастером, даже не употребляя при этом фамилии.

Итак:

«Я была невероятно заинтересована новой картиной, о которой уже все говорили.

Выбравшись к Мастеру, застали его за работой. Икона практически завершена, и о ней уже можно судить. Это его первая работа на религиозную тему, сделанная на заказ. Он должен был приспособливаться к указанным ему размерам, и мы увидели огромную вещь, высотой четыре метра. Икона представляла собой Матерь Божью Ченстоховскую в длинном голубом плаще. Лицо и композиция чудеснейшим образом выдержаны в византийском стиле, лишь черты Богоматери иные. Лицо ясное, голубые глаза, фигура, как прекрасное видение. Под её плащом, ибо ног не видно, открывается прелестный польский пейзаж: селения, кресты, засеянные поля. Матерь Божья как бы плывёт в небе над этим пейзажем и обнимает его. Её фигуру окружает светлая радуга, которой окончательно проясняется пейзаж. Вся икона превосходна. В ней виден настрой глубоко верующего человека, его духовная приподнятость. Но к несчастью, эту икону никто никогда не увидит. Ибо уходит она за Днепр в Каменское, в металлургическую фабрику Рау, где польские рабочие, подговоренные директором Ясюковичем, собрали деньги и за 300 рублей золотом заказали икону для большого алтаря местного костёла». (Вильгельм Рау – один из учредителей и совладельцев Днепровского завода в селе Каменском – авт.)

Но всё дело в том, что данная икона никогда не украшала главный алтарь Каменского костёла! Алтарная часть костёла св. Николая представляла собой деревянную копию фасада с башнями, в нишах которой размещались скульптуры святых. В центре алтарной части находилось прекрасное распятие работы М. Стадницкого, вырезанное в том же 1897 году. Более того, ни один из очевидцев прошлого не вспоминал об иконе, размером в четыре метра. В полной описи имущества костёла также нет упоминания о такой грандиозной картине. Дошла ли вообще икона Божьей Матери Ченстоховской до Каменского? С другой стороны, в каталогах работ замечательного польского художника Юзефа Хелмонского также ничего не говорится о столь выдающемся произведении искусства. Значит, её нет и в Польше!

И всё же, есть одно косвенное обстоятельство, позволяющее предположить, что данная икона всё же прибыла в костёл Святого Николая. В статье «Каменское в мае», вышедшей в варшавском журнале «Край» (№22, 1898 год), говорится об освящении Каменского костёла и первой службе, проведенной во вновь построенном храме.

«Кроме верхнего, есть ещё нижний костёл (то есть, размещённый в подвальной части – авт.), предназначенный к погребальным церемониям. Там установлен алтарик Матери Божьей Ченстоховской, тот самый, пред которым каменские католики молились ранее в своей убогой каплице» [78].

Вполне возможно, что автор дневников ошиблась, говоря, что икону заказали для «большого алтаря местного костёла». Раз в нижнем костёле существовал алтарь Ченстоховской Божьей Матери, то логично допустить, что именно для этого алтаря и была заказана икона выдающемуся польскому художнику.

ИНТЕРВЬЮ С ЯСЮКОВИЧЕМ

Летом 1898 года корреспондент варшавского журнала «Родина» Ян Замараев предпринял поездку по металлургическим заводам Юга России. Последним пунктом путешествия было село Каменское, где Яну Замараеву удалось встретиться с директором-распорядителем Днепровского завода Игнатием Ясюковичем и взять у него интервью. Своими впечатлениями от увиденного и услышанного журналист поделился в статье «В Каменском», вошедшей в серию материалов под общим названием «В краю железа» [85].

В КАМЕНСКОМ

Линией Екатеринославской железной дороги доезжаю до станции «Запорожье», а оттуда семь вёрст лошадьми к селению, называемому Каменское. Что правда, от станции «Запорожье» идёт специальная железнодорожная ветка в Каменское до станции «Тритузная», но это лишь товарное ответвление. В Каменское можно также доплыть пароходом по Днепру. На пути из Киева Каменское является последней водной станцией перед Екатеринославом.

Слава Южно-Русского Днепровского Metallургического Общества является сегодня столь большой, что, наверное, ни один из читателей не спросит: что это? Все его знают, все о нём слышали. Сегодня это, прежде всего, самое доходное во всём государстве промышленное предприятие. Это предприятие, которое в течение девяти лет существования амортизировало весь свой колоссальный уставной капитал. Это предприятие, 500-рублёвые акции которого ищут сегодня по цене в семь раз превышающей номинал. Это, в конце концов, завод, продукция которого расхватывается на рынке, а его сотрудники купаются в достатке. И всего этого добился один человек, наделенный необыкновенным администраторским талантом, поразительной собранностью, энергией и трудолюбием литвина – инженер Игнатий Ясюкович, директор-распорядитель Днепровского Общества.

Я имел удовольствие познакомиться с господином Ясюковичем на выставке в Нижнем Новгороде. Это было мимолётное знакомство. Тем более приятным было моё изумление, что он узнал меня среди толпы на заводском дворе. Приветствовал меня с поспешностью человека «чина» и пригласил на встречу в более свободный день воскресенье. А попал я в Каменское во время небольшой «лихорадки». Как раз были выданы рабочим новые «Книжки рабочих», недавно утверждённые и рекомендованные министерством. Новость, как и всякая новость, пугает. И потому большая толпа стояла на фабричном дворе, ожидая разъяснений. На моих глазах к ним прошёл Ясюкович. Огромный, на целую голову выше толпы, с огненным взором и решительной жестикуляцией, он возвышался над колышущимся морем обнажённых голов и говорил громким голосом. И тотчас вырос предо мною идеал «властителя кузниц» – идеал, который сотворила не только школа жизни, но который родился из его человеческой природы.

Селение называемое «Каменское» делится на три части. Первая часть, сердце селения – это завод с вечным дымом. Направо – местечко, более опрятное и приличное по сравнению с Кривым Рогом, знать, более зажиточное и лучше благоустроенное. А налево, на холмах – прекрасная колония с домами и виллами, гостиницей, церковью, костёлом, парком, большими дугowymi электрическими фонарями, больницей, аптекой, башней пожарной команды, прекрасным зданием школы и оканчивающимся строиться дворцом администрации. Все улицы производят впечатление парковых аллей. Густо засаженные деревьями, широкие и прямые, они кажутся наследием давно минувшего времени, хотя существуют лишь несколько лет!

Не смогу описать непосредственно завод. Знаю только, что он является колоссом, имеющим все необходимые в металлургическом производстве отделения, оборудованные агрегатами новейших систем. Продукция, выпускаемая этим заводом, считается самой передовой. Днепровский завод всё более задаёт тон производства металлургической продукции и часто формирует цену во всём государстве.

Принял меня господин Ясюкович в воскресенье на веранде своей виллы. Беседовали мы при свете лампы, слушая доносящиеся до нас издали звуки оркестра, который играл в «Народном парке». Из директорского парка плыли роскошные запахи цветов, с завода время от времени слышались пронизывающие завывания вечно горящих огнём и никогда не гаснущих доменных печей.

- Как господину, очевидно, известно, – заговорил Ясюкович, – наша фабрика перенесена сюда из Варшавы. Собственно говоря, это старый Варшавский сталелитейный завод. Когда двенадцать лет назад была увеличена пошлина на иностранное сырьё, исключительно которое перерабатывал Варшавский завод, существование его в Варшаве оказалось очень шатким. Тогдашний председатель и главный акционер господин Вильгельм Рау решил перенести завод к Днепру в окрестности Кривого Рога, где уже была начата добыча руды. 16 мая 1886 года было создано ЮРДМО, и все агрегаты бывшей Варшавской «Сталелитейки» были перевезены в Каменское. Первой ошибкой нового Общества явилось, прежде всего, неудачный выбор места под строительство завода. Обратите внимание, что мы, собственно, работаем не в очень выгодных условиях. Всё сырьё мы должны привозить. Наиболее близко мы имеем руду (148 – 156 вёрст), известняк должны везти за 297 вёрст, а уголь и кокс прибывает к нам из шахт, удалённых на 299 – 383 версты! Далее. Второй ошибкой первоначальной администрации я считаю начинание строительства без ясно обозначенной сметы.

- Кто был первым директором?

- Инженер Бассон, который едва начал строительство.

- Когда Вы прибыли сюда?

- В октябре 1888 года.

- Какие биографические подробности предшествовали занятию господином Ясюковичем руководства Днепровского завода?

- По окончании Петербургского Технологического Института я несколько лет, начиная с двадцатилетнего возраста, был техническим директором Невской фабрики строительства паровозов и судов. Через десять лет в 1884 году мне предложили место директора Путиловских заводов. Прямо с Путилова я переехал сюда, на Днепр. И обнаружил тут работы едва в зачатии. Работа завода началась уже при мне.

- Сразу ли так прекрасно заработал завод?

- Где там! В первый же год случилась неудача. Всё могло пойти к чертям! Во время предварительных работ, проводящихся без сметы, был исчерпан весь уставной капитал, составляющий пять миллионов рублей. Я остался без денег. Акционеры отказались от дальнейших расходов, потеряв веру во всё предприятие. Но я веру не потерял! И в тот критический момент помог мне блаженной памяти Владислав Ляский и выделил из Международного банка заём в сумме полмиллиона рублей. Тогда и началось развитие завода. Я стал достраивать новые отделения, старые агрегаты Варшавской сталелитейки заменять на новые; в 1892 году пустил в ход третью доменную печь, а через год четвёртую. Затраты на завод с каждым годом увеличивались, но зато увеличивалась и продукция – качественно и количественно. При уставном капитале пять миллионов рублей к сегодняшнему дню я вложил в завод двенадцать миллионов. И всё это, слава Богу, амортизировалось.

- Можно ли рассказать подробнее о продукции завода?

- В первый год существования завода с 1 июля 1889 года по 1 июля 1890 года произведено 2.410.267 пудов на сумму 3.788.646 рублей. Через пять лет мы поставили на рынок 6.263.847 пудов продукции за 10.892.289 рублей. В 1895 – 96 году стоимость нашей продукции

составила 12.900 тысяч рублей, а в нынешнем году мы выпустили товара на сумму 15 миллионов рублей. До недавнего времени самым большим потребителем нашей продукции было правительство, а именно государственные железные дороги. Но мы сейчас начинаем эмансипировать (то есть, выходить из-под влияния правительства – авт.) – выходим на общий торговый рынок, популяризуя свою продукцию. Причиной такой «эмансипации» является возможно известный господину факт понижения министром финансов цен на железнодорожные рельсы. Кроме того, мною руководит желание разнообразить продукцию, служения развития государственного производства в разнообразных областях, а более всего – соображения по развитию металлургической техники.

- Хочу подчеркнуть, – продолжил Ясюкович, – что настоящий момент в металлургической промышленности является весьма неустойчивым. Когда здесь на юге мы основывали завод, тут существовало лишь одно Новороссийское Общество Юза. Следующим, но чуть раньше нас, возник Александровский завод Брянского Общества, третьим заводом был наш. Тогда мы совместно создали новую промышленность в Заднепровских степях, и стимулом к тому для нас было не только открытие богатых залежей криворожской руды, но и увеличение пошлины на заграничное сырьё. Строили с абсолютной уверенностью, что усилия наши имеют больше шансов на успех, нежели неудачу. Тем временем, именно в этом году окончился срок обязательства, которое на двенадцать лет выдал нам господин министр финансов по вопросу высоких пошлин на заграничное сырьё. Господин министр отказался от дальнейшей пролонгации предыдущего обязательства. Несмотря на отказ, пошлина на иностранное сырьё не уменьшилась. И по моему личному убеждению, этого не следует ожидать и в будущем. Но будь, что будет! Такая неопределённая ситуация задерживает безопасное развитие металлургической промышленности. Капиталисты боятся рисковать. Обратите внимание, когда в 1894 году здесь началась лихорадочное движение – как грибы после дождя, одна за другой вырастали новые фабрики. Однако в этом году происходит следующее. Оканчиваются строительства только фабрик, начатых в прошлые годы, но об организующихся сейчас – не слышать...

Затем мы повторно перешли к вопросам, касающимся непосредственно Днепровского завода. Я задал господину Ясюковичу вопрос о заводском персонале.

- Вообще заводской персонал составляет 5.400 человек, в том числе 5.200 рабочих и ремесленников и 200 служащих. Среди рабочих насчитывается тысяча поляков, преимущественно из Царства Польского, которые приехали сюда с бывшего Варшавского Сталелитейного завода. Это в основном квалифицированные рабочие и мастера. Остальное число рабочих составляют с точки зрения национальной в большей части великороссы из тульской, московской, тамбовской и других губерний. В меньшей части – местные жители или малороссы. Средний заработок простого рабочего составляет 480 рублей в год, но есть много рабочих, зарабатывающих по 600 рублей, по 800 рублей, по 1200 рублей и даже по 1800 рублей в год. Мастера зарабатывают по 3000 рублей в год. Все рабочие получают в зависимости от собственного искусства и работают партиями. Каждый рабочий имеет гарантированную плату, так называемый «лён». И если «лён» не вырабатывает, то каждый раз рабочий требует доплаты. Рабочий день составляет двенадцать часов. Из них два часа предназначены для обеда, завтрака, полдника и вообще для отдыха. То есть, рабочий трудится у нас десять часов. Поскольку некоторые заводские отделения останавливаться не могут, то работа идёт и днём, и ночью, а рабочие работают в две смены. В тех отделениях, в которых условия труда рабочего требуют большой индивидуальной энергии, я установил даже три смены. Как видите, мы стараемся дать рабочему приличный заработок и не перегружать его работой. Новый закон требует, чтобы рабочий металлургических заводов

работал одиннадцать с половиною часов, на отдых имел только час, а потому всего рабочий день длится двенадцать с половиною часов. Но я на это у себя никогда не соглашусь!

- Персонал служащих, – продолжал далее господин Ясюкович, – составляет, как я уже говорил, двести человек. Это почти исключительно поляки. Начальником секретариата является господин Людвик Познанский, начальником технико-коммерческого отдела – инженер Ян Вильга, главный бухгалтер – господин Войцех Сима, начальник заводского счетоводства – инженер Владислав Хмелевский, заведующий складами – господин Адам Стемпковский, начальником технической конторы является инженер Мечислав Брониковский. На заводе мы имеем семь начальников. Начальником доменных печей является господин Фанстин Расинский, начальником сталелитейного отделения – инженер Эрнест Сундгрэн (финн), начальником прокатного отделения – инженер Людвик Гужевский, начальником механических мастерских – инженер Владислав Бокшанский, начальником котельной и кузнечной мастерских – инженер Григорий Онуфриев (русский), начальником электрической станции – инженер Сигизмунд Страшевич, брат известного публициста. Кроме этих начальников, в каждом отделении есть по 2 – 5 ассистентов-инженеров. Начальники отделений зарабатывают по 6 – 18 тысяч рублей в год, кроме того, пользуются бесплатным жильём, как вообще все служащие.

- А рабочие?

- Все рабочие жить при заводе, разумеется, не могут. Но мы имеем здесь рабочую колонию, состоящую из 120 домов, в которых за плату 6 рублей в месяц за 2 комнаты с кухней живут чуть ли не все старшие рабочие. Чтобы окончить с цифрами, добавлю, что годовой заработок рабочих составляет 2 миллиона 400 тысяч рублей, а администрации и служащих 650 тысяч. Все рабочие застрахованы в Варшавском Обществе «Предусмотрительность», и мы платим за это страхование 28 тысяч 500 рублей ежегодных взносов.

- Что до общественных учреждений, то есть здесь церковь, католический костёл, освящённый в этом году и евангелико-аугсбургский (то есть, лютеранский – авт.) дом молитвы.

Гордостью нашей является школа, размещённая в большом специальном здании. Это тип двухклассной народной школы с пятилетним курсом обучения. Учится здесь ежегодно более 650 детей. Имеем пять учителей, четыре учительницы, учителя музыки, учителя пения и фельдфебеля, который обучает военной гимнастике. Содержание школы обходится заводу более 16 тысяч рублей в год. Существует также евангелическая школа, содержащаяся самими парафианами и насчитывающая 70 учеников и учениц.

- Больниц имеем две: для обычных больных и травмированных, а также для инфекционных больных. Главным врачом служит доктор Мечислав Пухальский. Работники, проходящие курс лечения, получают всё бесплатно и, кроме того, им выплачивается за время лечения половина их обычного заработка. Далее хочу упомянуть наше заводское Потребительское Общество, которое занимает огромные склады и совершает оборот на сумму 600 тысяч рублей. Пай стоит 10 рублей, а дивиденд не может превышать 6 процентов. Для служащих администрации существует ещё вкладо-сберегательная касса. Члены платят 5 процентов от своего заработка, и также 5 процентов кладёт завод на их имя. Члены кассы вкладывают также свои личные сбережения, за что завод выплачивает им 6 процентов; на таких вкладах сейчас находится 530 тысяч рублей. В сберегательную кассу могут вкладывать свои личные сбережения и рабочие. И вкладывают существенно: сберегательная касса рабочих имеет сейчас солидную сумму – 150 тысяч рублей!

В этот момент до директорской веранды донеслись более сильные тона музыки – играли то ли гавот, то ли марш. Господин Ясюкович улыбнулся.

- Вот видите, – сказал он, – не забываем и о развлечениях! У нас есть два собственных оркестра: камерный и духовых инструментов. Содержим их за счёт завода. Наши музыканты носят красочную униформу и имеют очень способного руководителя-грузина, господина Артасова. Зимой постоянно устраиваются балы и рауты, а летом еженедельно развлечения в парке. В мае проводим маёвки для пожарной дружины, завод тратит на это 500 рублей ежегодно. Развлекаемся также спортом. Мы создали целых три клуба – форменные клубы с уставами, утверждёнными министром внутренних дел! Это гимнастический клуб, охотничий клуб и гребной клуб, который устраивает «регаты» на Днепре. Во всех этих клубах состоят в равной степени, как служащие, так и рабочие. Особенно много рабочих состоит в гребном клубе. Весной следующего года будем строить специальное большое здание с залом для балов, билиардом, читальней, библиотекой и так далее. Здесь разместятся зимние помещения всех трёх клубов, как и помещение заводской библиотеки, также утверждённой министерством. (Очевидно, речь идёт о Зимнем яхт-клубе, построенного вблизи костёла в 1899 году – авт.) К сожалению, до сих пор мы должны танцевать в актовом зале школы, поскольку помещение гребного клуба находится довольно далеко от центра! Предполагаю, что в новом клубном здании могут чаще происходить театральные представления отдельных трупп, как российских, так и польских.

Всё это я слушал с возрастающим изумлением. В фабричном посёлке я нашёл живой темп общественной жизни, более живой во многих отношениях, чем в Екатеринославе! Вне ежедневного труда и заботы о хлебе насущном здесь выковываются какие-то другие цели и ценности, составляющие совокупность человеческого существования. Во время ужина в доме семьи Ясюковичей я застал нескольких студентов.

- Студенты приезжают к нам каждый год – пояснил мне директор. – Учим их здесь практически. Они получают по 60 – 75 рублей в месяц и жильё. В этом году у нас занимаются несколько десятков студентов из Петербурга, Риги и Харькова. Вообще наиболее охотно мы принимаем студентов на месячные каникулы. Я люблю лично передавать опыт приезжим молодым коллегам. Большинство нашего нынешнего заводского персонала – даже высшего – ещё в студенческих мундирах работали здесь вместе со мной!

- И очень быстро заняли влиятельные посты, – заметил я.

- Естественно. Труд и талант всегда вознаграждаются.

Уже было довольно поздно, когда мы вышли с господином Ясюковичем на прогулку по его тенистому саду. Во время этой прогулки господин директор рассказывал мне о своих планах относительно Царства Польского. В приобретенном недавно в Кутновском уезде имении Ходов, вырванного из немецких рук бывшего владельца Трескова, собирается господин Ясюкович построить акционерный сахарный завод. Акционерами должны стать исключительно плантаторы бураков, а также горожане и селяне. Акции будут строго привязаны к данному участку земли: нельзя будет продавать акции, разве что вместе с землёй!

- Это не моя собственная идея, – добавил Ясюкович. – Такие сахарные заводы давно уже существуют за границей. Но я хочу эту наиболее рациональную организацию привить в Польше. Земля, имеющая акции сахарного завода, должна подняться в цене, а владельцы будут иметь гарантированное существование. Если бы только время позволило мне осуществить эту идею!

Мы приблизились к беседке, расположенной в конце сада. Это наивысшая точка всего

селения. Перед глазами разлеглась далёкая, посеребрённая месяцем степь, ровная и широкая, едва рассеченная лентой Днепра. Размеренного, как повседневная жизнь и таинственного, как загадка той же жизни. А вдалеке – светящийся множеством огней завод. И этот колосс представился мне ночью при искусственном освещении ещё более прекрасным. И не потому только, что приносит миллионы, но что столько жизни вокруг себя в грустных степях пробудил [85].

ФЕНОМЕН ДНЕПРОВСКОГО ЗАВОДА

Общая статистика производительности, представленная в книге «Описание Днепровского завода», оканчивается 1904/05 годом. (Отчётный или операционный год в Днепровском Обществе начинался первого июля).

Потребность в составлении точного и полного описания Днепровского завода ощущалась давно. Многочисленные посетители и экскурсанты не только русских, но и зарубежных учебных заведений, а также специалисты, имеющие сношения с предприятием, и, наконец, служащие Каменского завода неоднократно высказывали желание приобрести или прочесть сочинение, дающее возможность лучше познакомиться с одним из металлургических колоссов юга России.

Идея созрела в 1903 году. Принуждаемый обстоятельствами, директор-распорядитель Днепровского завода, действительный статский советник Игнатий Игнатьевич Ясюкович в июле 1903 года стал во главе Правления ЮРДМО и переехал в Петербург, оставив непосредственное руководство укрепившим под его управлением Каменским заводом. В среде инженеров возникла мысль издать полное описание Днепровского завода и ознаменовать этим делом 15-летнюю годовщину плодотворной деятельности И. И. Ясюковича. Со стороны Заводоуправления данная идея нашла полную материальную поддержку и нравственное поощрение. Кроме того, Екатеринославским фотографом Н. А. Ивановым был создан «Альбом видов Днепровского завода». Среди снимков фабрик и заводов России настоящий альбом обращает на себя особое внимание,

Книга «Описание Днепровского завода», которая и поныне остаётся одним из основных источников информации о Каменском заводе, составлена четырьмя инженерами. Это инженер-технолог Мечислав Брониковский (он же редактор), который на протяжении тринадцати лет (с 1892 по 1905 годы) был начальником технической конторы. Это инженер Ян Войцеховский, сменивший в 1905 году М. Брониковского на таком ответственном посту; инженер Карл Ключковский, служивший младшим помощником Доверенного по делам Общества при Днепровском заводе (к 1917 году К. И. Ключковский выдвинется на пост одного из вице-директоров Днепровского завода). А также инженер Я. Родкевич. Плодом усилий инженеров явилось роскошное в двух томах (текст и чертежи) «Описание Днепровского завода», изданное в Варшаве лишь в 1908 году, ввиду событий первой русской революции. Книга представляет наглядный баланс количественного роста и технических усовершенствований за пятнадцать лет производительного существования завода под руководством инженер-технолога Игнатия Игнатьевича Ясюковича.

«Издание это, помимо описательной, обильно снабженной иллюстрациями части, содержит 61 таблицу чертежей всех заводских устройств и представляет ценный вклад в нашу довольно скудную техническую литературу. В Германии уже несколько лет тому назад было издано такого же рода описание горных и горнозаводских предприятий, входящих в состав

Рейнско-Вестфальского угольного синдиката. Нельзя не пожелать, чтобы подобные описания были составлены и другими горнопромышленными предприятиями юга России», – сообщалось в № 114 журнала «Горно-Заводской листок» за 1908 год [16].

До самой смерти И. Ясюковича продукция предприятия постоянно увеличивалась, причём стремлением руководства было не только выпускать на рынок чугун, но производить готовый товар, как, например, котлы, резервуары и тому подобное. Количество рабочих занятых на производстве в 1889/90 составляла 2270 человек, а в 1914 общая численность работников Днепровских предприятий превысила 30 тысяч. Соответственно также увеличилось количество служащих.

Столь быстрое развитие Общества в таком промышленном масштабе не имеет аналогов не только в России. Трудно что-то схожее найти даже во всей Европе. Разве что только заводы Форда могли служить подобным примером. Очень редкое в одном человеке соединение фундаментальных технических знаний, необыкновенного администраторского таланта и сильного, непреклонного характера в сочетании с кристальной честностью, стало причиной исключительно быстрого развития предприятия.

В 1869 году, когда Игнатий Ясюкович получил диплом инженер-технолога, металлургия не только в Государстве Российском, но и на Западе Европы опиралась на опыте и устной традиции мастеров, которые путём длительной практики достигали секретов производства железа и стали, а свой опыт передавали избранным своим последователям. Роль инженера сводилась скорей к административной деятельности, соответственно металлургическая технология оставалась бесспорной доминантой мастеров. А в Польше, как и в России, преимущественно ещё и мастеров-иностранцев, ревниво охраняющих свои, удерживаемые в секрете рецепты металлургической технологии.

Игнатий Ясюкович, как немногие инженеры того времени, понимал, что знания, основанные на законах физики и химии, подкреплённые точными расчётами, должны быть основой технологии. И потому и сам учился, и к учёбе поощрял подчинённых ему инженеров, доверяя им последующие ответственные посты. Работа в Днепровском Обществе была настоящей школой инженерии, и потому другие металлургические общества охотно принимали на руководящие должности бывших днепровчан.

.....
Из письма служащего Днепровского завода Игнатия Казимировича Ясюковича невесте Софье Ягельской [Фонды Народного музея Днепровского металлургического комбината]:

Каменское, среда 10/23 октября 1907 года.

Здесь фабрика солидная, находиться в ней можно, сколько хочешь, а уйти отсюда легче, чем с Киевской фабрики машин. Здешние инженеры хорошей марки – востребованы и выходят на хорошие должности, поэтому также молодые инженеры здесь так сильны. Фабричное жильё надо ожидать; начну здесь продвижение, это будет быстро.

.....
Однако не только технические знания приобретались под могучей опекуной ладонью Игнатия Игнатьевича Ясюковича. Днепровское Общество во времена его руководства было также школой характеров. Он учил подчиненных, прежде всего собственным примером, что к обдумыванию технических вопросов следует подходить со всей добросовестностью, основанной на точных знаниях; не разочаровываться неудачами, но упорно стремиться к предварительно намеченной и основательно обдуманной цели.

Во времена, когда Игнатий Ясюкович занимал положение директора-распорядителя Днепровского завода, калибровка валков была доверена одному из бельгийских мастеров. Тот при необходимости замены калибров закрывался в своей комнате, вытаскивал старые чертежи и на чисто эмпирическом основании составлял концепцию новых калибров, не основанную ни на каком расчёте. Иностранный мастер как «выдающийся специалист» имел значительную зарплату, много превышающую оклад не одного инженера, но не удовлетворился этим. Думая, что, используя своё исключительное положение, он сможет ещё выше поднять доходы, бельгийский калибровщик пошёл в Дирекцию требовать повышения зарплаты. Но директору это сильно не понравилось. Недолго думая, Ясюкович уволил бельгийца, уплатив с верхом за все его претензии, велел упаковать чемоданы и вместе с тайными чертежами отправляться в Бельгию.

Именно в это время приехали для инспекции завода представители Контролирующего Совета, в котором большинство составляли бельгийцы. Когда они узнали о судьбе своего земляка-мастера, забили тревогу.

- Как можно было лишиться такого выдающегося специалиста? Имеет ли господин директор кого-то, кто заменил бы его?

- Имею. – Сухо ответил Ясюкович. – Им является молодой инженер-технолог Козеровский.

Ясюкович поручил Антонию Козеровскому, которого знал как способного инженера и которому перед тем доверил руководство мастерской по изготовлению огнеупорного кирпича, заняться вопросами калибровки валков. Козеровский после усиленных специальных курсов прекрасно оправдал возложенные на него обязанности. Верховенство мастеров на Днепровском заводе было сломано. А самому А. К. Козеровскому доверили возглавить прокатные отделения Днепровского завода, которыми он руководил с 1903 по 1906 годы [76, 33].

Большой технической интуицией Ясюковича объясняется его понимание важности электротехники на промышленных предприятиях. В 1869 году, когда он получил диплом инженера, электротехника высоких напряжений ещё не была известна. И только несколькими годами позднее, когда бельгиец Зеноб Грамм запатентовал изобретение под названием «кольцевой якорь», строительство динамо-машин стало возможным в промышленном масштабе. Всеми своими знаниями и способностью ориентироваться в области электротехники, Игнатий Ясюкович обязан личной позднейшей учёбе, которой не пренебрегал даже тогда, когда занял главенствующее положение в промышленности. Тех же знаний достиг и в области теплотехники и обработки металлов, металлургии чугуна и стали, в прокатном производстве.

Игнатий Ясюкович владел как быстротой понятия, так и фундаментальными теоретическими знаниями. Он имел все черты человека выдающегося: могучий интеллект, упорство и систематичность в работе. Его широкая заинтересованность и запас сведений в различных областях, не имеющих никакого отношения к технологии железа, производили глубокое впечатление на специалистов. К примеру, в разговоре с известным врачом удивил того основательным знакомством биологии, указывая какую роль играют бактерии в усваивании азота воздуха люпином и другими стручковыми растениями.

Необыкновенный администраторский талант И. Ясюкович проявил ещё на заре своей

карьеры промышленника на Невской фабрике и Путиловских предприятиях. Однако прекраснее всего проявились его способности руководства большими коллективами, когда в 1888 году Игнатий Игнатьевич возглавил Днепроовские Общества. Вышеприведенное быстрое развитие предприятий ЮРДМО свидетельствует об их непревзойдённом руководстве. Огромный промышленный коллектив, управляемый умелой рукой, вышел в авангард громадной горнорудной и металлургической промышленности – и не только в Государстве Российском, но и всей Европе. Батарея коксовых печей в Кадиевке, построенная в 1909 – 1910 годах по новейшим американским образцам, вместе с химической фабрикой, перерабатывающей побочные продукты, получаемые при сухой дистилляции угля, являлась самым крупным этого рода предприятием на европейском континенте [76].

Это был промышленник и организатор наивысшего уровня. Когда разразился кризис 1900 года, большие южнорусские металлургические предприятия рассчитывали, прежде всего, на заказы своего самого крупного естественного потребителя – государственную железную дорогу в лице Министерства путей сообщения. Ясюкович же рассчитывал на самого себя, на дальнейшую модернизацию Днепроовских предприятий, развитие экспорта, поскольку внутренний рынок был недостаточным. И потому, когда Новороссийские предприятия сбывали государству 81% всей продукции, Дружковские 72%, Брянские 59%, Русско-Бельгийские 56%, Таганрогские 29%, Днепроовские предприятия продавали только 26% продукции и были наименее зависимы от государственных заказов [83]. Игнатий Ясюкович являл собой тип руководителя Божьей милости, одним из тех редко встречающихся создателей новых рабочих мест, пионеров и пропагандистов развития техники, стремящегося к тому, чтобы она служила человеку для его большей цивилизованности и культурности.

Как И. Ясюкович мог влиять на судьбу других промышленных предприятий, показывает следующий пример. Большой завод по строительству вагонов в Мытищах под Москвой во время промышленного кризиса, который периодически охватывал Россию, оказался в тяжёлых финансовых условиях и приостановил выплату по акциям. Вследствие этого состоялось собрание учредителей и акционеров, во главе которых выдвинулись Днепроовские предприятия с претензией в 6.000.000 рублей. Дебаты были длительными и нескоординированными. Каждый из акционеров, переживая за принадлежащую ему сумму, предлагал свой проект. Большинство склонялось к мысли ликвидировать вагоностроительный завод, чтобы хотя бы часть личной доли вернуть через продажу на торгах достаточно большого имущества предприятия-банкрота. Однако предвиденная к разделу сумма, полученная после торгов, лишь в малой части покрывала колоссальный долг банкрота.

Слово взял Ясюкович: «Ликвидировать предприятие, это означает, прежде всего, лишить куска хлеба многие сотни семей служащих и несколько тысяч семей рабочих. Принудительная распродажа наполнит карманы разных спекулянтов и обидит подвергшихся распродаже собственников. Предлагаю: предприятие не закрывать, во главе его поставить разумного администратора и хорошего техника. Приходящиеся каждому выплаты отложить до того времени, когда финансы предприятия претерпят основательную санацию. В таком случае акционеры получают больше, чем, если допустить предприятие к ликвидации. Днепроовские предприятия отсрочат экзекуцию своей части при условии, что во главе рушащейся фабрики станет человек моей рекомендации, за которого смогу поручиться».

На вопрос, кого выступающий считает человеком, подходящим для роли того, кто возродит хозяйство Мытищинских предприятий, Ясюкович ответил:

- Инженера Станислава Врублевского.

Это был его младший коллега из Петербургского Технологического института, которого Ясюкович хорошо знал, как добросовестного человека и способного инженера. Предложение Ясюковича переубедило собравшихся акционеров. Врублевский был назначен председателем правления, а на пост директора фабрики поставлен инженер Станислав Лабунский, в то время руководитель вагонного отделения Путиловских предприятий. После десяти лет толкового хозяйствования, предприятие в Мытищах полностью избавилось от долгов. Акционеры получили всё, что им принадлежало [76].

Игнатий Ясюкович не только укрепил Днепровский завод, возглавив его в сложное и неустойчивое для предприятия время становления. Позднее, когда другие заводы переживали кризис и даже могли стать банкротами – как мы видели на выше приведенном примере – он спасал чужие предприятия от разорения. Начало его головокружительной карьеры предпринимателя не было простым. Когда он занял пост руководителя Днепровских предприятий, Россия в течение двух столетий развивала металлургическую промышленность на Урале, владельцами которой были российские государственные финансы в лице влиятельных лиц правительственных сфер. Металлургия Юга России, благодаря, главным образом, Ясюковичу, сломала гегемонию Урала и повлияла на значительное снижение цен на металлургическую продукцию во всём российском государстве.

Директором-распорядителем завода в Каменском И. Ясюкович пребывал с сентября 1888 по июль 1903 года, когда Правление столь огромного промышленного конгломерата, каким являлось Южно-Русское Днепровское Металлургическое Общество, было перенесено из Варшавы в столицу государства Петербург. В период 1901 – 1903 годов российская металлургическая промышленность вступала в крупнокапиталистическую фазу, в процессе чего Ясюкович сыграл роль первого канцлера. Очевидным и бесспорным стало назначение Игнатия Игнатьевича Ясюковича на пост директора-распорядителя ЮРДМО, а вскоре – в ноябре 1903 года – и вхождение его в члены Правления Общества. Памятным явилось обращение Ясюковича к группе рабочих, которые вышли на железнодорожную станцию, когда тот отъезжал из Каменского на постоянное место жительства в Петербург. Ясюкович в своей речи подчеркнул их безупречное поведение во времена его директорства, ибо, когда в других окрестных фабриках и заводах часто происходили забастовки и замешательства, на Днепровских предприятиях рабочие трудились и не приносили руководству никаких беспокойств, за что он их сердечно благодарит и низко склоняет голову.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ВОЛНА

Однако спустя несколько лет революционная волна прошла по всей России. Даже среди служащих, а в их числе некоторых старших инженеров Днепровского завода, нашлись лица, которые, потеряв голову, начали поддерживать революционное движение. Революция грозила разрушить, прежде всего, рабочие места, созданные многолетними усилиями Игнатия Ясюковича, она нарушала деятельность завода, а, может быть, и само его существование, как благоустроенного предприятия. И директор-распорядитель ЮРДМО резко отреагировал на это. Одних забастовщиков удалил навсегда из Общества – а быть выгнанным из Днепровки являлось огромным наказанием! – другим вынес суровое порицание.

Надо полагать, что участие служащих Днепровского завода во всероссийской политической стачке и даже вхождение их (гг. Обухов, Мейштович) в боевой стачечный Комитет села Каменского, явилось болезненным ударом по самолюбию И. Ясюковича. Долговременные сотрудники, которых директор-распорядитель Днепровского Общества считал единомышленниками и членами своей команды, поддались настроению толпы либо не выказали гражданской позиции относительно деструктивных последствий происходящего. А ведь социальная защищённость служащих Днепровских предприятий была одной из самых высоких в российской промышленности, заработки господ забастовщиков составляли двести, двести пятьдесят, триста и даже четыреста-пятьсот рублей в месяц для старших служащих! Завороженные агитаторами, напуганные бунтовщиками, они не понимали, что рубят сук, на котором сидят. Придёт время, и люмпен-пролетариат будет вытирать о них ноги – и это в лучшем случае!

Характерно, что отпечатанная в Екатеринославе и распространяемая в Каменском листовка «Ко всем рабочим Днепровского завода», призывающая присоединиться к всероссийской политической стачке, изобиловала следующими выражениями: «Довольно же и нам молчать, когда вся Россия шумит, довольно спать, когда уже проснулся к жизни и борьбе всероссийский рабочий класс, довольно бездействовать, когда петербургские рабочие проливают свою кровь за рабочие интересы».

Иными словами, социалисты-агитаторы призывали рабочих Днепровского завода присоединяться к забастовке из солидарности с петербургскими и московскими пролетариями, а не по причине эксплуатации каменских металлистов со стороны администрации или тяжёлых условий жизни. Требования, предъявляемые к администрации завода, носили чисто экономический характер, которые можно было решить путём переговоров, а не смуты. Однако нельзя не признать, что первая русская революция, а также её отголосок в Каменском, заставили как царское правительство, так и Правление ЮРДМО более решительно идти по пути улучшения положения трудящихся. В Каменском это проявилось в учреждении профессионального союза металлистов, строительстве столовой и обширных баней для рабочих, установлении института выборных от рабочих, призванных вести переговоры с администрацией по возникающим вопросам труда, быта и прочее. Одновременно с тем жилые дома Верхней колонии были обнесены каменной стеной, заменившей деревянный заборчик, для защиты её жильцов от возможных посягательств со стороны люмпен-пролетариата.

5 января 1906 года И. Ясюкович в качестве директора-распорядителя ЮРДМО подписал «Циркуляр господам служащим Днепровского Завода по поводу их участия в общей забастовке с 11 по 25 декабря 1905 года», в котором говорилось:

«...служащие Завода открыто присоединились к объявленной рабочими забастовке и тем самым выразили готовность бороться вместе с рабочими за их идеалы, то есть, переворот в социальных и общественных отношениях, а вместе с тем за социализацию земли и орудий труда. Участие в таком постановлении со стороны служащих не может быть названо иначе, как предательство... Анализируя вопросы по отношению к поступкам господ служащих Днепровского завода в период времени с 11 по 25 декабря прошлого года, Правление Общества пришло к заключению, что господа служащие завода параллельно со всеми категориями забастовщиков постепенно пришли к заключению, что в настоящее припадочное время позволено все, лишь бы быть в численном превосходстве, лишь бы обладать физической силой, лишь бы не признавать сдерживающих нравственных начал... Полное

отсутствие дисциплины, вопиющие нарушения служебного долга, отрицание начал промышленной и служебной этики, одним словом, анархия рядом с явным сочувствием несбыточным социалистическим теориям, не могут быть признаны творческими элементами».

Далее шел список «господ служащих» с перечнем мер административного воздействия: «уволить немедленно от службы в Обществе и впредь обратно не принимать, ...объявить строжайший выговор, ...объявить выговор, ...если в действиях их (то есть, членов Союза служащих) будет замечена хотя малейшая некорректность по отношению к Обществу, то все они будут уволены от службы» [Фонды Народного музея ДМК].

Реакция Игнатия Игнатьевича Ясюковича чем-то напоминала действия хирурга: отсечь больной член ради сохранения жизни всего организма.

«...некто имел в винограднике своём посаженную смоковницу; и пришёл искать плода на ней, и не нашёл. И сказал виноградарю: «вот я третий год прихожу искать плода на этой смоковнице, и не нахожу; сруби её: на что она и землю занимает?» Но он сказал ему в ответ: «господин! Оставь её и на этот год, пока я окопаю её и обложу навозом: не принесёт ли плода; если же нет, то в следующий год срубишь её». (Евангелие от Луки. 13. 2-3).

ПРОДАМЕТ

Крепко держа в руках могучий промышленный объект, каковым являлись Днепровские предприятия, Ясюкович влиял на хозяйственную политику всего царского государства. Он мыслил глобальными категориями и блестяще внедрял свои идеи на практике. Будучи крупнейшим руководителем и финансистом, Игнатий Игнатьевич умел считать деньги. Он решительно осуждал грюндерство – спешное учредительство акционерных обществ, и особенно резко возражал против большого количества посреднических агентств по сбыту металла, внеся предложение о создании в Харькове конторы по его продаже.

Собственно говоря, первым монополистическим объединением в металлургической отрасли российской промышленности начала XX века являлся Рельсовый картель. Он был создан в 1900 году путем заключения соглашения пятью металлургическими предприятиями Юга России: Новороссийским, Брянским, Южно-Русским Днепровским, Русско-Бельгийским и Донецким обществами. Но в том же 1900 году начались переговоры о формировании более широкого и полного объединения металлургических предприятий в России.

Директор Таганрогского металлургического общества Г. Тразенстер предложил радикальный проект – слияние всех южнороссийских металлургических предприятий в одно акционерное общество. Однако предложение не встретило сочувствия у других заинтересованных сторон. Директор-распорядитель Южно-Русского Днепровского Металлургического Общества И. И. Ясюкович выступил с иной идеей. Она предусматривала объединение сбыта всех изделий договаривающихся предприятий путем передачи исключительного права их продажи совместно создаваемому торговому агентству. Этот проект получил одобрение XXVI съезда горнопромышленников Юга России, но для его реализации существовали юридические препоны, и возникла мысль придать центральной конторе будущего объединения форму акционерного общества. При поддержке министра финансов С. Витте соглашение после целого ряда собраний и совещаний предполагаемых участников было заключено.

В начале 1900 года под патронатом Парижско-Нидерландского банка в целях объединения французских и бельгийских предприятий юга России был разработан проект образования синдиката российских металлургических заводов. В феврале 1902 года в Санкт-Петербурге состоялось совещание представителей 19 металлургических заводов юга России. Совещание постановило сосредоточить в руках синдиката продажу основных видов продукции, входивших в состав объединения предприятий. И уже 5 июля 1902 года был Высочайше утверждён устав «Общества для продажи изделий русских металлургических заводов», или «Продамет» – мощный союз, контролирующий производство и продажу подавляющего большинства продукции металлургических заводов страны. Ведущее место в синдикате принадлежало Днепровскому заводу, и первым председателем «Продамета», его душой и организатором был директор-распорядитель Каменского завода Игнатий Ясюкович. В дальнейшем И. И. Ясюкович занимал место почётного председателя «Продамета». Ему же принадлежит идея и практическая организация «Общества рудников и копей юга России». «Продамет» финансировался крупнейшими французскими, немецкими, бельгийскими и российскими банками (Азовско-Донской, Петербургский международный, Торгово-промышленный и другие). В 1902 – 1905 годах синдикат монополизировал сбыт листового железа, осей, балок, чугунных труб. В 1908 году в область интересов «Продамета» вошёл также сортовой прокат, а в 1909 году – сбыт рельсов.

Первоначально в синдикат с акционерным капиталом 900 тысяч рублей вошли 12 предприятий по производству листового широкополосного железа. В 1903 году к ним присоединились Общество трубопрокатных заводов в Екатеринославе и три польских предприятия, в 1905 году – Донецко-Юрьевское металлургическое общество, а в 1907 году – Новороссийское общество и Общество Сулинского завода. Отношения между «Продаметом» и каждым его участником определялись договором. По этому договору участник синдиката передавал ему исключительное право на продажу всей производимой продукции по ценам, назначаемым синдикатом и в соответствии с определенной для участника долей (квотой) производства [58].

В 1902 году четыре участника пожелали передать «Продамету» сбыт всех производимых ими осей и бандажей, в 1904 году к этому соглашению присоединились Брянский, Коломенский, Сормовский и Путиловский заводы. В 1903 году были подписаны договоры о продаже «Продаметом» балок и швеллеров, а в 1905 году пять предприятий, производивших чугунные трубы (Брянский завод, Генеральное общество, Южно-Русское Днепровское общество, Сулинский завод Н. Пастухова и трубопрокатный завод Д. Пастухова в Ростове-на-Дону), передали синдикату сбыт этой продукции. Наконец, на исходе 1908 года с «Продаметом» заключила соглашение группа предприятий, выпускавших сортовое и фасонное железо. Это Днепровский завод в Каменском, Никополь-Мариупольский, Сулинский, Царицынский, Таганрогский, Брянский, Донецко-Юрьевский, Юзовский заводы, Провиданс и Общество заводов Гартмана, позже – Русско-Бельгийское, Камское общества и Общество железопрокатных заводов в Константиновке.

«Продамет» добивался монопольного положения на рынке в жесточайшей конкурентной войне, основным методом которой была особая политика цен. В районах конкурентной борьбы синдикат снижал цены на свою продукцию, компенсируя потери путем повышения цен в других регионах. Как правило, противники не выдерживали соперничества с «Продаметом» и вступали в синдикат, сохраняя значительную долю своей производственной самостоятельности. Например, именно таким образом, под угрозой демпинговых цен «Продамета» на листовое широкополосное железо, в 1904 году в синдикат вошла группа

Сосновицких заводов. Но далеко не со всеми конкурентами удавалось справиться быстро. Борьба с Новороссийским обществом продолжалась несколько лет, и только в 1907 году оно заключило договор с «Продаметом» о передаче ему сбыта листового железа, балок и швеллеров [19].

Большой интерес представляет история формирования аппарата «Продамета» – одного из самых сложных сбытовых монополистических объединений в России. По мере своего развития «Продамет» все больше превращался в своеобразный «веер» синдикатов, отличающихся как по характеру монополизированного продукта, так и по составу участников, но объединенных общей продажной конторой. Лишь одно предприятие – Южно-Русское Днепропольское Металлургическое Общество – входило одновременно во все эти синдикаты.

Постепенно складывалась и торговая организация «Продамета». В 1904 году в дополнение к Центральной конторе в Петербурге были открыты восемь районных контор: Варшавская, Московская, Киевская, Одесская, Саратовская, Рижская, Харьковская и Ростовская. Почти во все отделения «Продамета» Игнатий Ясюкович поставил своих людей, которые исполняли его волю. В Петербурге – Антоний Руммель, в Москве – Юзеф Бышевский, в Киеве – Мечислав Брониковский, в Вильно – Игнатий Федорович, в Харькове – Юзеф Лабунский, позднее Стефан Кожицкий, в Екатеринославе – Станислав Вуйчик и так далее. Таким образом, Игнатий Ясюкович выдвинулся в лидеры всей российской металлургической промышленности.

Екатеринославская газета «Южная Заря», в номере от 16 января 1913 года в заметке «Дела металлургов» писала:

«Чтобы уяснить себе истинное положение в России металлургического дела, достаточно познакомиться с данными о «Продамете». Справку о нём дают иностранные экономические журналы. Оказывается, синдикат объединил сейчас семь заводов в Польше, два на Урале, два – в Прибалтийских губерниях, два – в центральной России и шестнадцать на Юге России с общим числом рабочих свыше 100.000 человек. Находящийся в руках синдиката капитал превышает 300 миллионов рублей. Если принять во внимание влияние заводов, входящих в синдикат, и на другие производства в России, тесно связанные с металлургической промышленностью, то окажется, что в руках директоров «Продамета» сосредоточен капитал свыше полмиллиарда рублей. Влияние синдиката всё увеличивается, количество заказов, поступающих к нему, растёт, растут и капиталы» [67].

«Продамет» сосредоточил более 80% продукции металлургической промышленности России. К 1910 году он контролировал 88% общего производства сортового железа, балок и швеллеров в стране, 82% листового и универсального железа, 74% рельсов, бандажей и осей. К 1914 году синдикат «Продамет» объединил до 90% металлургических заводов Российской империи и сосредоточил свыше 85% общероссийской продажи чёрных металлов. После окончания затяжного промышленного кризиса 1903 – 1909 годов, металлургические заводы России переживали период бурного развития. Сбыт, главным образом рыночных сортов металла, был вновь обеспечен. Более того, спрос опережал предложение, и уже в 1912 году часть потребности в металле удовлетворялась импортом. Для южных заводов через синдикат «Продамет» за 1910 – 1913 годы поступают громадные заказы. Производство металла быстро росло, но всё-таки не покрывало всё возрастающего спроса, так что в 1914 году, например, был разрешён ввоз из-за границы 300 тысяч тонн чугуна [20].

НА ПОСТУ ДИРЕКТОРА-РАСПОРЯДИТЕЛЯ ЮРДМО

Одним из первых шагов, предпринятых Ясюковичем в качестве руководителя Днепропетровского Общества, стало приобретение в 1904 году в Кадиевке угольной шахты вместе с металлургическим заводом на станции Алмазная. Теперь в составе акционерного общества находились два металлургических завода – Каменской и Кадиевский. И. Ясюкович и в дальнейшем продолжал непосредственно, хотя и издали, руководить Днепропетровским заводом. Дважды в год совершал визит в подвластные ему учреждения, ежедневно получал рапорты обо всём, что происходит на фабриках и рудниках. Даже, когда для улучшения слабеющего здоровья Ясюкович выезжал на лечение за границу, и туда ему присылали отчеты о положении дел.

.....

Из писем служащего Днепропетровского завода Игнатия Казимировича Ясюковича жене Софье Ясюкович-Ягельской [Фонды Народного музея Днепропетровского металлургического комбината]:

Каменское, вторник 27 апреля / 10 мая 1910 г.

Вчера приехал Ясюкович, сегодня в клубе вечеринка, на которой должны появиться Ясюкович с женой и Вильговы (то есть, супруги Вильга – Ян и Мария, – авт.) Колеблюсь, не пойти ли и мне, но решил сидеть дома. Что мне принесёт участие, разве что целование рук дамам? В конце концов, если кто из них хотел бы меня видеть, могли бы пригласить меня, правда, Зосенька?

Каменское, пятница 1/10 октября 1910 г.

Сегодня вечером должен приехать Ясюкович. Так мне не хочется идти на этот ужин в его честь. Это будет стоить около 10 рублей, может фабрика вернёт эти деньги?

.....

Игнатий Игнатьевич Ясюкович, отделяя зёрна от плевел, очень тонко улавливал новые идеи, касающиеся развития промышленности в масштабах государства. По воспоминаниям Анджея Вержбицкого, как-то в 1905 году Игнатий Ясюкович ввёл в собрание петербургского Общества Фабрикантов и Заводчиков инженера Адольфа Вольского, которого представил как экономиста, сотрудничающего с ним в хозяйственных делах. А. Вольский выступил с предложением образования общегосударственной институции, охватывающей всю промышленность. Данная институция, по замыслу Вольского, должна была согласовать потребности и позицию отдельных организаций, которые вошли бы в её состав в качестве основателей и членов, через своих делегатов.

Это было непростым делом. Если бы бюджет вновь созданного учреждения опирался только на дотации участников – региональных и профессиональных организаций – невозможно было бы собрать значительные средства. Взносы в дирекцию институции – ослабление собственного бюджета, бюджета в основном скромного. Выход из ситуации был найден в приглашении в качестве членов с совещательным голосом выдающихся представителей больших акционерных компаний, промышленных и банковских корпораций всего государства. Так, собственно, в первой половине 1906 года возник Совет Съездов Представителей Промышленности и Торговли. В свою очередь, Совет съездов (очень многочисленный, с тем чтобы все отрасли промышленности были в нём представлены) избирал Комитет, в который, кроме выборных членов, входили члены – делегаты от крупнейших организаций. И, наконец, Комитет Совета Съездов избирал Президиум. В Президиум входили – председатель Н. С. Авдаков и заместители – Э. Л. Нобель, П. О. Гукасов, А. А. Бобринский, И. И. Ясюкович [6].

В развитии хозяйственной жизни российского государства создание данной организации явилось беспрецедентным делом такого уровня. Инициатором и координатором столь влиятельного учреждения выступил Адольф Вольский. Настоящее начинание стало столь успешным благодаря тому, что Вольский нашёл понимание и всестороннюю поддержку своей концепции у нескольких ведущих деятелей хозяйства, прежде всего Ясюковича. Именно авторитет Игнатия Игнатьевича Ясюковича открыл путь усилиям Вольского. Поддержала его металлургия и угольная промышленность юга России (Н. Авдаков, Н. фон Дитмар), нефтяная промышленность (Э. Нобель), петербургская промышленность (С. Глезмер), промышленность Царства Польского (В. Жуковский). Присоединился к этой идее и Московский Биржевой Комитет (Г. Крестовников), который до того времени, будучи представителем Москвы – сердца России – узурпировал право презентации хозяйственных интересов государства [83].

Когда в начале того же 1905 года на очередь стал вопрос о разработке положения о Государственной думе, на это живо отреагировали представители торгово-промышленных кругов России. 14 марта 1905 года министру внутренних дел А. Булыгину была подана петиция от всех торгово-промышленных организаций империи. В петиции указывалось на важное место, которое занимает промышленность в жизни государства и общества, нужды которого не могут быть выражаемы в Думе лишь представителями земства и городов. А потому к совещанию по разработке положения о Госдуме необходимо привлечь выборных представителей промышленности. Честь подписания данного заявления удостоились первые лица Российской промышленности и торговли: С. Морозов, С. Четвериков, Г. Крестовников, А. Коновалов, П. Рябушинский, Н. Авдаков, И. Ясюкович, П. Гукасов, В. Жуковский [6].

«В те времена дорога для способных людей была открыта, энергия расходовалась в напряжённом труде, который являлся доминирующей чертой петербургских промышленников. Среди них были средние и талантливые профессионалы, люди с узким и широким кругозором, привязанные к своему месту и не видящие ничего, кроме него. Были также другие, понимающие, что необходимо в мыслях и поступках подниматься выше пределов своей фабрики, определиться и бороться за свою позицию в обществе и направлять политику государства на рельсы широкой индустриализации страны. Среди них были как поляки (Ясюкович, Вольский, Жуковский), так и выдающиеся русские деятели (Нобель, Нератов, Авдаков, Дитмар, Беляев, Коновалов и другие). В живом совместном труде легко завязываются дружеские отношения. В этой среде люди ценят человека, прежде всего, за интеллект, а не каким капиталом он владеет. С этой точки зрения в российских промышленных кругах того времени господствовали отношения по-настоящему демократичные» [83]. (Анджей Вержбицкий «Живой Левиафан»)

Участвуя в делах общегосударственного значения, Игнатий Игнатьевич Ясюкович чутко держал руку на пульсе управляемого им Днепропетровского Общества. В 1906 году во время начавшегося всемирного промышленного кризиса, на западе Европы был создан металлургический синдикат без учёта интересов России. В ответ И. Ясюкович так понизил цены, что железнодорожные рельсы экспортировались из Днепропетровского завода в Японию, Бразилию, Аргентину, Британскую Индию, Канаду, Китай, Румынию и даже в Ирландию под нос Англии, тогдашней царицы металлургической промышленности. И. Ясюкович направил все усилия на спасение своего детища – Днепропетровского завода в Каменском. Чтобы не закрыть отделения завода в момент тяжелейшего кризиса и не выбросить на улицу рабочих, он, используя свой личный международный авторитет, добился размещения продукции завода за

границей.

В журнале «Горно-Заводской листок» сообщалось: «На заводе предполагалось закрытие на некоторое время (приблизительно на три месяца) бессемеровского и рельсопрокатного отделов (конечно, с обжимным станом), вследствие чего ожидался расчёт значительного числа рабочих. Но так как в настоящее время получен заказ на рельсы в Ирландию на значительную сумму (15 тысяч тонн), то завод, приступив к изготовлению этих рельсов, будет иметь возможность не прекращать работ. Этот заказ принят по баснословно дешёвым ценам и вызывает явные убытки от 8 до 10 копеек за пуд» [15].

Начиная гигантскую борьбу, которая окончилась столь знаменательной победой, Ясюкович обратился к подчинённым ему инженерам с призывом, чтобы они приложили все старания для снижения себестоимости и возможности выдержать конкуренцию с могучей металлургической промышленностью запада.

«Игра идёт на большую ставку, речь идёт о судьбе целого предприятия, а значит о судьбе вас самих и ваших семей. Напрягите все ваши интеллектуальные и физические силы – и победим» [76]. Именно так всё и произошло. Преимущества Ясюковича как лидера проявились в полной мере. Для многих инженеров и администраторов Игнатий Игнатьевич Ясюкович стал образцом промышленника, сочетающего в себе талант предпринимателя и искренние общественные начинания, что будило повсеместное признание и уважение.

Из писем служащего Днепровского завода Игнатия Казимировича Ясюковича невесте Софье Ягельской [Фонды Народного музея ДМК]:

Каменское, среда 31/10 – 13/11 1907 года.

А знаешь, на фабрике почти не ведутся работы, некоторые отделения простаивают, в нашем прокатном цехе работы тоже очень мало. Производятся рельсы в Индию, англичанам, в Италию и Австралию – на них и прибыли иметь не будут, но хотят не увольнять работников, а продержаться тяжёлое время.

Каменское, 12/25 ноября 1907 года.

Никого уже не мучает мысль, что могут закрыться некоторые отделения фабрики, это были слухи и только, нам ничего не грозит.

.....
В последствии, когда события первой русской революции и промышленного кризиса отошли в прошлое, Каменская газета «Отклики жизни» в номере от 4 февраля 1917 года писала: «В тяжёлые дни 1905 и 1906 годов, когда русская промышленность совершенно пала, когда многие заводы остановили свое производство, Ясюкович сумел выдвинуть Днепровский завод на первый план, вынести его производство на международный рынок».

ОТ СИНДИКАТА К СВЕРХМОНОПОЛИИ

В 1908 году Россия находилась в состоянии экономического застоя. Виновниками чего было принято считать монополии. Период монополизации отечественной промышленности пришёлся на 1900 – 1910 годы, период кризиса и начала промышленного подъёма. В это время господствующее положение заняли синдикаты. Особенно интенсивно процесс

монополизации шёл в 1902 – 1904 годах. Стержневым объектом его стала тяжёлая промышленность: чёрная металлургия, обработка чёрных и цветных металлов, производство металлоизделий, машиностроение. В 1905 – 1908 годах завершилось формирование системы сбытовых монополий. Основным методом обеспечения участникам синдикатов высокой монопольной сверхприбыли являлось установление определенной системы монопольных цен, которые поддерживались при помощи сокращения выпуска продукции. Что касается производства, то воздействие синдикатов на него проявлялось лишь в регулировании его размеров – сбытовые монополии не устраняли конкуренцию между входившими в них предприятиями. Поскольку внутри монополии унифицировались лишь условия сбыта продукции и не устранялись различия в условиях её выпуска, постольку производственные издержки участников объединений, а, следовательно, и получаемые ими прибыли оставались различными. Стремление преодолеть границы возможностей сбытовых монополий, добиться устранения конкуренции не только в сфере сбыта, но и в области производства породило тенденцию к слиянию однородных предприятий.

Чем дольше существовали и развивались в России синдикаты, тем настойчивее буржуазия стремилась к созданию более действенных и прочных союзов высшего типа. Кризисные явления в экономике страны 1903 – 1909 годов показали, что картели и синдикаты не могут гарантировать монополистам постоянную высокую прибыль и предотвратить её падение. Типичным для этого периода является выступление в прессе крупного металлургического заводчика Ю. Гужона, писавшего, что «синдикаты уже отжили свой век, и им, как неспособным служить прочным и долговременным регулятором производительности, на смену должны прийти именно тресты как организации более полные, продуманные, действенные в своих мероприятиях» [17].

Тенденция к образованию трестов в черной металлургии, которые должны были придти на смену синдикатам, возникла еще в самом начале XX века. В конце XIX века металлургическая промышленность юга страны развивалась исключительно динамично. Но и её через несколько лет постиг кризис. В 1903 году в Харькове работал XXVII Съезд горнопромышленников Юга России. На нём было высказано пожелание: трестовская форма регулирования металлургического производства «должна быть признана в настоящее время наиболее совершенной». Съезд обратился к правительству с просьбой помочь в организации треста. Однако призыв не был услышан: властям не нравился разрыв между лидерами и аутсайдерами в южной металлургии. Да и начавшееся вскоре в ней оживление, рост цен, поступление выгодных военных заказов позволили отложить инициативу в долгий ящик. Вновь эта идея всплыла в 1907 – 1908 годах.

Кризис тех лет больно ударил по металлообрабатывающей и машиностроительной отраслям. В связанной с ними металлургии началось перепроизводство. Терпящим убытки заводам пришлось бороться за покупателя. Выход из конкурентной схватки виделся в установлении монопольно высоких цен на все виды товарного металла. Южнорусским металлургам также хотелось сломить старого соперника – Урал, с его исключительно дешёвой рабочей силой и бескрайними лесными массивами. Эта борьба породила тенденцию к вертикальному объединению, толкала к созданию гигантских комбинатов.

Забегая вперёд можно предоставить следующие цифры: в общем производстве металла царской России в 1913 году на долю Юга уже приходилось 73,7% всей продукции чугуна, 67,2% стали и 69,5% проката. Какими процентами можно определить личный вклад Игнатия

Ясюковича в исходе столь бескомпромиссной борьбы?

К идее создания треста предложило вернуться Южно-Русское Днепропольское Металлургическое Общество в лице его директора-распорядителя и одновременно почётного председателя «Продамета» И. И. Ясюковича, имевшего прочные связи среди бельгийской и французской деловой элиты. Связь южнорусской металлургии с французским и бельгийским капиталом открыла перспективы создания металлургического треста. Это привело бы к оздоровлению предприятий, из которых несколько совершенно клонились к упадку, к дальнейшей модернизации оборудования, концентрации на отдельных предприятиях того или иного металлургического производства, понижения административных расходов. И возглавить гигантскую корпорацию, объединяющую все стадии производства, от добычи сырья до выпуска готовой продукции, должен был Игнатий Игнатьевич Ясюкович [83].

Южно-Русское Днепропольское Металлургическое Общество являлось типичным примером крупного комбината. На всех его предприятиях было занято 30 тысяч рабочих. Годовая производительность составляла: 32 – 34 миллиона пудов чугуна, 27 – 28 миллионов пудов стали, 23 – 25 миллиона пудов проката, 1 – 1,2 миллиона пудов чугунных отливок, столько же металлоизделий (котлов, железнодорожных конструкций, полускатов и т.д.), 5 тысяч штук товарных вагонов, 40 – 50 тысяч штук осей, до 4,8 миллионов пудов проволоки и гвоздей, 70 – 75 миллионов пудов каменного угля, 32 – 35 миллионов пудов кокса, 60 – 70 миллионов пудов железной и 6 – 9 миллионов пудов марганцевой руды и так далее. Таким образом, Днепропольское общество представляло собой огромное объединение, сочетавшее в себе металлургическое производство с угольным, рудным, марганцевым, машиностроительным, котельным и прочим.

Проект «металлургического треста» вызвал широкий общественный резонанс, о нем много писалось в прессе. ЮРДМО и «Продамет» провели всю подготовительную работу. Итогом стало совещание представителей южных металлургических заводов в Петербурге в мае 1907 года. На нём заявили о слиянии два крупнейших акционерных общества – Днепропольское (с двумя заводами) и Русско-Бельгийское. Затем к ним на условиях полного объединения в единую акционерную компанию присоединились Новороссийское общество, «Русский Провиданс», Урало-Волжское, Таганрогское, Донецко-Юрьевское, Генеральное (Макеевское) общества, а также Александровский завод Брянского общества в Екатеринославе. После этого переговоры были перенесены в Брюссель. Во-первых, подальше от русского правительства, формально не одобрявшего монополии, а во-вторых, бельгийцы, как пайщики ЮРДМО и иных обществ, имели большие интересы в российской металлургии. В конце зимы – начале весны 1908 года в столице Бельгии состоялось подписание предварительного договора об условиях создания треста. После этого следовало обменять акции и облигации всех фирм новыми, трестовскими. По приблизительной оценке, суммарный капитал треста в акциях и облигациях составлял около 172 миллионов рублей. Реализацию этих бумаг на весьма выгодных для себя условиях взялись провести солидные европейские банки: «Генеральное общество» (Париж), «Парижский союз», Парижско-Нидерландский банк, «Лионский кредит» и «Генеральное общество» (Брюссель).

Но не спекулятивное обогащение являлось целью инициативной группы во главе с Игнатием Ясюковичем – он мечтал о создании гигантской корпорации, самой крупной в России и Европе. Доминировать в ней должны были мощные Днепропольское, Русско-Бельгийское, Новороссийское и частично Брянское общества. С одной стороны, они соглашались на жертву – приобретение бумаг убыточных предприятий. С другой – получали контрольный

пакет акций треста (66,2%). Да и в облигационном капитале, в том числе в переведенных в облигации наличных средствах, им доставалось 65%. Кроме того, лидеры получали права на владение привилегированными акциями, аутсайдеры же должны были довольствоваться обычными. Мало того, Днепровское, Русско-Бельгийское, Новороссийское и Брянское общества получали все рычаги управления трестом – включая нормирование производства и закрытие нерентабельных предприятий [1].

По предварительным набёткам, трест должен был охватить 89% производства южной металлургии и 45% общеимперской. В его руках сосредоточились бы 83% выплавки чугуна на юге и 52,5% в целом по России. У треста вообще не осталось бы конкурента в стране. Так, по железнодорожным рельсам он должен был объединить 73,4% производства, по листовому и универсальному железу – 33,9%, по сортовому железу – 36,5% [26, 3]. Что же касается Днепровских предприятий и, в частности, наиболее мощного из них – завода в Каменском, – осуществление данной идеи обеспечивало полную стабильность работы предприятия и занятость его сотрудников, и, соответственно, неуклонное процветание заводского поселения и всех его жителей.

Однако даже приведенные цифры еще не дают полного представления о могуществе проектируемой Ясюковичем сверхмонополии. По подсчетам антитрестовской оппозиции, могущество это в громадной степени возрастало из-за того, что в распоряжении треста оказывались колоссальные природные богатства – 2,5 миллиардов пудов руды и 100 миллиардов пудов каменного угля. Само собой разумеется, к тресту пошли бы выгодные военные заказы, а это, в свою очередь, давало ему рычаги воздействия на правительство. Один из этих рычагов – иностранная дипломатия.

Насколько обоснованы были страхи антитрестовской оппозиции? Примеры «Продугля», «Продамета», «Продсахара» и других крупных синдикатов с участием иностранных партнеров свидетельствуют, что российские предприниматели нередко использовали их помощь в лоббировании своих интересов на отечественной политической арене. Но и российские власти не упускали случая воспользоваться выгодами от привлечения иностранного бизнеса. По этому поводу министр финансов России С. Ю. Витте в своё время говорил, что привлечение иностранных капиталов никакой опасности для независимости страны не представляет. Наоборот, Россия поглотила уже столько иностранных капиталов, ассимилировала совершенно столько иностранцев, что странно было бы говорить о какой-то опасности для русской самобытности от иностранцев и иностранных капиталов. Примерами к тому могут служить Англия, Германия, Франция, Соединенные Штаты.

Однако вследствие вмешательства политических факторов, трест не состоялся и оздоровление южнорусской тяжёлой промышленности, хотя и с напряжением, было проведено иным путём. Несмотря на то, что проект не удалось реализовать, он свидетельствовал о нараставшей объективной потребности в новых организационных формах монополизации промышленности. Неудача «металлургического треста», объяснявшаяся как разногласиями в среде его учредителей, так и политическими условиями в стране, не ослабила появившейся тенденции. В период предвоенного промышленного подъема она вылилась в интенсивный процесс вертикальной интеграции, а с другой стороны – в объединение металлургических компаний на основе системы участия.

ЗАВЕЩАНИЕ И. И. ЯСЮКОВИЧА

Выпись из третьей части актовой книги Санкт-Петербургского нотариуса Виктора Люциушевича Нагурского для актов, не относящихся к недвижимым имуществам, за 1912 год. Лист 93 и оборот. №65.

«1912 года ноября двадцать седьмого дня явился ко мне, Виктору Люциушевичу Нагурскому С.Петербургскому нотариусу, в контору мою Спасской части по Невскому проспекту №52, известный мне лично и к совершению актов законную правоспособность имеющий потомственный дворянин инженер-технолог Игнатий Игнатьевич Ясюкович, живущий Адмиралтейской части, по улице Гоголя №12, в сопровождении лично мне известных свидетелей, крестьян: Тверской губернии и уезда Андрея Дмитриева Дмитриева и Дмитрия Иванова Рыжова и Новгородской губернии, Боровичского уезда Евсея Петрова Петрова, живущих Спасской части, по Садовой улице №14, с объявлением, что он, Ясюкович, совершает нотариальное Завещание о нижеследующем.

Я, нижеподписавшийся, потомственный дворянин, инженер-технолог Игнатий Игнатьевич Ясюкович, находясь в здравом уме и твёрдой памяти, делаю на случай моей смерти настоящее духовное завещание о нижеследующем:

1. Всю мою домашнюю обстановку, находящуюся на квартире моей в С.Петербурге, или где бы таковая в будущем ни находилась, а также сто тысяч рублей билетами Государственной ренты или другими процентными бумагами, какие окажутся, считая таковые по номинальной цене, завещаю в полную собственность дорогой жене моей, Брониславе Генриховне Ясюкович, урождённой Лабунской.
2. Из принадлежащего мне капитала, заключающегося, между прочим, в четырёх с половиною процентных закладных листах Виленского Земельного Банка, завещаю в полную собственность дорогому сыну моему, Станиславу, триста тысяч рублей, исчисляя эту сумму упомянутыми закладными листами, а если таковых не окажется, то другими процентными бумагами, по номинальной их цене.
3. Все остальные принадлежащие мне движимые и недвижимые имущества, как-то: имение Ходово, в составе Ходов, Ходов Подуховный и Ходувек, расположенное в Кутновском уезде Варшавской губернии, со всем находящимся в нём живым и мёртвым инвентарём и всяким квартирным имуществом, затем все принадлежащие мне капиталы, как в наличных деньгах и вкладах, так и в процентных бумагах, акциях и долговых обязательствах разных лиц, где бы таковые ни находились и сколько бы их в будущем ни оказалось и вообще всякое имущество, в чём бы оно ни заключалось, завещаю в пожизненное владение дорогой жене моей, Брониславе Генриховне Ясюкович, урождённой Лабунской.
4. После смерти жены моей, Брониславы Генриховны Ясюкович, из находящихся в пожизненном владении её капиталов, завещаю в пожизненное владение умственно-больного сына моего, Игнатия, сто пятьдесят тысяч рублей и в пожизненное владение умственно-больного сына моего Ивана (Яна) сто тысяч рублей, исчисляя определённые выше суммы по номинальной цене тех процентных бумаг, из которых к тому времени будет состоять завещанный в пожизненное пользование дорогой жене моей, Брониславе Генриховне Ясюкович, по пункту третьему сего моего завещания, капитала.
5. По последовательном прекращении указанных в пунктах третьем и четвёртом сего завещания пожизненных владений, всё помянутое в них, как движимое, так и недвижимое

имущество, деньги, процентные бумаги, акции и всякое имущество, в чём бы оно ни заключалось и где бы ни находилось, всё без остатка, завещаю в полную собственность сыну моему, Станиславу Игнатьевичу Ясюковичу.

6. Дорогой жене моей, Брониславе Генриховне Ясюкович, урождённой Лабунской, по соглашению с дорогим сыном моим Станиславом, предоставляю право продать имение Ходов в составе Ходов, Ходов Подуховный, и Ходувек с тем, чтобы вырученные деньги были обращены в процентные бумаги по их обоюдному выбору, внесены в Государственный Банк на хранение и оставались бы в пожизненном пользовании дорогой жены моей, Брониславы Генриховны Ясюкович, а после смерти её перешли в собственность дорогого сына моего Станислава Игнатьевича Ясюковича.

7. Опекуншею над умственно-больными сыновьями моими, Игнатием и Иваном (Яном) назначаю дорогую жену мою, Брониславу Генриховну Ясюкович, а после смерти её – дорогого сына моего, Станислава Игнатьевича Ясюковича.

8. Все ранее сделанные духовные завещания настоящим духовным завещанием отменяю».

Проект духовного завещания был читан завещателю Ясюковичу без присутствия свидетелей, о чём им объявили. После одобрения текста завещания и удостоверения, что Игнатий Игнатьевич по доброй воле желает этот акт совершить и понимает его смысл и значение, текст завещания был внесен в актовую книгу, из которой вновь прочитан Ясюковичу тем же порядком.

«Выпись на гербовом листе в один рубль двадцать пять копеек, следует выдать завещателю, г. Ясюковичу, после смерти которого таковая, в установленный законом годовой срок, должна быть представлена в подлежащий Окружной Суд для утверждения к исполнению». Потомственный дворянин, инженер-технолог Игнатий Игнатьевич Ясюкович /подпись/.

«Выпись эта, слово в слово сходная с подлинным актом, внесена в реестр 1912 года под №9505 и выдана потомственному дворянину, инженер-технологу Игнатию Игнатьевичу Ясюковичу, 1912 года ноября седьмого дня». Нотариус /подпись/ В. Нагурский [74].

КАМЕНСКОЕ: ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Через двадцать-двадцать пять лет после строительства Днепровского завода Каменское в своём развитии как бы распалось на две части: собственно село и ухоженный заводской посёлок с великолепными каменными строениями Верхней и Нижней колоний.

Село Каменское, в основном, сохранило уклад и внешний облик, присущий ему пред возведением Днепровского завода: церковь, хаты-мазанки, отсутствие мостовых, водопровода и освещения, традиционные ярмарки в феврале, мае и сентябре. И всё же оно значительно отличалось от того населённого пункта середины XIX века, основным занятием жителей которого было «хлебопашество, скотоводство и провоз купеческих товаров в разные города».

Крестьянское общество в сравнении с прибывшими сюда разночинцами составляло незначительную часть, а в самом селе размещались всякого рода коммерческо-

промышленные предприятия и многие двухэтажные дома, но часто без всякого благоустройства. В Каменском насчитывалось 298 каменных построек и 3385 смешанных, 4 паровых мельниц, 10 ветряных мельниц, 7 слесарных мастерских, 8 аптекарских магазинов, 2 бани, 6 начальных школ. Извозом занималось 280 человек, торговлей – 725. Местная газета «Отклики жизни» изобиловала объявлениями об открытии новых магазинов и поступлении всевозможных товаров из Москвы и Санкт-Петербурга от ведущих отечественных и зарубежных производителей. Главной улицей сельской части Каменского, безусловно, являлась Церковная – длинная и наиболее заселенная (111 домов). На ней стояла Рождество-Богородичная церковь, в доме №60 находилось сельское училище на 25 учеников, а рядом с нею, в доме №56 располагалась управа. Здесь жили такие именитые в Каменском люди, как сельский староста А. Золотаревский, владелец ресторана Д. Стрегулин и другие [63]. В ведении Каменского сельского управления – местного органа самоуправления – сосредотачивалась значительная сфера влияния подчинённой ему инфраструктуры: сельское училище (заведующая Е. Никитина), земская больница, а главное – земли сельской общины и земли, занятые под места общего пользования.

Еженедельная газета «Русская правда», издававшаяся в Екатеринославе, сообщала в номере от 5 мая 1911 года: «30 апреля в местном земском одноклассном училище были экзамены, прошедшие очень успешно: выдержали выпускной экзамен 14 учеников. Такой большой выпуск в сельских школах наблюдается очень редко: обыкновенно к экзамену представляется три-четыре ученика, из которых выдерживают один-два. В Каменской школе за последние десять лет это второй выпуск в 14 человек. И это не смотря на то, что текущий учебный год был неблагоприятен для занятий осенью, благодаря холере, занятия начались на месяц позже, зимой сильнейшие морозы мешали правильному посещению школы учениками».

Вопрос о строительстве в Каменском земской больницы был инициирован в 1911 году перед Земским собранием уездным земским медицинским Советом. Отмечая факт экономического тяготения окружающих больших сёл к Каменскому, как к своему центру, имея в виду характер населения, во многом подходящий к городскому, с запросами на большую и более совершенную медицинскую помощь, медицинский совет единогласно постановил следующее.

«Основываясь на таких фактах, как количество коренного населения, доходящего до 28 тысяч, большого количества разночинцев, могущего повысить эту цифру до 40 тысяч, имея в виду лечение семейств рабочих, отход к Каменскому участку соседних сёл... ходатайствовать о постройке в Каменском больницы усиленного типа, а именно на 25 коек» [22]. (Журнал Екатеринославского уездного земского медицинского совета. 05.09.1911).

На землях Каменской сельской общины за время, последовавшее после пуска Днепровского завода, были сооружены здания значительной части прибывшего населения, среди которых насчитывалось много разночинцев. Всего число разночинцев в начале 1910-х годов доходило до 24-х тысяч человек, из которых только часть относилась к заводскому населению. Отношения между селянами и новыми землевладельцами формировались на основе аренды, срок которой заканчивался в 1908 году, когда и был инициирован разночинцами процесс придания селу статус городского устройства.

После окончания срока аренды земли, разночинцы-домовладельцы надеялись на возможность её выкупа у сельской общины, ведь арендная плата была достаточно высокой – от 1 до 3 рублей за сажень (всего разночинцы арендовали у местных селян 100 квадратных десятин

земли). Кроме того, каждый арендатор вынужден был платить ежегодный налог в сумме 3-х рублей в пользу сельской общины. Поэтому имущество домовладельцев на арендованной земле считалось движимым, а значит малоценным. Не внёс коррективов и долго ожидаемый закон от 6 ноября 1906 года, который закрепил право на приобретение приусадебных земель исключительно за крестьянами. Ситуацию могло исправить только придание разночинцам права выкупа приусадебных земель, возможное лишь с упразднением сельской общины и введением в селении нового устройства городского типа.

10 мая 1909 года состоялось общее собрание разночинцев-домовладельцев Каменского. Из присутствующих ста человек было избрано семь уполномоченных лиц.

1. Януш Эдуард Богумилович (помощник начальника прокатных отделений Днепровского завода, проживал на Ливаде, дом №2).
2. Ходоровский Пётр Лукич (мастер ремонтного отделения, проживал на Контрольной улице, дом №22).
3. Козловский Станислав Иосифович (мастер котельного отделения, проживал по улице Больничной, дом №1).
4. Крюков Михаил Васильевич (Каменской нотариус, председатель православного Общества пособия бедным, проживал в собственном доме на Гимназическом проспекте, в котором располагалось Коммерческое собрание).
5. Рихтер Эрнест Карлович (корреспондент Днепровского завода, проживал на Контрольной улице, дом № 17).
6. Кириченко Иосиф Маркович (проживал в Кузнечном переулке, дом №4).
7. Пастухов Пётр Никитович (проживал по Старо-Базарной улице, дом №4) [5, 52].

Как видим, большинство уполномоченных лиц работали на Днепровском заводе, где занимали высокие посты. Они направили соответствующее ходатайство в Главное управление по делам местного хозяйства Екатеринославской губернии, изложив мотивы введения в селе городского устройства, которые заключались в следующем. Население Каменского составляет около 40 тысяч жителей, в нём насчитывается более 6000 дворов, две православные церкви, одна римско-католическая, одна староверская, еврейская синагога, кирха, судебный следователь, нотариальная контора, мужская и женская гимназии, почтово-телеграфная контора, банк, две аптеки и так далее [5]. В то же время, не имея городского правления, сельские улицы не ухожены, не замощены, утопают в грязи, отсутствует освещение и пожарная часть (не было даже специальных кранов для спасения густо настроенных домов от часто происходящих пожаров), нет каналов или канав для отвода дождевой воды. Осенью и весной в Каменском обыкновенно бывает довольно солидная грязь. Однако население не прониклось сознанием благоустройства. Вследствие чего, на Заводской, Полицейской, Банной, Смирновской улицах, а также Грязному и Орловскому переулках и других почти на протяжении всего года стоит вода. Некоторые улицы, вследствие отсутствия мостовых, постоянно поднимаются за счёт разного мусора, земли и шлака, которыми засыпаются иногда выше окон, обесценивая таким образом прилегающие к таким улицам дома. Всё разом взятое являет собой настоящий источник эпидемий с большим процентом массовой смертности. Особое место в ходатайстве заняло описание положения прибывших разночинцев в среде местных крестьян.

«Разорвав всякую связь с местом постоянного проживания, поселившись навсегда в Каменском, даже через двадцать лет ощущаем себя иностранцами, ощущая на себе большие притеснения от местных селян».

Днепровский завод предлагал управлению Сельского общества соорудить бетонную стену вдоль берега Днепра для защиты поселения от наводнений во время разлива реки. Тот же завод предлагал устроить бесплатно несколько электрических фонарей и водопроводных кранов, замостить улицы шлаком и прочее. Но Сельское общество всё это отвергало, не желая предоставлять разночинцам какие-либо удобства. Кроме того, Сельское общество в 1910 году категорически отказалось исполнить постановление губернской санитарно-эпидемической комиссии относительно нивелировки улиц для отвода с них стоячей воды и уничтожения болот [21]. Разумеется, такое «благоустройство» не могло удовлетворить нужд культурного населения, к которому относились разночинцы, проживающие в сельской части Каменского. Злободневность проблемы была отмечена губернским начальством перед министром внутренних дел ещё в 1908 – 1911 годах.

Документы, подготовленные разночинцами, были отправлены на рассмотрение Екатеринославского губернатора. 1 ноября 1913 года Екатеринославское Губернское по городским и земским делам Присутствие рассмотрело ходатайство жителей Каменского. Вывод был таков: «Каменское, в связи с особенным торгово-промышленным положением и многими торговыми организациями, с большими ежегодными оборотами, желательно реорганизовать в городское поселение».

Подобно Каменскому, такие же общественные движения происходили и в других промышленных центрах Донецко-Приднепровского района, которые вырастали из узкой одежды сельских поселений и стремились получить статус города. Процесс набирал региональную остроту и мог трансформироваться в законопроект, который при всей своей актуальности не учитывал интересов ещё одной стороны, а именно ЮРДМО.

12 декабря 1913 года в Главную контору Днепровского завода поступило письмо присяжного поверенного Днепровского завода господина Василия Тимофеевича Шерстюкова. В письме сообщалось, что существуют особы и организации, заинтересованные в принятии такого законопроекта по отношению и к иным поселениям (например, Енакиеву, Юзовке), а потому необходимо поспешить с упреждающими действиями [25]. А именно, хлопотать в Главное управление Министерства внутренних дел по делам местного хозяйства. Этот вывод вынудил выразить свою позицию третью заинтересованную сторону – администрацию Днепровского завода ЮРДМО.

Мнение правления ЮРДМО, возглавляемое директором-распорядителем Игнатием Ясюковичем, полностью совпадало с позицией администрации Днепровского завода на построенное в Каменском заводское поселение. Данная территория, с расположенными на ней строениями, рассматривалась не как самостоятельная величина, а как собственность и подчинённый интересам Днепровского завода институт. Практически все новостройки Каменского являлись собственностью Днепровского Общества. Здесь имела право распоряжаться только заводская администрация. Действительно, Днепровский завод был выстроен на собственной земле, и не в селе Каменском, а в Екатеринославском уезде. Введение заводского поселения в границы будущего города было равнозначным наложением на Днепровский завод обязанностей по его удержанию при незначительных субсидиях со стороны населения и Екатеринославского земства. Завод предложил рассмотреть вопрос о способности села содержать городские учреждения вне Днепровского завода, который и так платит огромные налоги. Включение же земель Общества в территорию города было равно возложению на ЮРДМО более 90% городских расходов.

Сообщая 23 декабря 1913 года в Министерство внутренних дел по делам местного хозяйства, Игнатий Ясюкович просил обратить особое внимание на то ненормальное положение, в котором окажется Днепропетровский завод в случае его искусственного объединения с селом Каменским в одну городскую территорию. И. И. Ясюкович, отстаивая интересы Днепропетровского Общества, развеял все надежды включить в границы будущего города заводское поселение. Естественно, что группе разночинцев, даже занимающих видное положение в иерархии Каменского, было невозможно преодолеть в своих намерениях влиятельного Ясюковича и несговорчивых местных крестьян.

А чем объяснялась позиция сельской общины – настоящего собственника земель, на которых разночинцы стремились ввести новое правление? Неужели сельчане не мечтали о мостовых на улицах, фонарях, водопроводе? Без сомнения, все эти блага цивилизации не остались вне их внимания, однако жизненный опыт многих поколений научил довольствоваться малым. Крестьяне не верили, что с введением нового устройства улучшатся условия их жизни. Но главная причина крылась в ином – в угрозе потери земли, основного богатства Сельского Общества Каменского. Поэтому на сельских сходах 1908 и 1909 годов при участии большинства населения идея городского устройства не нашла своих сторонников. В своём решении сельчане сослались на отсутствие свободной земли под улицы и площади будущего города [5].

25-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ

Осенью 1913 года, как в Каменском, так и Кадиевке, отмечалось двадцатипятилетие деятельности Игнатия Игнатьевича Ясюковича на посту руководителя Днепропетровского Общества. Восьмого сентября 1913 года Каменское торжественно, шумно и весело собиралось отпраздновать юбилей Днепропетровского завода и деятельности его директора-распорядителя И. И. Ясюковича. Ещё пятого сентября с курьерским поездом прибыла в Каменское супруга директора-распорядителя ЮРДМО госпожа Бронислава Генриховна Ясюкович.

«Отклики жизни» начали печатать подробную программу празднования, поражающую своим размахом [35]. Программой предусматривался молебен в церкви, собрание в Народной аудитории, исполнение оркестром Русского Народного Гимна, Бельгийского Народного Гимна и Юбилейной увертюры. Далее должно было состояться чтение адресов и приветствий, в том числе от всех служащих Общества (на французском языке), от служащих Правления и Днепропетровского завода, сообщение, что служащими Днепропетровского Общества собран капитал в 120 тысяч рублей для учреждения стипендии имени И. И. Ясюковича.

Программа народного гуляния включала в себя музыку оркестра общества «Эхо» и полёт на воздушном шаре. Сотрудник Каменской газеты писал: «Сегодня в 4 с половиной часа пополудни в парке Народной аудитории совершит полёт на воздушном шаре «Монгольфьер» на высоту в 2 версты знаменитый лётчик Варшавы г. Шиманский, летавший с большим успехом в Гродно, Подольске, Варшаве и др. городах России. Полёт обещает быть очень интересным».

Кроме того, на открытых сценах с 6 – 7 вечера намечалось выступление гимнастов на трапециях, двух босяков-куплетистов, семьи флейтистов из семи человек, музыканта-эксцентрика, фокусника, а также силача-атлета с тяжестями. В 8 – 10 вечера кинематограф

предлагал каменчанам пате-журналь, видовой фильм, драму, комедию. В 10 – 11 вечера гулянья должны были завершиться фейерверком: солнце, фонтаны, ракеты, римские свечи, бураки в бомбе и просто выстрелы. Предполагалось выдать всем рабочим Днепровского завода по два билета для каждого, но не более десяти тысяч билетов. «Неудачникам» заводоуправление компенсировало досаду премией в размере однодневного заработка с процентами.

Давайте окунемся в этот праздничный сентябрьский день и посмотрим на него глазами современников. В этом нам помогут номера местной газеты «Отклики жизни» от 8 и 9 сентября 1913 года [35, 36].

Великолепная погода. Природа как бы сама приветствует нас и хочет праздновать вместе с нами. С самого раннего утра заметно на улице движение празднично убранной публики. Сегодня всё стремится к общему торжеству, и народ сознает это. Он идет в церковь молиться, а потом – праздновать юбилей того человека, который в течение двадцати пяти лет неустанной работы создал такое громадное дело, приютившее вокруг себя тысячное население и, кроме хлеба, постарался обеспечить своих рабочих учебными и просветительными учреждениями, где им дают знание и из детей их готовят честных тружеников на пользу стране и всему человечеству. Звон... и народ с благоговением отправляется в церковь. Около десяти с половиной часов утра православная церковь наполняется членами правления Южно-Русского Днепровского Металлургического Общества, начальствующими лицами, депутатами и почетными гостями. Ровно в одиннадцать часов настоятель церкви протоирей отец Павел Петров встречает на паперти прибывшего юбиляра И. И. Ясюковича.

Молебен закончился многолетием Государю Императору, Государыне Императрице и всему Царствующему Дому, после чего было провозглашено многолетие юбиляру. Из церкви все депутаты и почетные гости во главе с Ясюковичем отправились в Народную аудиторию, где были встречены маршем оркестра общества «Эхо». Депутаты огласили приветственные адреса, первым из которых был прочитан адрес от служащих Днепровского завода и Криворожских рудников:

«Двадцать пять лет прошло с того счастливого для нас момента, когда Вы, глубокоуважаемый юбиляр, взяли в свои руки творческого деятеля, бразды управления обширным делом, которому суждено было сделаться первым гигантом южно-русской промышленности, способным поравняться с лучшими горнозаводскими предприятиями Европы... В течение двадцати пяти лет Вы нам были не только олицетворением власти, но и учителем, не столько наставником, но и отцом. Следя неустанно и неусыпно за соблюдением порядка и правильностью труда на созданном Вами заводе, преследуя неумолимо всё, что нарушало гармонию общих усилий для достижения намеченных Вами целей, Вы стояли всегда на высоте благородного человека, умеющего справедливо относиться к недостаткам подчинённых и оценивать по заслугам честный труд людей. (В этих словах явно прослеживается стремление служащих заглазить вину за свою аморфную позицию событий 1905 года – авт.). Как человек одарённый умением не только управлять людьми, но вдохновлять их в стремлении к полезному и доброму, Вы либо сами создали целый ряд учреждений религиозного и общекультурного характера, либо способствовали возникновению таковых и поощряли полезную инициативу, которая стала проявляться всё чаще и чаще, по мере роста завода и рудников».

От православного прихода:

«Вы неустанно шли навстречу высшим запросам духа Ваших многочисленных служащих и рабочих... Высшим делом проявления этих забот и попечений является устройство Вами Храма во имя Святителя Чудотворца Николая. В сегодняшний многозначительный для Днепроовского завода день здесь собрались представители железного дела, чтобы суммировать плоды Вашей 25-летней благотворной деятельности на пользу отечественной промышленности и отдать Вам справедливую дань».

Депутация от римско-католического прихода в лице ксендза Долонговского, господ Вуйчика, Залесского, Козловского и Турецкого устами своего настоятеля огласила приветственный адрес:

Глубокоуважаемый юбиляр, Игнатий Игнатьевич!

У каждого народа, в каждой стране и семье есть свои торжества и годовщины, посвящённые памяти важнейших событий, которые сливаются с их жизнью. Такой торжественный момент празднует сегодня римско-католический приход в селе Каменском. Двадцать пять лет истекает со времени прибытия сюда, на берега Днепра, в поисках труда, группы католиков. Нашедши под Вашим покровительством, глубокоуважаемый Юбиляр, вместе с другими, работающими под Вашим руководством, материальное благосостояние, она нуждалась еще и в нравственном оплоте. Нанятый общими силами в 1889 году молитвенный дом был слишком тесен. Видя, что эта маленькая часовня оказывается недостаточной, Вы, не взирая на то, что были обременены чрезмерными трудами и хлопотами, не забыли дать этой горсти людей, преданных вере предков, то, что им дорого – храм Божий. Вспомните, как радостно встретили они Вашу инициативу постройки костёла, сколько чувства благодарности вызвали Вы этим в сердцах людей, для которых храм служит хранилищем и источником утешения и силы в тяжелом труде. Благодаря Вам у нас есть храм, который составляет нашу гордость. Примите же, глубокоуважаемый Юбиляр, от здешнего прихода сердечную благодарность и пожелание, дабы Всевышний даровал Вам здоровье для многолетнего труда на пользу человечества и на Славу Божию.

От Общества ревнителей женского образования:

«С первого дня учреждения в селе Каменском Женской гимназии Вы не переставали интересоваться её развитием и в трудные минуты поддерживали её щедрыми пособиями, и только благодаря Вам село Каменское украсилось таким великолепным зданием Женской гимназии».

От Каменского сельского общества:

«На непроходимых оврагах и песчаных сугробах вырос колосс – Днепроовский завод, приобретший всемирную известность. Из маленького бедного села Каменское превратилось в большой торгово-промышленный центр с разнообразными общественными и просветительскими учреждениями. Общество крестьян села Каменского прекрасно понимает, кому оно обязано процветанием и ростом своего родного села».

От Римско-католического общества пособия бедным в селе Каменское:

«В эту торжественную и трогательную минуту, мы, представители Католического общества Пособия бедным в Каменском приветствуем Вас, глубокоуважаемый Юбиляр, как лицо, прославившее имя своим умом, трудолюбием и любовью к ближнему. Основанное при Вас и поддерживаемое Вашей щедротой, наше Общество процветает, дает возможность помогать бедному в нужде, сироте в несчастье, а детей воспитывать в приюте и школе. Пусть эти

учреждения будут для Вас славой, а для нас прочным памятником Вашего сердца, которое способно любить всё возвышенное и доброе».

От рабочих Днепровского завода своему директору-распорядителю:

«Оценку Ваших трудов на пользу родной промышленности и общества Вам сделает история металлургического дела».

.....

Оглашаются приветствия от Евангелическо-Лютеранского прихода, от разночинцев села Каменского, общества «Просвещение», Православного общества пособия бедным, общества «Эхо», Каменской кассы взаимопомощи, от биржевой артели и другие. Растроганный юбиляр благодарил всех депутатов, целуя каждого. И, наконец, обращаясь ко всем присутствующим, взволнованным голосом благодарил всех за добрую память и оказанный почёт, указав при этом, что поставить дело Общества на должную высоту ему удалось только благодаря прекрасному подбору членов Правления, сослуживцев и рабочих, с которыми пришлось работать в течение двадцати пяти лет. В заключении член Правления ЮРДМО В. Кислянский заявил, что Правление Общества в память двадцатипятилетнего юбилея Общества жертвует 250.000 рублей в инвалидный фонд завода. Дружное «ура» и гром аплодисментов покрыли речь Кислянского. Раздались звуки марша и Ясюкович с супругой и членами Правления оставили аудиторию.

Еще долго до начала народного гуляния, но улицы и переулки заполнены народом. Прекрасное впечатление производит Верхняя колония с прилегающими к ней местностями. У зимнего клуба устроен ряд колонн, соединенных электричеством и перевитых живыми цветами. Вся колония тщательно убрана цветами и национальными флагами. Особенно приятное впечатление производят только что законченные постройки площади над бассейном, где изрытая канавами и запруженная подводами площадь обратилась в одно из красивейших мест Верхней колонии. С колонии мы проходим в народный парк при аудитории, который с неимоверной быстротой обратился в какое-то царство цветов и тысяч разноцветных электрических лампочек, проведенных в продолжении всего парка. Если входить в парк со стороны, прилегающей к Свято-Николаевской церкви, входящий от самого входа переносится совершенно в другой мир. Нам приходится пройти длинную арку, которая представляет собой нечто феерическое. Свет лампочек ослепляет зрение, и бесчисленное множество национальных флагов, развешанных и расставленных по всему парку высоко и низко, на минуту так ошеломляют, что не хочется верить, что за этим царством зелени и света существует другой обыденный мир.

Заглянем в Яхт-клуб. Роскошно убрано. Среди зелени и света расставлены столы, приготовленные к обеду. И среди этого царства зелени помещён портрет Юбиляра – виновника торжества. С удовольствием хочется сказать спасибо тем, кто распорядился устроить этот праздник, который надолго не изгладится из памяти народа. Нескончаемые ленты движущегося народа тянутся со всех сторон к одному месту – к парку Народной аудитории. К четырем часам там такая масса публики, что яблоку, кажется, упасть негде. Вот общее внимание привлекает воздушный шар, который быстро растет и вместе с авиатором поднимается высоко в небо. Авиатор, вися в воздухе, грациозно раскачивается. Глаза всех прикованы к шару, который медленно движется по направлению к заводу. Прошло не больше получаса, как шар спустился настолько низко, что авиатор ударился о крышу дома Смирнова, свалился в бессознательном состоянии на землю и шар потащил его по земле. С большим усилием сбежавшиеся освободили его от веревок. Приехавшие из аудитории за авиатором, привели его в чувство и доставили в аудиторию.

К вечеру уже невозможно было выбраться из людского течения. Вот зажглись огни и гуляющим представилась дивная картина. Масса разноцветных лампочек горит в воздухе и между ветвями деревьев, вызывая общий восторг и удивление. Масса света и много удовольствия, а главное – всюду порядок, спокойствие, как будто все прониклись мыслью и самому получить удовольствие и другим не помешать.

Начался съезд в Заводской клуб, и к восьми часам вечера всё помещение клуба представляло дивную картину. Мужчины во фраках, многие при орденах, дамы в великолепных бальных туалетах. Гостей встречает сам юбиляр И. И. Ясюкович с директорами завода. Супругу юбиляра Брониславу Генриховну встречают и подносят букет цветов. Всем дамам также подносят великолепные букеты. В начале десятого часа гости были приглашены к закуске под чудно устроенный перед зданием клуба шатёр, после чего все разместились в зале и прилегающих к нему комнатах за столами, занимая уже заранее распределенные места. В середине, за большим средним столом, стоявшим у сцены, разместились юбиляр господин Ясюкович с супругой и члены Правления Общества, директора заводов, а далее уже все приглашенные. Как только подали шампанское, юбиляр поднялся с места и провозгласил тост за здоровье Его Величества Государя Императора, Государыни Императрицы и наследника Цесаревича. Громкое «ура!» покрыло тост, а оркестр трижды исполнил Русский народный гимн «Боже, Царя Храни».

Далее юбиляр обратился с речью к присутствующим, в которой вспомнил о начале своей деятельности ровно двадцать пять лет тому назад, когда все ещё были молоды, как и само дело. Окинув мысленно прошлое, с грустью вспомнил о товарищах, покинувших завод, так и свет Божий навсегда. Задушевная речь господина И. И. Ясюковича была покрыта долго несмолкающими аплодисментами. Трудно упомянуть все тосты. Но вот просят у юбиляра разрешения доложить телеграммы, полученные со всех концов России и Европы на его имя, которых была уже целая кипа.

«Сегодня, когда вся горнозаводская промышленность России в лице своих представителей официально возлагает на Вас металлургическую корону, позвольте и мне присоединить свой скромный голос к общему торжеству. Эрдели».

От Совета Съездов представителей промышленности и торговли:

«Совет Съездов представителей промышленности и торговли, высоко ценя Ваши заслуги перед всей русской промышленностью и сознавая, что наше учреждение, объединяющее взгляды и стремления торгово-промышленного класса, самым возникновением обязано в значительной степени Вашей инициативе и участию, приветствует Вас ко дню двадцатипятилетнего юбилея и шлёт горячие пожелания дальнейшей блестящей деятельности на многие годы». Председатель Совета Авдаков.

От Бюро уполномоченных Совета Съезда горнопромышленников юга России:

«В день празднования юбилея Вашей двадцатипятилетней деятельности, как главного руководителя первого лучшего горнопромышленного предприятия всей России, которым справедливо гордится наш горнозаводской Юг, Бюро уполномоченных спешит указать и с глубочайшей признательностью отметить Вашу крайне плодотворную деятельность на общее благо южнорусской и горнозаводской промышленности, как энергичного и деятельного уполномоченного Съезда. Вы, Игнатий Игнатьевич, всегда являлись одним из главных и блестящих защитников интересов каменноугольной и металлургической промышленности и

успешно отражали нападки на неё и стремление нанести ей ущерб. Желаем Вам много лет здравствовать и продолжать совместно работать на благо той же промышленности». Авдаков, Эрдели, Калистратов, Карницкий.

От Комитета Русско-Итальянской Торговой Палаты:

«В день празднования двадцатипятилетней годовщины ЮРДМО, совпадающей со знаменательным днём двадцатипятилетнего юбилея Вашего блестящего руководства этим выдающимся предприятием, Русско-Итальянская Торговая Палата приветствует в Вашем лице пионера в деле развития русско-итальянских торговых сношений и с гордостью свидетельствует, что поставленные Днепровским заводом в Италию изделия признаны образцовыми. Да сохранит Господь Ваше здоровье и силы для служения русской промышленности и торговле на долгие, долгие годы».

Кроме того, были получены приветственные телеграммы от Н. Ф. фон-Дитмара, господ Сытина, Щукина, Войкевича, Насветевича, барона Майделя, Каратыгина. От Правлений товарищества Днепровского гвоздильного завода, от Правления Путиловского завода, от Совета Коммерческого Банка в Варшаве, от Совета и Правления Русского для внешней торговли Банка, от Правления Русского Общества машиностроительных заводов Гартмана, от Правления Русско-Бельгийского Общества, от комитета Общества Николаевских заводов и верфей, от Советов представителей русских паровозостроительных заводов и Общества «Продвагон», от Правления акционерного общества «Проволока», от Правления железодельного завода Пушкина, от Правления Московского Акционерного Общества вагоностроительного завода, от Правления Общества для торговли минеральным топливом Донецкого бассейна. От директора харьковского паровозостроительного завода г. Коробко, от служащих Совета Съездов представителей промышленности и торговли [13]. Воистину вся торгово-промышленная и финансовая Россия выражала Игнатию Игнатьевичу Ясюковичу сердечные пожелания и признание его выдающейся роли в современной горнозаводской промышленности.

Обед закончился в двенадцать часов, после чего начались танцы. Ясюкович был в великолепном настроении и сам принял участие в полонезе. Да, это был поистине дивный полонез «старой гвардии» Днепровского Общества, сумевшей в течение двадцати пяти лет высоко держать знамя Южно-Русского Днепровского металлургического Общества.

Еженедельное издание Совета Съезда горнопромышленников Юга России «Горно-Заводское Дело» в №35 (1913 год) отмечало: «...история Днепровского Общества – это история четвертьвековой деятельности Игнатия Игнатьевича Ясюковича. Его энергия просвещённого промышленного деятеля и чуткого человека создала и ту промышленную мощь, какую развивают предприятия Общества, и ту обстановку культурной жизни, какая возникла около руководимого им дела. И вот почему 8 сентября н.г., в день юбилейного празднества на Днепровском заводе, мысль всех друзей промышленности направлена на Игнатия Игнатьевича, чья мысль и воля воплотилась в этих грандиозных промышленных сооружениях и в его культурных учреждениях, которыми он обстроил своё любимое детище» [12].

Местная газета писала: «О каком бы учреждении Каменского вы не заговорили, всюду убедитесь в причастности к нему И. И. Ясюковича. Строилась ли православная церковь, строился ли костёл, кирха, школа, приют, клуб, гимназия – И. И. Ясюкович приходил на помощь и словом, и делом, как человек большого ума, широкого размаха и твёрдой воли. Он

помогал не грошами, а тысячами, а благодаря такой щедрой поддержке всякое дело в Каменском процветало... Именно Ясюковичу Днепровский завод обязан своим развитием и всемирной известностью».

9 сентября 1913 года Игнатий Игнатьевич Ясюкович побывал в детском католическом приюте и костёле Святого Николая. Будучи римо-католиком, И. Ясюкович уважительно относился к представителям других вероисповеданий и не только христианских. 23 сентября Ясюкович вместе с первыми лицами Днепровского Общества посетил вновь построенную синагогу на Василевской улице. Газета «Отклики жизни» в №331 от 24 сентября 1913 года опубликовала статью «Освящение синагоги», посвящённую пребыванию директора-распорядителя ЮРДМО в иудейском молитвенном доме.

ОСВЯЩЕНИЕ СИНАГОГИ

Вчера, 23 сентября, было совершено освящение синагоги, приуроченное еврейским обществом ко дню пребывания у нас в Каменском директора-распорядителя ЮРДМО Статского Советника Игнатия Игнатьевича Ясюковича.

Ещё задолго до начала богослужения синагога уже была переполнена публикой всех национальностей. На ступенях стояли представители местного еврейского общества, а далее гимназисты и гимназистки, дети евреев, выстроились по обе стороны от входа по всему коридору.

Ровно в три часа дня в синагогу прибыл Игнатий Игнатьевич г. Ясюкович в сопровождении директора завода Э. А. г. Сундгрена, вице-директора А. С. г. Макомаского, агента Харьковского агентства И. И. г. Вильга и начальника главного магазина Э. И. г. Лабунского. При входе гости были встречены представителями еврейского Общества, которые и проводили их в синагогу, где были приготовлены кресла. Как только гости заняли свои места, началось богослужение, которое совершал кантор Екатеринославской хоральной синагоги г. Лахман. Пел хор также Екатеринославской хоральной синагоги под управлением г. Марьясина. Великолепный голос кантора и хорошо спевшийся хор произвели на присутствующих очень хорошее впечатление.

Среди богослужения оратор доктор философии г. Брагин произнёс глубокую по смыслу речь «о значении настоящего торжества», закончив следующими словами: «Призовём же в горячей молитве Божие благословение на Венценосную главу Государства Российского Благоверного Государя Императора нашего Николая Александровича и всю Августейшую Семью Его. На государство наше, да процветает оно!

Помолимся о даровании долгой жизни Его Превосходительству Игнатию Игнатьевичу Ясюковичу и пожелаем ему сохранить светлый ум и могучую волю на благо отечественной промышленности вообще и нашего завода в особенности.

Помолимся за непосредственного руководителя нашего завода Эрнеста Альбертовича Сундгрена и пожелаем ему здоровья, бодрости и энергии столь необходимых ему на сем трудном ответственном посту.

Помолимся о благе и благоденствии всех служащих и рабочих честно и с усердием исполняющих свой долг.

Помолимся о всех живущих в нашем посёлке. Мир да царит между нами и да благоденствуют все трудящиеся.

Помолимся о всех тех, трудами и усердием коих воздвигнут сей скромный храм. Всемогуший

Бог да укрепит в них желание придти на помощь нам, дабы мы могли внутри украсить храм наш, как то подобает дому Божьему.

Значение нашего праздника усугубляется тем ещё, что радость нашу разделяют с нами высокочтимые и дорогие гости, исповедующие другие религии: воистину наступают великие времена, предсказанные Израильскими пророками: Мир воцаряется между людьми и братские отношения.

Да вознаградит Вас Господь за добрые дела и благородные чувства и да послужите Вы примером для других. Царство Божие да наступит на земле и да пошлёт Вам Господь многие лета!

Аминь!»

После сего было кантором провозглашено многолетие Его Императорскому Величеству Государю Императору и всей Августейшей семье Его. Хор исполнил Народный Гимн «Боже Царя храни», покрытый дружным «ура», после чего хор ещё раз исполнил народный гимн. Затем было провозглашено многолетие директору-рапорядителю И. И. г. Ясюковичу, Э. А. г. Сундгрёну, А. С. г. Макомаскому, И.И. г. Вильга, Э. И. г. Лабунскому и всем гостям.

По окончании богослужения, депутация от еврейского общества благодарила И. И. Ясюковича за его любезность и за его доброе отношение к еврейскому обществу. В начале пятого часа гости отбыли из синагоги.

ИСТОЧНИКИ УСПЕХА

Варшавский журнал «Техническое обозрение», освещающий вопросы техники и промышленности, в номере от 4 декабря 1913 года посвятил Игнатию Ясюковичу подборку материалов, связанных с 25-летним юбилеем деятельности бессменного руководителя Днепровских предприятий. В статье «Источники успеха» говорилось:

- Из вышесказанного видно, что Игнатий Ясюкович достиг в своей деятельности промышленника необыкновенного успеха. Среди польских промышленников никто не может похвалиться такими результатами. И в том сыграли свою роль разнообразные обстоятельства. Определённую значимость имели, несомненно, благоприятные внешние условия, в которых работал Ясюкович, но главная причина кроется в самом человеке, в его умственных способностях, характере и сердце.

Человек, который создал такую огромную промышленную организацию, должен обладать незаурядными способностями и нестигаемой волей. Это понимает каждый, и потому нет нужды много о том говорить. Вспомним только мимоходом о необыкновенном умении Ясюковича доходить в каждом деле до сути проблемы, точного выбора среди запутанных обстоятельств промышленного процесса наиглавных элементов, а также о просто неправдоподобной лёгкости труда, позволяющей ему без видимых усилий и без спешки улаживать огромное количество дел, связанных с управлением громадного предприятия. Хотелось бы сильнее выделить некоторые черты характера, которые, без малейшего сомнения, составляют главные причины этой прекрасной карьеры, но которые многим людям казались бы скорее помехой, чем защитой в борьбе за существование.

Деятелей промышленности можно поделить на две категории: аферистов и промышленников.

Разница состоит в побудительных мотивах деятельности. Аферистом руководит желание прибыли, конечной целью его труда является получение денег, а сама работа в промышленности – это только необходимость, *malum necessarium* (неизбежное зло – лат.). Такие люди добиваются иногда большого успеха, но промышленности они не создают. Составляют они в экономической жизни элемент, скорее, дезорганизационный. Побудительным же мотивом к труду промышленника является его пристрастие. Как художником в творческом труде руководит, главным образом, роскошь творения, так промышленником в его стараниях по организации труда человека руководит увлечение этого рода деятельности. Он является в определённом смысле художником и вкладывает часть души в своё дело.

В Ясюковиче ничего нет от афериста; он является чистой воды промышленником. Для него главным является фабрика, которой он руководит. В его глазах это организм, вмещающий сам в себе право на жизнь, независимо от полученной прибыли. Техническая и хозяйственная чёткость работы фабрики составляют излюбленный предмет его стараний. Прибыль, дивиденды, курс акций стоят на втором плане; это всё придёт само, если предприятие будет хорошо работать. Потому Ясюковича мало трогало, понравятся ли в финансовых сферах его определённые распоряжения; он всегда делал то, что, по его мнению, могло быть полезным Днепровским предприятиям, как автономной промышленной организации. Это является одной из важнейших причин цветущего состояния Днепровского Общества.

Выдающейся чертой характера Ясюковича является его бескорыстие. Черта эта не возникла у него из приобретённых этических взглядов и не подлежит к разряду сознательной воли, но является чем-то таящимся в самой сути его интеллектуальной и моральной организации. Просто он не умеет смотреть на дела своих предприятий под углом личного интереса. Такая особенность характера, несомненно, в большой степени облегчает Ясюковичу ориентацию среди многих запутанных обстоятельств промышленной жизни, когда его глаза никогда не замутняются жадой прибыли. Эта черта обозначилась особенно импонирующим образом несколько лет тому назад, когда на Юге России господствовала спекулятивная горячка, когда со всего мира, а, особенно, из Бельгии съезжались туда искатели счастья, и плыли капиталы. В то время Днепровское Общество пользовалось в Бельгии огромной известностью, а название «Dnięrovięppe» было у всех на устах. Рассказывали с удивлением о прекрасном развитии Днепровских предприятий и о просто неправдоподобных дивидендах. Это был главный магнит, притягивающий к России бельгийские деньги.

На Юге России спекулятивная лихорадка овладела чуть ли не всеми. Кто только имел какие сбережения – покупал акции новообразованных обществ, рассчитывая через короткое время продать их с большой прибылью. И только главный, хотя и невольный виновник этого движения, с безразличием смотрел на плывущие мимо реки золота. А, собственно, он мог бы из них черпать наиболее обильно, ибо участие его в любом из новых предприятий предрекало тому предприятию успех, что затем было бы оплачено с верхом. Но в моральном чувстве Ясюковича всякое участие в чужом предприятии являлось предательством собственных знамён. Такое бескорыстие давало Ясюковичу полную независимость и огромный авторитет среди акционеров и Правления Общества. Можно было критиковать его распоряжения, но каждый знал о том совершенно, что никто горячее, чем он, не стремится к добру Общества, и что этих стремлений не укрепляют никакие самолюбивые расчёты. Это являлось другим важным источником успеха Ясюковича.

Во времена, когда Ясюкович ещё жил в Каменском и лично руководил Днепровским заводом,

в Екатеринославе и дальних окрестностях рассказывали поразительные истории о его железном правлении и военном порядке, господствующим среди его подчинённых. Слушая эти рассказы, складывалось впечатление, что где-то там, в степях, находится удельное княжество, деспотичный владелец которого не переносит никаких проявлений свободы. Впечатление это ещё увеличивало сам внешний вид Ясюковича. Огромный рост, выразительные черты лица, соблюдение личного естественного авторитета без тени позы указывали, что это человек, который умеет приказывать и который находит послушание. Но нужно было побыть дольше в Каменском и сблизиться с Ясюковичем, чтобы этот односторонний и претенциозный образ приобрёл натуральные пропорции.

Прежде всего, наблюдалось с изумлением, что этот деспотичный властитель очень любит в своих подчинённых самостоятельность и инициативу и не осуществляет в отношении с ними ни тени мелочной опеки или малейшего желания настоять на своём. Потом делалось другое ещё более удивительное открытие. Огромный авторитет, которым пользовался Ясюкович в своей фабрике, являлся в значительной мере следствием определённых, целиком неожиданных обстоятельств. В груди этого железного человека бьётся благородное и доброе сердце, полное не какого-то абстрактного человеколюбия, но доброжелательности по отношению к окружающим его живым людям. Между директором и его подчинёнными существовали неисчислимые нити симпатии, иногда даже невыразительно обрисованные в их сознании и часто невидимые для посторонних, но не менее от того сильные. Это была одна из главных тайн его власти.

Доброе сердце является одной из самых выдающихся черт Ясюковича, отпечатывающей глубокий след на всей его деятельности. Благодаря именно этому Каменское славится, как благосостоянием своих работников, так и прекрасными учреждениями, имеющими целью принести пользу, удобства и развлечения своим жителям. Сам вид колонии служащих и рабочих – весёлых и полных зелени – так непохожих до обычно встречающихся шаблонных фабричных колоний является доказательством, что руководил там человек благородных устремлений.

Кто умеет наблюдать и делать выводы, тот должен прийти к убеждению, что Ясюкович, благодаря этой прекрасной черте, преодолел необычайно трудные условия, создал армию прекрасных работников, воспитал в них корпоративный дух и вдохнул желание победы. Это была одна из главных составляющих успеха, ибо хорошая организация промышленной деятельности в последней инстанции зависит от качества сотрудников.

Каменское лежит на самых дальних границах давней Речи Посполитой, вдалеке от страны, которую считаем Родиной. Однако, несмотря на это, Днепровская фабрика является с точки зрения состава работающих в значительной степени польской. Механизмы прибыли с Пражского предместья Варшавы, а за ними потянулись и люди. Ясюкович, как промышленник, принадлежит Польше не только потому, что является поляком и хорошим гражданином своей страны, но и с точки зрения сферы своей деятельности. Он шёл своей дорогой, но очень жаль, что человек такого уровня работал не в своей стране. С уверенностью можно сказать, что он оказал бы глубокое благотворное влияние на промышленность Отчизны [82].

УХОД ЯСЮКОВИЧА

К сожалению, состояние здоровья директора-распорядителя Днепровского Общества оставляло желать лучшего. В конце концов, тяжёлая болезнь подкосила Игнатия Ясюковича. Екатеринославская газета «Южная заря» в конце января 1914 года известила своих читателей, что в последнее время самочувствие председателя правления ЮРДМО ухудшилось, и он целыми днями оставался в кресле, обложенный грелками. Иногда недуг до того давал знать о себе, что больной целыми ночами громко кричал. В те дни Ясюковичу в Петербурге была сделана операция, после чего он сразу почувствовал себя лучше, о чём телеграммой известили администрацию Днепровского завода. Но облегчение оказалось непродолжительным [61].

Летом 1914 года широкие круги служащих Днепровского Общества получили следующий циркуляр:

«Разрушенное здоровье вынуждает меня оставить пост директора-распорядителя с 1-го июля текущего года. В тяжёлые для меня минуты отречения от руководства делами, которым служил более двадцати пяти лет, ощущаю потребность сердца обратиться к Господу и ко всем моим сотрудникам Днепровских предприятий с прощальным словом и выразить всем Вам мою сердечную и искреннюю благодарность за Ваше соучастие и полную самоотдачу. За Ваш неутомимый и плодотворный труд на пользу дорогого нам всем дела, труд, который для меня был надёжной опорой при исполнении моего трудного задания. Надеюсь, что оставляю в сердцах Ваших такую же искреннюю и сердечную память, каким искренним является моё ощущение благодарности и уважения, с которыми с Вами прощаюсь» [76].

Ещё за несколько месяцев пред тем, когда Игнатий Ясюкович объявил о решении уйти с поста директора-распорядителя ЮРДМО, освобождаемое им место – одно из первых в промышленности всего государства – он предложил польскому промышленнику Тадеушу Поповскому [83]. Однако Т. Поповский не захотел расставаться с Польшей и предложение И. Ясюковича не принял. И (уже после смерти И. И. Ясюковича) пост председателя Комитета по управлению делами Южно-Русского Днепровского Металлургического Общества занял Эрнест Сундгрэн, директор-распорядитель Днепровского завода в Каменском. Весьма знаменательно, что, руководствуясь судьбой ЮРДМО, Игнатий Игнатьевич не сделал попытки оставить своё место сыну, Станиславу Ясюковичу, который с 1913 года жил в Петербурге и входил в члены правления ЮРДМО.

Возможно также, что предложение И. Ясюковича принять должность директора-распорядителя ЮРДМО поляку Т. Поповскому, а не шведу Э. Сундгрэну было связано не с профессиональными или национальными, а личными мотивами. Доверие И. Ясюковича к Э. Сундгрэну колебалось после известного случая с подделкой клейм на Днепровском заводе, которая не могла происходить без ведома директора-распорядителя Эрнеста Сундгрэна. Дело получило широкую огласку, дошло до правительственных сфер, и, надо полагать, только личное вмешательство Ясюковича потушило разгорающийся скандал. Однако в прессу сенсационная информация всё же попала. 7 марта 1913 Екатеринославская газета «Южная заря» опубликовала заметку «Министерство путей сообщения и Каменский завод».

«На страницах нашей газеты уже сообщалось о подделке Каменским заводом казённых клейм на частных и правительственных заказах, благодаря чему никуда не годные, сфабрикованные наспех и из недоброкачественного материала фабрикаты сдавались железным дорогам, адмиралтейству, казённым оружейным и частным заводам. Само собой разумеется, что вся почти тяжесть от этой хитроумной затеи обрушилась на главных заказчиков и клиентов

завода, преимущественно, следовательно, на железные дороги и ведающий ими орган – министерство путей сообщения.

Далее, как уверяют, для раскрытия преступления местной прокуратурой приглашён был в эксперты, как специалист, инспектор по приёму заказов, инженер путей сообщения И. И. Тихонов. Последний, стараясь по возможности добросовестно исполнить свою миссию, предпринял целый ряд поездок «на места» и, собрав уличающий заводоуправление материал, стал приводить его в систематический порядок. Однако в самый решительный момент дело закончилось не менее решительным финалом. Как уверяют, местным окружным судом получена от министерства путей сообщения «бумага», в которой указывается, что г. Тихонов, состоя членом целого ряда приёмочных, проверочных и ревизионных комиссий, и без того перегружен работой. Замечательно, что в тот же день, от того же министерства и такого же характера «бумага» была получена и г. Тихоновым».

Тяжба была замята, скандал потушен, однако Э. Сундгрэн, несмотря на все свои административные и профессиональные достоинства, перестал быть для И. Ясюковича кандидатом номер один на пост председателя правления ЮРДМО.

Харьковская газета «Утро» в номере от 12 июля 1914 года откликнулась на уход И. И. Ясюковича строками заметки: «Вследствие расстроенного здоровья оставил свой пост директор-распорядитель Южно-Русского Днепровского Металлургического Общества Игнатий Игнатьевич Ясюкович. Прослужил в Обществе более двадцати пяти лет. Весьма популярен в горнопромышленном мире Донецкого бассейна. В сентябре 1913 года отпраздновал свой 25-летний юбилей с начала службы».

Вскоре после выхода циркуляра Игнатий Ясюкович оказался уложенным тяжёлой болезнью в постель, с которой уже не встал. Он умер в своём ходовском поместье 26 августа 1914 года.

29-го августа 1914 года в 10 часов утра в деревне Дзержбице Кутновского уезда Варшавской губернии настоятелем местного прихода ксёндзом Будзижевским был составлен акт следующего содержания.

«Явились Юзеф Уминский, тридцати двух лет доктор медицины из города Кутно и Ян Заборовский, тридцати лет инженер из города Варшавы и объявили, что двадцать шестого августа сего года в восемь часов вечера умер в Ходове Игнатий-Андрей (двух имён) Ясюкович шестидесяти семи лет от роду, владелец имения Ходов, родившегося в городе Ковно, сын покойных Игнатия и Боны, урождённой Бялопирович супругов Ясюкович, оставив после себя овдовевшую жену Брониславу, урождённую Лабунская. По наочному удостоверении о кончине Игнатия-Андрея Ясюковича, акт сей присутствующим прочитан, нами и ими подписан» [74].

Похоронили Игнатия-Андрея Ясюковича на местном сельском кладбище под аккомпанемент далёких артиллерийских залпов наступающей на Польшу немецкой армии. Около старинного, сложенного из лиственницы костёла Возвышения Святого Креста, помнящего Польшу до её раздела, был выстроен склеп для членов семьи Ясюковичей. Над открытым гробом говорил Антоний Трочевский, доктор из близлежащего города Кутно, и один из наиболее давних сотрудников Ясюковича – инженер Мечислав Брониковский, который с 1892 по 1905 годы был начальником технической конторы и практически одновременно (1894 – 1904 гг.) возглавлял строительное отделение Днепровского завода. В Варшаве в

костёле Святого Креста старанием местного отдела «Продамета» отправил торжественную службу за упокой души умершего епископ Рушкевич.

Скорбная весть потрясла Каменское. Ещё год назад Ясюкович был здесь, и все казалось незыблемым. Ещё год назад в докладе Правления ЮРДМО общему собранию акционеров, состоявшемуся в Санкт-Петербурге, отмечалось:

«...результаты за истекший операционный год значительно превзошли результаты за все предшествующие операционные периоды, причем наступивший год обещает по всем признакам быть не хуже прошедшего. В виду этого, Правление Общества полагает, что вы, несомненно, разделили то воодушевление, с которым отмечалась недавно праздновавшаяся 25-летняя годовщина пуска в ход Днепровского завода в Каменском, и присоединитесь к тем приветствиям, в которых были отмечены заслуги нашего почетного товарища И. И. Ясюковича по его столь плодотворному 25-летнему управлению делами Общества» [Фонды Народного музея Днепровского металлургического комбината].

Каменская газета «Отклики жизни» в пятницу 29 августа 1914 года сообщала:

«Сегодня, 29 августа, в день погребения тела усопшего дорогого и незабвенного Директора-распорядителя Южно-Русского Днепровского Металлургического Общества Игнатия Игнатьевича Ясюковича, скончавшегося в ночь с 26 на 27 сего августа после тяжелой и продолжительной болезни, на площадке против Главной Конторы будет отслужена панихида в 11 ¹/₂ час. дня».

К одиннадцати часам к православному храму Каменского собралась масса рабочих и служащих в ожидании панихиды по скончавшемуся. Но здесь объявили, что панихиды не будет, так как епископ не разрешил её совершать (очевидно, из-за того, что Ясюкович был католиком, а не православным – авт.). Тогда все, кто находились в церкви и около нее, направились в костёл, где согласно объявлению также должна была состояться панихида.

«Народа собралось столько, что костёл не мог вместить всех, почему многим пришлось стоять во дворе. Около 12 часов полились звуки органа и оркестра и наполнили храм, возвещая о начале панихиды. Собравшаяся масса молящихся как нельзя лучше свидетельствовала об отношении к покойному служащих и рабочих громадного предприятия, которого он был создатель». («Отклики жизни», 30 августа 1914 г.)

Настоятель Каменского католического прихода ксёндз Леонард Долонговский отслужил панихиду по усопшему прихожанину костёла Святого Николая.

Но не только Каменское тяжело переживало невосполнимую утрату. На следующий день после известия о кончине Игнатия Игнатьевича Ясюковича, а именно, 27 августа 1914 года в Харькове состоялось экстренное заседание Совета Съезда горнопромышленников Юга России, на котором было предложено почтить память выдающегося деятеля русской промышленности и послать телеграмму его семье с выражением соболезнования.

В некрологе, напечатанном в журнале «Горно-заводское дело», отмечалось:

«Такие гиганты промышленности, как завод Днепровского Металлургического Общества, имеют не только промышленное, но и социальное и даже государственное значение. Продукты металлургической промышленности дают жизнь и силу всей национальной

промышленности, и непрерывное двадцатипятилетнее существование одного из крупнейших центров металлургической промышленности – Днепровского Общества тесно переплетено с деятельностью главного руководителя его, Игнатия Игнатьевича. Его энергия и широкий творческий размах в деле управления создали ту промышленную мощь, которую развивают предприятия Днепровского Общества и ту обстановку культурной жизни, какая возникла около руководимого им дела.

В качестве талантливого и энергичного руководителя этого крупного металлургического предприятия юга России, Игнатий Игнатьевич много содействовал развитию отечественной каменноугольной, железорудной, марганцевой и машиностроительной промышленности. По просвещённой инициативе и под его руководством была учреждена на Днепровском заводе образцовая школа, где обучается 1800 детей горнорабочих. По его же инициативе были сооружены: православная церковь средствами рабочих и служащих при участии завода, католический костёл, лютеранский молитвенный дом и заводская больница на 30 коек. По инициативе Игнатия Игнатьевича при заводе учреждены: общество потребителей с целью доставлять рабочим и служащим необходимые продукты хорошего качества и по дешёвой цене; заводской клуб, имеющий целью доставить служащим возможность взаимного общения; яхт-клуб общества гребного плавания; народная аудитория с целью доставить рабочим завода место для развлечения и образования; заводской оркестр, на содержание которого завод расходует ежегодно около 15.000 рублей, и библиотека для служащих и рабочих, содержащая 8000 томов книг и журналов.

В течение многих лет Игнатий Игнатьевич был не только олицетворением мудрой и предусмотрительной власти в деле управления гигантским заводом, но и учителем и другом своих подчинённых. Под руководством Игнатия Игнатьевича воспитались несколько сот служащих специалистов, как по технической, так и коммерческой части заводского дела.

В 1903 году Игнатий Игнатьевич принял на себя обязанности директора-распорядителя Днепровского Общества и был избран в члены правления Общества. Независимо от этих обязанностей Игнатий Игнатьевич состоял товарищем председателя Совета Съезда представителей промышленности и торговли, членом Совета Общества для продажи изделий русских металлургических заводов, членом Совета Варшавского Коммерческого банка.

На съездах горнопромышленников юга России Игнатий Игнатьевич Ясюкович впервые принял участие на четырнадцатом Съезде в 1889 году в качестве представителя Южно-Русского Днепровского Металлургического Общества и затем в течение 24 лет был постоянным участником Съездов. Начиная с 1901 года, Игнатий Игнатьевич был избираем ежегодно до конца жизни уполномоченным Съезда в Петрограде; в течение 1900 – 1902 годов был представителем Съезда в Екатеринославском горнозаводском Присутствии; в течение 1904 – 1908 годов был представителем Съезда в Совете Екатеринославского Высшего Горного Училища (ныне Днепропетровский Горный Университет – авт.). В декабре 1912 года на тридцать седьмом Съезде Игнатий Игнатьевич был избран почётным членом Совета Съезда. В качестве уполномоченного Съезда Игнатий Игнатьевич всегда являлся одним из главных и блестящих защитников интересов каменноугольной и металлургической промышленности» [14].

.....

В заседании Совета Съезда 27 августа 1914 года председательствующий, заместитель председателя Совета Съезда А. И. Фенин, указав на выдающуюся роль покойного Игнатия Игнатьевича Ясюковича в горной промышленности, предложил почтить его память и послать

телеграмму его семье с выражением соболезнования.

30 августа в большом зале Съезда горнопромышленников юга России была отслужена панихида по усопшем Игнатии Игнатьевиче Ясюковиче в присутствии председателя Совета Съезда Николая Фёдоровича фон-Дитмара, членов Совета Съезда, председателя Харьковского Горнозаводского Комитета В. А. Гаевского, представителей горнопромышленных предприятий юга России, служащих Совета Съезда, родственников и почитателей покойного. В заседании Совета Съезда 30 августа, после речи Председателя Совета Съезда Н. Ф. фон-Дитмара, было постановлено возложить венок на могилу Игнатия Игнатьевича и доложить предстоящему XXXIX Съезду горнопромышленников юга России об увековечении его памяти.

Советом Съезда 30 августа были посланы телеграммы следующего содержания:

Кутно Варшавской губернии, Брониславе Генриховне Ясюкович
Совет Съезда горнопромышленников юга России присоединяется к безмерному горю Вашему и Вашего семейства по случаю безвременной кончины почётного члена Совета Съезда Игнатия Игнатьевича Ясюковича, незаменимого деятеля русской промышленности, талантливого руководителя одного из крупнейших промышленных предприятий, ставшего культурным центром местного района, человека высоких душевных качеств, любимого всеми сочлена Совета Съезда. Совет Съезда, выслушав доклад Председателя Совета о кончине Игнатия Игнатьевича Ясюковича, постановил выразить Вам соболезнование, возложить венок на его могилу и доложить предстоящему Съезду горнопромышленников юга России об увековечении его памяти.

Председатель Совета Съезда горнопромышленников юга России фон-Дитмар

.....

Петроград, Правлению Южнорусского Днепровского Металлургического Общества
Совет Съезда горнопромышленников юга России в сегодняшнем заседании, выслушав доклад Председателя Совета о кончине директора-распорядителя Южнорусского Днепровского Металлургического Общества Игнатия Игнатьевича Ясюковича и почтив память его, постановил выразить Правлению Общества глубокое соболезнование по случаю незаменимой утраты Обществом и всею горною промышленностью в лице усопшего талантливого и несравненного руководителя одного из крупнейших промышленных предприятий России. В лице покойного Игнатия Игнатьевича Совет Съезда горнопромышленников юга России понёс тяжёлую и горестную утрату высокополезного деятеля, многолетнего сотрудника в качестве уполномоченного Съезда, прекрасного человека и любимого всеми сочлена Совета Съезда.

Председатель Совета Съезда горнопромышленников юга России фон-Дитмар [14]

.....

Некрологи и соболезнования, посвящённые уходу из жизни Игнатия Игнатьевича Ясюковича, были опубликованы во многих газетах и журналах того времени. Приведём некоторые из них с большими сокращениями.

«26 августа после продолжительной и тяжкой болезни скончался в своём имении Ходов инженер-технолог Игнатий Игнатьевич Ясюкович, о чём извещает родных и знакомых убитая горем семья покойного. Похороны состоятся в пятницу 29 августа в имении Ходов, Варшавской губернии». (Газета «Новое время» (Петроград). 28 августа 1914 года).

«Правление Южно-Русского Днепровского Metallургического Общества с глубокой скорбью извещает о кончине незабвенного долголетнего члена Правления и директора-распорядителя инженер-технолога Игнатия Игнатьевича Ясюковича, последовавшей 26 августа после продолжительной и тяжелой болезни в имении Ходов Варшавской губернии. Заупокойное богослужение состоится в пятницу 29 августа в костёле св. Екатерины (Невский, 32) в 11 часов утра». («Новое время». 28 августа 1914 года).

«Служащие Правления Южно-Русского Днепровского Metallургического Общества с глубокой скорбью извещают о кончине горячо любимого незабвенного долголетнего директора-распорядителя Общества Игнатия Игнатьевича Ясюковича, последовавшей 26 августа после продолжительной и тяжелой болезни в имении Ходов Варшавской губернии. Заупокойное богослужение состоится в пятницу 29 августа в костёле св. Екатерины (Невский, 32) в 11 часов утра». («Новое время». 28 августа 1914 года).

«Совет Съездов Представителей Промышленности и Торговли извещают о кончине горячо любимого Товарища Председателя Съезда Игнатия Игнатьевича Ясюковича. В пятницу, 29 августа в 3 с половиною часов дня в помещении Совета (Литейный, 46) будет отслужена панихида». («Новое время». 28 августа 1914 года).

«Уполномоченные XXXVIII Съезда горнопромышленников юга России с глубоким прискорбием извещают о кончине 26 сего августа уполномоченного XXXVIII Съезда, почётного члена Совета Съезда горнопромышленников юга России инженер-технолога Игнатия Игнатьевича Ясюковича». («Новое время». 28 августа 1914 года).

«Совет Съезда горнопромышленников юга России с глубоким прискорбием извещают о кончине 26 сего августа почётного члена Совета Съезда, Уполномоченного XXXVIII Съезда горнопромышленников юга России инженер-технолога Игнатия Игнатьевича Ясюковича».

«Совет и Управление Общества для продажи изделий Русских Metallургических Заводов с глубоким горем извещают о кончине члена Совета Общества, незабвенного Игнатия Игнатьевича Ясюковича, последовавшей после продолжительной и тяжелой болезни 26 сего августа в имении Ходов Варшавской губернии. Панихиды по усопшем будут отслужены: 28 августа в 3 часа дня помещении Совета Общества (Гороховая, 15) и 29 августа в 11 часов дня в римско-католической церкви Св. Екатерины (Невский, 32)». («Новое время». 28 августа 1914 года).

«Телеграф принес тяжелую весть о кончине 26 августа 1914 года человека выдающихся способностей, огромной известности и больших гражданских заслуг Игнатия Игнатьевича Ясюковича. Имя и дело его будет жить вечно в благодарной памяти соотечественников как щедрого филантропа, всегда спешащего на помощь и полного несказанного, невыразимого почтения к людям». (Газета «Курьер Литовский». 28 августа 1914 года).

«Памяти И. И. Ясюковича. Высоко ценил людей тяжелого труда и заботился об их духовных нуждах, всемерно содействовал устройению внезаводской жизни: лично руководил постройкой православной церкви и католического костёла в Каменском. Способствовал возникновению библиотек, школ, курсов для рабочих, клубов для служащих гребного плавания и гимнастики, построил мужскую классическую и женскую гимназии в Каменском, заводские и рудничные начальные училища, горное училище, громадную народную аудиторию для рабочих, приспособленную под театр. Приюты для сирот детей рабочих,

богато оборудованную больницу. Образцовые колонии для служащих и рабочих, бани для рабочих. Для детей рабочих несколько десятков стипендий в средних и высших учебных заведениях, организовал потребительскую кооперацию с собственными хлебопекарнями и т.п. производственными отделами. Поощрял всякую общественную самостоятельность своих подчинённых». (Харьковская газета «Утро» 29 августа 1914).

«Совет Общества для торговли минеральным топливом Донецкого района с глубоким прискорбием извещает о последовавшей 26 сего августа кончине члена Совета Общества, инженер-технолога Игнатия Игнатьевича Ясюковича». («Новое время», пятница 29 августа 1914 года).

«С 1903 г. жил в Санкт-Петербурге. Награждён бельгийским орденом Леопольда I степени. Днепропетровский завод его детище. Из маленького завода Варшавского сталелитейного Общества, переведённого в 80-х годах из Варшавы в Каменское, создал завод-колосс, дающий работу 20 тысячам рабочим и выплавляя пятую часть чугуна на Юге России». («Утро» 2 сентября 1914).

«Был умный, серьёзный с огромными познаниями человек, притом живой отзывчивый и практичный». Некролог подписан Е. М. Бабецким. (Харьковская газета «Южный край» 3 сентября 1914 года).

«Ясюкович Игнатий Игнатьевич. Скончался в имении около Кутно (Польша) в возрасте 67 лет. Награждён орденом Святого Владимира 4 степени и Большим Офицерским Крестом Короля Леопольда II Бельгийского за заслуги на поприще промышленности». («Южный Край» 7 сентября 1914).

Через девять дней после кончины Игнатия Игнатьевича Ясюковича в Харьковском костёле должна быть отправлена траурная месса, о чём предварительно уведомляла газета «Утро» в номере от 3 сентября 1914 года.

СУДЕБНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

1914 года Октября 18/25 дня. По Указу Его Императорского Величества. Петроградский Окружной Суд, в 7 Отделении, в следующем составе: г-н председательствующий Н. Г. Штейнберг, г-да члены суда: В. Б. Зегарт, А. В. Недзвецкий. При помощнике секретаря А. Л. Солодком. Слушал: дело об утверждении к исполнению духовного завещания Игнатия Игнатьевича Ясюкович. Поверенный дворянина Станислава Игнатьевича Ясюковича – присяжный поверенный Габриель Леонович Калвайц в прошении, поданном в окружной суд 3 октября 1914 года, просит утвердить к исполнению духовное завещание инженер-технолога Игнатия Игнатьевича Ясюковича.

Следует удостоверение нотариуса о порядке совершения акта и подписи: завещателя потомственного дворянина инженер-технолога Игнатия Игнатьевича Ясюковича, свидетелей крестьянина Дмитрия Иванова Рыжова, крестьянина Евсея Петрова Петрова, крестьянина Андрея Дмитриева Дмитриева и СПб нотариуса В. Нагурского.

Рассмотрев настоящее дело и принимая во внимание:

1) что смерть завещателя Игнатия Ясюковича последовала 26 августа 1914 года, как это

удостоверяется представленным к делу метрическою выписью из книги прихода Здержбице Варшавской губернии Кутновского уезда,

- 2) что завешание Ясюковича поступило в Окружной суд 4-го Октября 1914 года, следовательно, до истечения годового срока со дня смерти завещателя,
- 3) что из завешания этого, составленного без нарушения установленных в законе форм, не видно, чтобы завещатель не имел права завещать, или чтобы лица, в пользу которых сделаны завещательные распоряжения, были не способны к принятию завещанного;
- 4) что спора против настоящего завешания, в установленном порядке предъявленного, в виду Суда не имеется;
- 5) что за сим к утверждению этого завешания к исполнению препятствий не встречается;
- 6) что наследственное имущество заключается в земле в уезде, переходящей в пожизненное владение к вдове завещателя и в собственность к его сыну, а потому не подлежащей обложению пошлиной, в наличных деньгах и в процентных бумагах по табели на 2-е полугодие 1914 года и по заявлению на сумму 727.005 рублей 71 копейка, из которых 92.000 рублей завещано вдове покойного, Брониславе Генриховне Ясюкович, 635.005 рублей 71 копейка сыну завещателя Станиславу Игнатьевичу Ясюкович. При чём из них 385.075 рублей 75 копеек завещано в пожизненное пользование Брониславе Генриховне Ясюкович, и из последней суммы 150.000 рублей сыну завещателя Игнатию Игнатьевичу Ясюкович, 100.000 рублей в пожизненное пользование сыну завещателя Ивану (Яну) Игнатьевичу Ясюкович, по смерти Брониславы Ясюкович.

Петроградский Окружной Суд определяет: нотариальное духовное завешание умершего 26 августа 1914 года потомственного дворянина инженер-технолога Игнатия Игнатьевича Ясюковича, совершённое 7 ноября 1912 года утвердить к исполнению.

1914 года ноября первого дня настоящее духовное завешание выдано поверенному Станиславу Игнатьевичу Ясюковича – Присяжному поверенному Габриелю Леоновичу Калвайц.

1914 года ноября 1 дня учинена сия надпись в том, что дополнительным определением суда по сему делу от 1 ноября 1914 года постановлено: в обеспечение исчисленной определением сего суда по настоящему делу от 18-25 октября 1914 года наследственной пошлины, подлежащей уплате Станиславом Ясюковичем:

- 1) В сумме 2026, 15 руб. по прекращении пожизненного владения Брониславы Ясюкович.
- 2) В сумме 2250 руб. по прекращении пожизненного владения Игнатия Ясюковича.
- 3) В сумме 1500 руб. по прекращении пожизненного владения Ивана Ясюковича наложить в сумме 5776, 15 руб. арест на 4,5 % закладные листы Земского Кредитного Общества в Царстве Польском на нарицательную сумму 6600 рублей из числа процентных бумаг завещателя Игнатия Игнатьевича Ясюковича, хранящихся в Петроградском Отделении Коммерческого Банка в Варшаве [74].

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«...и к злодеям причтён»

Среди предпринимателей и общественных деятелей, современников Ясюковича, были и недружелюбные к нему люди. Тот высочайший уровень, который в тяжёлых условиях заняли Днепровские предприятия, вызывали зависть в людях малодушных. Некоторые польские деятели утверждали, что Игнатий Ясюкович проявил себя именно как российский предприниматель на почве чуждой своей Отчизне, поэтому его трудно даже причислить к польским промышленникам.

Другие придерживались прямо противоположного мнения. К таким принадлежал недоброжелатель Ясюковича Алексей Алчевский, владелец многих шахт и основатель Донец-Юрьевского завода, выдающийся промышленник, широко известный на юге России. Он демонстрировал ярко выраженную неприязнь к Ясюковичу-поляку, усиливаемую окружающими его подхалимами, которая неоднократно проявлялась в столкновениях на заседаниях Совета Съездов. Как-то Алчевский решился на рискованное начинание, но министерство финансов закрыло ему кредит, который мог спасти от банкротства его предприятия. После решающего в том деле разговора с министром финансов С. Ю. Витте, происшедшем в 1901 году, Алчевский решил покончить жизнь самоубийством и бросился под поезд. Его вытащили из-под колёс с отрезанными ногами и поместили в больницу. Игнатий Игнатьевич Ясюкович, забыв сразу оскорбления, поспешил проведать Алексея Николаевича Алчевского как близкого друга и выразил тому своё сердечное сочувствие [76].

Отношение же Ясюковича к коллегам-промышленникам было всегда корректным и уважительным. Если его просили, охотно давал советы: Игнатий Игнатьевич Ясюкович повсеместно являлся наивысшим авторитетом в области металлургической индустрии. Я. Войцеховскому рассказывал директор-распорядитель Николаевских предприятий С. Каннегиссер, как он пару раз приезжал в Каменское, чтобы узнать мнение Игнатия Игнатьевича в определённых запутанных вопросах фабричного администрирования. Ясюкович без раздумий давал такие ясные и дельные консультации, что Каннегиссер воскликнул: «Какой же я дурень, что сам не мог до этого додуматься!»

В черносотенной Екатеринославской газете «Русская правда» в июле 1912 года появилась статья некоего А. Эля «Наша южная горнопромышленность». Автор посмотрел на вопрос развития горной промышленности с «патриотической» точки зрения.

«С 1885 года наш юг начинает буквально «объиностраниваться». Екатерининская дорога обратилась в какую-то иностранную дорогу: в вагонах и на станциях слышны были различные иностранные говоры; каждый поезд привозил чужеземцев, устремляющихся на русские богатства и русские предприятия. Русская горная и заводская промышленность юга на глазах стала обращаться в иностранную, совершенно изменяя физиономию свою. Первым крупным иностранным предприятием на юге было акционерное «Южно-Русское Днепровское металлургическое общество» с основным капиталом в пять миллионов рублей, не считая большого облигационного капитала. Во главе общества стали Рау и Кокериль. Ещё до разрешения ему операций в России общество начало уже скупать в Екатеринославской губернии земли, арендовать рудники и копи и так далее.

В 1889 году общество открыло на берегу Днепра громадный металлургический завод в селе Каменском, дела которого сразу пошли блистательно. Уже на третий год действия (1891) завод дал 10% чистой прибыли, в 1893 году – 20%, а в 1897 году на акции общества был выдан дивиденд в 40%! Такой колоссальный успех первого предприятия явился, конечно, великим соблазном для иностранных капиталистов», – делал желчный вывод господин Эль.

Как бы полемизируя с господином Элем, журнал «Промышленность и Торговля» опубликовал статью под названием «Что дают России иностранные капиталы?» В частности, в ней говорилось:

«Иностранные капиталы несут с собою высокоразвитую технику. Казна, земство, железные дороги, рабочие получают в общей сложности суммы, ради которых можно примириться с уходом дивиденда за границу, явлением, по существу временным. Когда печать или общественные круги говорят о нашей промышленности, они не могут не упомянуть о её «технической отсталости». «Засилье» же иностранного капитала – давнишняя и излюбленная тема для наших публицистов. 25-летнее руководство И. И. Ясюковича Южно-Русским Днепровским Металлургическим Обществом является юбилеем и для этого основанного иностранными капиталами предприятия. На примере последнего можно показать, сколько правды заключается в большинстве суждений об иностранных капиталах в нашей промышленности.

Днепровский завод названного Общества с самого своего основания в 1887 году всегда был в числе наилучше оборудованных заводов Юга России. Несмотря на это, с введением на Западе каких-либо новых технических усовершенствований, завод вновь переоборудовался, повышая каждый раз свою производительность, хотя это и стоило больших жертв. Таким образом, Днепровский завод всегда представлял собой последнее слово техники.

Ещё интереснее 25-летние итоги существования Южно-Русского Днепровского Металлургического Общества, если распределить выплаченные им за это время суммы по группам юридических и физических лиц, в пользу которых эти платежи исполнены.

Промысловый налог за служащих: 258.707 руб.

Государственный промысловый налог с прибыли: 4.274.648 руб.

Гербовые и актовые сборы: 1.118.897 руб.

Земские сборы: 4.320.728 руб.

Жалование рабочим всех рудников и заводов: 90.784.486 руб.

Жалование, награды и премии служащим всех рудников и заводов: 21.689.346.

Дивиденд в пользу хозяев предприятия: 34.090.000 руб.

Страхование служащих от несчастных случаев и нападений: 272.287 руб.

Вознаграждения увечным и больным рабочим: 1.872.919 руб.

Содержание больниц: 2.448.458 руб.

Содержание училищ: 673.521 руб.

Содержание аудиторией для рабочих: 71.756 руб.

Содержание бань: 62.946 руб.

Содержание церковных причтов: 105.515 руб.

Содержание жилых домов для служащих и рабочих: 4.251.433 руб.

Расходы на благотворительные цели: 136.471 руб.

Оказывается, что рабочим, не считая расходов на содержание жилых домов и на разного рода культурно-просветительные учреждения, выплачено 90,8 миллионов рублей, служащим – 21,7 миллионов рублей. Крупные суммы получили и казна: 6,5 миллионов рублей всякого рода налогов и пошлин. Наконец, земство, не отстающее от государства в деле обложения, получило с завода за это время 4,3 миллиона рублей. В итоге, за эти 25 лет, благодаря созданным Обществом ценностям, в оборот пущено не менее 200 миллионов рублей. На самом деле значительно больше, так как лишь за последние 10 лет завод пользуется своим основным сырьём. Часть же его (например, лесные материалы) он должен покупать и теперь. Из этих сотен миллионов 34 миллиона ушло за границу в виде дивиденда.

Печальники народные плачут о покидающих страну десятках миллионов рублей и не хотят знать об остающихся в ней сотнях. Забывается, конечно, и о том, что за последнее время наблюдается значительный приток русских бумаг, обращавшихся за границей. Привыкнет публика держать сбережения свои не в сберегательной кассе, и число таких вернувшихся в Россию бумаг возрастёт. Не только не следует бояться у нас иностранного капитала, но надо признать: побольше бы таких предприятий, как созданное на иностранные капиталы Южно-Русское Днепропольское Металлургическое Общество» [88].

Известный русский металлург Михаил Павлов в своей книге «Воспоминания инженера» (М. 1945 г.) писал, что «не стремился ни сам бывать на Днепропольском заводе, ни посылать туда практикантов, так как на этом заводе, как это было всем известно, к русским относились совершенно нетерпимо. Игнатий Игнатьевич Ясюкович, в течение десятков лет руководя заводом, не принял туда ни одного русского инженера...»

Да, Игнатий Ясюкович был несомненным польским патриотом. Патриотизм его являлся активным по природе, подкреплённый истинным гражданским мужеством. В условиях имперской политики, направленной на русификацию Царства Польского, очевидная и настойчивая поддержка поляков на промышленных предприятиях, зависимых от Ясюковича, свидетельствует о его большом жертвенном патриотизме. Везде, то ли на Невской фабрике, то ли Путиловском заводе, или, в конце концов, на посту директора-распорядителя Днепропольского Общества, Игнатий Ясюкович окружал себя, прежде всего, соотечественниками. Как много польских интеллигентов обязаны своим бытом Днепропольскому Обществу, работая здесь на высших должностях! И. И. Ясюкович исходил из справедливой предпосылки, что раз царское правительство затрудняет, а зачастую закрывает полякам доступ к общественным постам, кадровую польскую интеллигенцию следует направить в промышленность. Эта выразительная тенденция поддержки, прежде всего поляков, решительно порицалась современными правительственными кругами и неоднократно ухудшала положение самого Ясюковича. Однако он не обращал на это внимание и постоянно проводил свою линию в жизнь.

Не только русские громко роптали, что Ясюкович «строит в Запорожье Польшу». Не по вкусу это было разным бельгийцам и французам, лишённых всех постов, но имеющих контакт с главными финансистами, от которых зависело предприятие. Когда другие, основанные на иностранных капиталах, промышленные предприятия России роились англичанами, бельгийцами, французами, немцами, евреями на всех хорошо оплачиваемых должностях – Днепропольское Общество, в основном принадлежащее бельгийским акционерам, не имело в своём составе высших служащих-иностранцев. Исключение составил выдающийся сталелитейщик швед финского происхождения Эрнест Альбертович Сундгрэн.

И всё же утверждение М. Павлова о том, что «Игнатий Игнатьевич Ясюкович, в течение десятков лет руководя заводом, не принял туда ни одного русского инженера» не является корректным. Разумеется, на Днепровском заводе в Каменском работали инженеры русской национальности, в том числе среди ближайших сотрудников Игнатия Ясюковича. Тот громадный авторитет, который заслужил И. И. Ясюкович в среде российских промышленников и министерских кругах, был невозможен, когда бы директор-распорядитель Днепровского Общества выставлял напоказ своё польское происхождение и высокомерно относился к русским коллегам – предпринимателям и финансистам.

В уже неоднократно упоминавшейся книге «Описание Днепровского завода» приведен список фамилий бывших и нынешних (на то время) ближайших сотрудников И. И. Ясюковича. Среди них Г. О. Онуфриев (начальник технической конторы в 1890 – 1892 годах, начальник котельной и кузнечной мастерских в 1897 – 1906 годах), а также И. В. Монахов (начальник жилых помещений с 1888 по 1903 годы).

В «Списке служащих завода Днепровского Metallургического общества» за 1909 год не единожды упоминаются служащие и мастера русской национальности: Иван Михайлович Смирнов (счетовод), Михаил Петрович Васильев (конторщик), Афанасий Степанович Тимченко (старший счетовод), Яков Акимович Саченко (начальник железнодорожной станции), Михаил Иванович Семашко (начальник и доверенный Общества), Михаил Андреевич Цветлов (мастер), Александр Васильевич Поляков (мастер), Николай Петрович Попов (мастер сталелитейного отделения), Николай Павлович Карнаев (мастер котельного отделения), Яков Фёдорович Коньков (мастер механического отделения) и другие. И это естественно. «Среднее звено» Днепровского завода, где трудились тысячи русских и украинских рабочих, не могло обойтись без руководителей, выходцев из этих народов.

Совершенно иные формы и содержание приняла критика И. И. Ясюковича в годы советской власти. Современники Ясюковича, неодобрительно отзывавшиеся о директоре-распорядителе Днепровского Общества, приводили в качестве аргументов личностно-субъективные характеристики Игнатия Игнатьевича, основанные на непонимании, зависти или национальном шовинизме: нетерпим к русским инженерам (либо, наоборот, не может называться польским деятелем), строит в Запорожье Польшу, не считается с чужим мнением и так далее. Им и в голову не приходило передёргивать факты и направлять острие критики на профессиональные качества Игнатия Игнатьевича, на его детище Днепровский завод или положение рабочих и служащих завода. Созданное Ясюковичем предприятие говорило само за себя, «столица» же южной металлургии Каменское служило для промышленных и финансовых групп примером налаженного быта и удовлетворения культурных и духовных потребностей его жителей. Что же вменялось в вину И. И. Ясюковичу как «польскому капиталисту» в последующие за большевистским переворотом годы? Приведём несколько основных примеров таких обвинений и попытаемся получить на них ответ.

ОБРАЗОВАНИЕ

«В заводском музее есть красноречивый документ, свидетельствующий о «просветительской» деятельности владельцев завода. В 1893 году в Каменском открыли двухклассное училище. В него сразу же потянулись дети рабочих – поступило 225 ребятшек. Но «полный курс» не окончил ни один. Задавленные тяжёлой нуждой, родители посылали детей на завод, где им приходилось нередко трудиться наравне с взрослыми,

выполнять непосильную работу» [7]. (В. Попруга, П. Каракаш, В. Базарянинов. «Вехи столетней истории». Днепропетровск. Издательство «Проминь». 1989)

Но вот как изображает заводское училище книга «Описание Днепровского завода»: «Заводское двухклассное училище с шестилетним курсом, открыто 26 сентября 1893 года для детей обоего пола рабочих и служащих, может считаться во многих отношениях образцом подобного рода учреждений. Сначала помещалось в одноэтажном здании со средней двухэтажной частью, с шестью классными комнатами, одной учительской и одним кабинетом для наглядных пособий, библиотекой и запасной комнатой. Здание это расположено на возвышенном и открытом со стороны Днепра месте; имеет сад для прогулки и большой двор, удобный для игр и гимнастики на открытом воздухе. Число учащихся возрастало так сильно, что в 1898 году здание пришлось увеличить надстройкой второго этажа над двумя одноэтажными флигелями. Несмотря на это уже в 1902/3 году учащиеся и учителя были разделены на две смены. Классные комнаты расположены вдоль светлых широких коридоров (шириной 3,8 метра). На одного учащегося приходится 6 куб. м. воздуха.

Несмотря на такую перестройку, здание оказалось тесным, и в нынешнем (то есть, 1906) году увеличивается двумя крыльцами, в которых поместится шесть классов, рисовальный зал со складом пособий и шесть помещений для служителей, кроме коридоров и раздевален. Чертёжный зал в этой новой пристройке будет служить по вечерам для занятий с рабочими, для которых в текущем году открываются курсы».

Из приведенной после текста таблицы видно, что в 1893/94 учебном году в училище действительно поступили 225 ребятишек, из которых в том году воистину никто не окончил «полный курс». И это естественно, ведь полный курс заводского училища длился шесть лет! В 1905/6 учебном году в училище насчитывалось уже 1095 детей, в 1915/16 году – 1361 ребёнок, причём юноши-ученики имели право на льготу по воинской повинности. Учёба в заводском училище была бесплатной, а содержалось училище за счёт средств Днепровского Общества. В первый год начала занятий расходы по содержанию училища составили 8 тысяч 723 рубля, а к 1904/05 учебному году выросли до 22-х тысяч 149 рублей. Оплата труда преподавательского состава также осуществлялась из фондов Каменского завода.

По поводу вечерних курсов для рабочих: в 1911 – 1912 учебном году количество взрослых учащихся составило 220 человек, а в 1916 – 1917 уже более тысячи. Преподавание велось по следующим дисциплинам: русский язык, арифметика и алгебра, физика, технология, механика и черчение. По специальной просьбе слушателей в 1912 году начались занятия по немецкому языку. Кроме того, по воскресеньям читались общеобразовательные лекции по физике, языковедению и гигиене. Преподавателями специальных предметов состояли инженеры завода, остальные дисциплины находились в ведении педагогов заводского училища. В числе обучающихся на курсах насчитывалось 33 женщины – родственницы рабочих – они образовали отдельную группу и занимались по русскому языку, арифметике и алгебре. Начиная с 1916 года, Заводуправление, ощущая острую потребность в подготовленном техническом персонале, и принимая во внимание большое стремление рабочих к знаниям, поставило вопрос об открытии в Каменском по немецкому образцу «Специального металлургического техникума». Однако революция и гражданская война помешали осуществиться этим планам.

Следует добавить, что строились не исключительно начальные школы и училища. В Каменском были открыты восьмиклассная мужская гимназия и семиклассная (с

дополнительным восьмым классом) женская гимназии, выпускники которых получали среднее образование. Преподавательский персонал этих учебных заведений преимущественно содержался из фондов Днепровского Общества. Поддерживалось развитие спорта и физического воспитания. В Каменском открыт яхт-клуб, секции тенниса, футбола – и не только в «столице» Днепровского Общества, но и на шахтах и т.д. Всё это щедро субсидировалось Днепровским Обществом.

Что же касается того, что «задавленные тяжёлой нуждой, родители посылали детей на завод, где им приходилось нередко трудиться наравне с взрослыми, выполнять непосильную работу», здесь необходимо отметить следующее. Детский труд на Днепровском заводе, как и во всей царской России, не был чем-то необычным. С раннего возраста ребёнок приобщался к порядку и труду, работая на заводе и принося в дом заработанные честным трудом деньги: вначале мальчиком на побегушках, затем учеником по своей будущей специальности (но никак не «наравне с взрослыми»). Именно из этих детей вырастали впоследствии кадровые, то есть, профессиональные, квалифицированные рабочие – золотой фонд Днепровского завода. Одновременно детский труд не являлся позорным явлением, на которое администрация в погоне за сверхприбылью якобы стыдливо закрывала глаза. Об этом свидетельствуют многочисленные фотографии трудовых коллективов различных отделений Днепровского завода, на которых рядом с мастерами и рабочими гордо восседают в первом ряду мальчики на побегушках и ученики.

Однако необходимо признать, что на таком насыщенном агрегатами предприятии, каким являлся Днепровский завод, дети в силу их непоседливости и бесшабашности, подвергались особой опасности получения травмы.

ОХРАНА ТРУДА И ТРАВМАТИЗМ НА ДНЕПРОВСКОМ ЗАВОДЕ

Как уже неоднократно указывалось выше, Днепровский завод с самого начала проектировался как первоклассное предприятие, оснащённое новейшими агрегатами. Тенденция к внедрению передовых технологий и замены устаревшего оборудования современным сохранялась на протяжении всего дореволюционного периода истории Каменского завода. Однако нелепо было бы утверждать, что труд на Днепровском заводе являлся лёгким и необременительным. Металлургическая и горнодобывающая отрасли являются одними из самых травмоопасных во всей промышленности. На этой почве существует множество непонимания и откровенных спекуляций, касающихся, в том числе личности Игнатия Ясюковича, как «польского капиталиста». Условия труда рабочих и количество несчастных случаев на производстве несправедливо связывать только с капиталистическим общественным строем и эксплуатацией человека человеком, рабочего фабрикантом.

Травматизм на Днепровском заводе оставался чрезвычайно высоким. Таковым он остаётся и до сих пор в наше просвещённое время. В анализе вопросов травматизма необходимо отходить от классового подхода и идеологических стереотипов. Общий уровень развития металлургического дела даже на самых передовых предприятиях отрасли, к каковым, несомненно, относился Днепровский завод, не позволял избавиться ни от ручного труда, ни от травматизма. Так, пресловутая профессия каталя, которая приводится как пример безжалостной эксплуатации в царское время, существовала на той же Дзержинке и в советское время. Даже в 50-е годы двадцатого столетия здесь работали катали, что

объяснялось отсутствием механической загрузки шихты на некоторых доменных печах. А вальцовщики среднесортного и проволочного станов, как и их деды, задавали вручную при помощи клещей раскалённые полосы в калибры прокатных валков чистовой линии.

.....

На заводе

В бешеной пляске и вихре безумном
Вечно бегущих шкивов и ремней,
В грохоте адском и хаосе шумном
Я очарован игрою огней.

Падает молот тяжёлый послушно
И раскалённая масса летит...
Жарко, томительно, страшно и душно:
Всюду сверкает, пылает, горит...

Люди, как тени, безмолвно шныряют,
Жизнью повсюду рискуя своей,
Слышно как злобно валы ударяют.
Слышится эхо звенящих цепей.

Робко-послушные, как автоматы,
Двигутся люди, как части станков,
Заревом льющейся стали объята,
В режущих звуках различных гудков.

Падает огненный дождь фантастичный,
Сталь раскалённая сверху летит,
И безудержно зверь страшный, безличный
Пламенем дышит и вечно пыхтит.

Кажется, злоба в нём вечно клокочет,
Ненависть страшная вечно кипит,
Будто излить на кого-то он хочет
Злобу, что в недрах своих он таит...

Будто веками протест накопленный
Выхода ищет из груди стальной
И безудержной, огнём раскаленной,
Льётся стихийной могучей волной...

Д.ЭСТРИН

1912 год

Обвал стены на Днепровском заводе в с. Каменском

В с. Каменском Екатеринославского уезда на Днепровском заводе в первом ремонтном отделении происходит ремонт здания. Одна стена даже совсем перестраивается. Для удобства ремонта крыша была снята.

По ремонту здания работают две смены рабочих: одна – дневная, другая – ночная. В 6 часов

вечера 19 июня партия рабочих, работавших днём, ушла. Её сменила ночная смена, которая и приступила к работе. Работа была в полном разгаре, как вдруг в 10 с половиной часов вечера раздался страшный гул и треск. Одна из стен ремонтирующегося здания рухнула. Обломки стены обрушились на троих рабочих, остальные успели вовремя выскочить. Сейчас же было приступлено к извлечению несчастных из-под обломков. С большой осторожностью стали расчищать место предполагаемого нахождения несчастных. Через некоторое время удалось извлечь из-под развалившейся груды кирпича труп рабочего Андрея Гуслистоного и раненых рабочих Савелова и Хортова. У Савелова оказалась проломленной нога, и её придётся ампутировать. На место катастрофы прибыли пристав села Каменского г. Снежно-Блоцкий, судебный следователь 4 участка Екатеринославского уезда и другие власти. Производится расследование. (Газета «Южная Заря», Екатеринослав. 21 июня 1912 года)

.....

Именно вопросы тяжёлых условий труда на Днепровском заводе и массового травматизма являлись объектом самой жестокой и тенденциозной оценки в советское время. Цель такой критики состояла не в стремлении показать реальное состояние дел. Наоборот, нужно было скрыть или извратить правду о том, что в дореволюционное время уровень благосостояния рабочего Днепровского завода и его реальные доходы значительно превосходили аналогичные показатели в стране развитого социализма.

«Работали от зари до зари. О каких-либо производственно-бытовых условиях и речи не было. На заводе дежурили всего один фельдшер и медсестра. Только в 1894 году после нескольких забастовок хозяева построили небольшую больницу... Жизнь рабочего ни во что не ставилась. Только в 1889 – 1890 годах из-за отсутствия элементарных условий по технике безопасности на заводе почти пятая часть рабочих получили увечье, а в 1905 – 1906 годах количество травмированных уже превысило одну треть. К этому хозяева относились с полным равнодушием, лишь одно заботило их: как бы подешевле рассчитаться за преступные условия труда, как бы ловчее обмануть вдову с детьми, пользуясь их подавленностью и запуганностью. Когда же рядовой металлург в результате несчастного случая на предприятии становился инвалидом, его вышвыривали. Горькая участь ожидала его семью. А кому пожалуешься: в кодексе законов не было статей, предусматривающих защиту уволенных с работы» [7]. (В. Попруга, П. Каракаш, В. Базарянинов. «Вехи столетней истории». Днепропетровск. Издательство «Проминь». 1989).

«Ежедневный изнурительный 12-часовой труд, особенно в прокатных и доменных цехах, около коксовых батарей приводил к частым болезням и быстрому старению. К примеру, в 1913 году на 100 рабочих Днепровского завода приходилось 165 обращений в больницу и фельдшерский пункт» [48]. (М. Сабов. «Осмысливая прошлое». Газета «Ведомости», Днепродзержинск. 9 августа 2006 года).

Весьма серьёзные на первый взгляд обвинения в адрес администрации Днепровского завода наполнены демагогическим либо односторонним подходом в оценке истинного положения вещей. В «Правилах о продолжительности и распределении рабочего времени на горных заводах и промыслах», введенных в России с 1 января 1898 года, определялось следующее. «Для рабочих, занятых исключительно в дневное время, рабочее время не должно превышать 11 с половиною часов в сутки, а по субботам и в кануны двенадцатых праздников – десяти часов. В канун праздника Рождества Христова работы должны быть окончены не позже полудня. Для рабочих, занятых хотя бы отчасти в ночное время, рабочее время не должно превышать десяти часов в сутки».

В «Правилах внутреннего распорядка» Днепровского завода в Каменском данное положение звучало так: «Рабочим днём считается время от шести часов утра до шести часов вечера, или от шести часов вечера до шести часов утра, с перерывом для отдыха и обеда в два часа, от 12 часов до 2-х часов. Причём рабочие, занятые непрерывными работами во всех отделениях завода, работают двенадцать часов не выходя из завода, имея, однако полчаса времени между 8 и 9 часами для завтрака, час между 12 и 1 часом для обеда и полчаса между 4 и 5 часами для полдника».

На Днепровском заводе, кроме выходных дней, соблюдались следующие праздники:
Воскресные дни.

Новый год 1 января.

Крещение Господне 6 января.

Благовещение 25 марта.

Преображение Господне 6 августа.

Успение Богородицы 15 августа.

Рождество Богородицы 8 сентября.

День Святого Николая 6 декабря.

Канун Рождества Христова 24 декабря.

Первый и второй день Рождества Христова 25 и 26 декабря.

Пятница и Суббота Страстной недели.

Понедельник и вторник Пасхальной недели.

Вознесение.

Второй день Сошествия Святого Духа.

В дальнейшем, к данным праздникам добавился ещё один – День Святых Петра и Павла, отмечаемый 12 июля. В «Расчётной книжке» Днепровского завода нет упоминания о предоставлении рабочим плановых отпусков. Однако каждый из трудящихся в силу необходимости мог брать увольнительные дни с согласия Начальника Отделения.

Году в тысяча девятьсот двенадцатом вальцовщик железопрокатного отделения Каменского завода Войцех Крживицкий взял у начальника отделения увольнительные дни с целью поехать в Польшу и повидаться с матерью в деревню Полихно под Кельце. По возвращении из отпуска весельчак Крживицкий пригласил домой соседей, чтобы поведать им о Родине. Рассеянное «панство», дожидаясь Войцеха, приготовилось слушать рассказ. Подговоренная мужем, пани Анеля сообщила собравшимся, что Войцех приехал не один, а с матерью. Переодевшись в женское платье, повязав голову платком, великан Войцех вошёл в комнату. - О, яка велька кобета! (то есть, «О, какая большая женщина!») – зашептались соседки. Первым громовым хохотом среагировал на розыгрыш Войцех Крживицкий, что было в его стиле – придумать шутку и самому смеяться над нею.

Если рабочий, как сказано в статье 13 «Правил внутреннего распорядка» Днепровского завода, по уважительной причине не мог явиться на работу, он должен накануне того дня испросить у Начальника Отделения разрешение остаться дома и взять увольнительную записку. Когда же причина невыхода на работу случалась внезапно, рабочий в тот же день обязан был заявить об этом Начальнику Отделения через своих товарищей. «В первый день, следующий за выдачею жалованья, и в дни, следующие за праздниками, увольнительные записки не выдаются вовсе». Весьма красноречивый пункт!

А что представляла собой та «небольшая больница», которую якобы «хозяева построили в

1894 году после нескольких забастовок»?

«Заводская больница, построенная в 1889 году (то есть, в год пуска завода, когда никаких забастовок не могло быть в принципе, а не в 1894-ом), расположена по соседству с училищем на северо-западной окраине Верхней колонии. Участок, занимаемый различными отделениями больницы и принадлежащим ей садом и двором, достигает 12.570 квадратных метров. Новая кирпичная пристройка главного здания включает операционный зал, две перевязочных и отделение для стерилизаторов. Здание освещено электрическими лампочками накаливания, имеет вентиляцию и паровое отопление системы Кауфера. В операционной и перевязочных, кроме громадных окон, имеется верхний свет. Полы из искусственных базальтовых плиток. Умывальники с тёплой и холодной водой с педалями для открытия кранов. Столы, стерилизаторы и прочие приспособления соответствуют новейшим требованиям. При больнице состоят 3 доктора, 1 провизор, 3 аптекарских помощника, 2 акушерки, 5 фельдшеров, 14 служителей, 3 сиделки и 5 человек разной прислуги. Для разъезда докторов и акушеров имеются специальные лошади и дрожки. Все отделения больницы освещены электричеством. Лечение бесплатное. Приём больных в амбулатории производится ежедневно, за исключением заводских праздников. Содержание больницы обходится заводу в 60 тысяч рублей». (Из книги «Описание Днепровского завода»).

Из таблиц, приведенных после текста, следует, что в 1890 году в больницу по разным поводам обратились 10 тысяч 644 человек, а в 1905 году – уже 45 тысяч 805 человек, что само по себе свидетельствует о состоянии деятельности и пропускной способности «небольшой больницы».

Не меньший интерес представляет статистика несчастных случаев, происшедших на Днепровском заводе. Наибольшее количество пострадавших рабочих пришлось на 1905 год. При среднем количестве рабочих на заводе 6922 человека, число пострадавших составило 2417 человек, или 34,93%. Этой, без сомнения, огромной цифрой советская историография «разгромно» завершала исследование вопросов дореволюционного травматизма.

Действительно, почти 35% рабочих, то есть, более трети списочного состава пострадали на производстве! Однако же нигде не давался анализ травматизма по тяжести несчастных случаев. В том же 1905 году из общего числа пострадавших 2417 человек, ушибленные составили 2371 человек, или 98,09%. Легко ранено было 27 человек (1,12%), тяжело ранено 13 рабочих (0,54%) и убито на производстве 6 рабочих (0,25%). Пострадавшим заводоуправление выплатило в 1905 году пособий и вознаграждений: во время лечения 31 тысячу 12 рублей 90 копеек, пособий 60 тысяч 399 рублей 29 копеек, то есть, всего было выплачено 91 тысяча 412 рублей 19 копеек.

Из приведенной статистики можно сделать ещё один вывод о скрупулёзности подсчёта несчастных случаев. Ни для кого не является секретом, что в советское время травматизм на Днепровском заводе имени Дзержинского очень часто скрывался, чтобы не портить соответствующие показатели, а ушибы и ссадины не учитывались вовсе. Когда же производственную травму утаить оказывалось невозможно, прибегали к различным ухищрениям: кто не помнит пресловутую формулировку «травмировался по пути на работу»?

В 1958 году доцентом 2-й госпитальной хирургической клиники г. Днепропетровска Р. Крикентом была опубликована статья «Травма грудной клетки у работников чёрной металлургии». Автор собрал и изучил 302 зарегистрированные травмы (с 1947 года по первое

полугодие 1957 года) на Днепровском заводе в Днепродзержинске, что составляет, в среднем, около 30 случаев в год. Причём исследование касалось лишь производственных травм грудной клетки. Данное «телесное повреждение» по дореволюционной классификации в зависимости от тяжести несчастного случая соответствует «легко раненным» (без переломов костей), «тяжело раненным» (с переломом костей) и «убитым» на производстве, когда травма приводила к летальному исходу. То есть, за период с 1947 по 1957 годы травмы одной лишь грудной клетки на Днепровском заводе были сопоставимы по количеству с травмами 1905 года. Но как сообщал доцент Р. Крикент «травмы грудной клетки среди других травм занимают довольно скромное место; процент травм грудной клетки среди других травм на заводе им. Ф. Э. Дзержинского был равен за 1947 – 1957 годы в среднем 3,5 %».

Какие меры предпринимала администрация Днепровского завода, а более широко Правление ЮРДМО во главе с И. Ясюковичем, для улучшения условий труда, снижения травматизма, либо компенсации его последствий? Кроме неуклонной модернизации производства существовали разнообразные курсы для рабочих, устроенные с целью повышения квалификации и образованности. Для предупреждения, по возможности, несчастных случаев, зависящих от собственной опрометчивости или неосмотрительности рабочих, устанавливались «правила предосторожности при обращении с машинами и вообще при исполнении всякого рода работ на заводе». За нарушение правил техники безопасности на виновного налагался штраф.

Но поскольку травматизм оставался в металлургической промышленности неизбежным злом, существовал инвалидный фонд, из которого пострадавшим либо родственникам смертельно травмированных выплачивалась соответствующая компенсация. Как уже упоминалось выше, «8 сентября 1913 года по случаю исполнившегося 25-летия высокополезной деятельности Игнатия Игнатьевича, Правление ЮРДМО, в ознаменование этой деятельности, пожертвовало 250.000 рублей в инвалидный фонд Днепровского завода». Колоссальная сумма!

В случае увечья рабочего или служащего администрация Днепровского завода вознаграждала потерпевшего пособием или пенсией в зависимости от тяжести производственной травмы. Кстати, о каждом несчастном происшествии заводоуправление было обязано давать знать в полицейскую часть и одновременно сообщать фабричному инспектору или окружному инженеру – должностным лицам, не подчинённым администрации предприятия. Скрытие несчастного случая являлось делом практически невозможным. Кроме того, все случаи смерти и телесных повреждений заносились в особую книгу с обозначением в ней обязательства завода по вознаграждению потерпевших и членов их семей. За неправильное ведение книги или за несообщение сведений о травме заведующий предприятием подвергался штрафу от 25 до 100 рублей за каждый случай.

Какие устанавливались размеры денежных компенсаций, следовавших в результате производственной травмы? В «Правилах о вознаграждении потерпевших, вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств в предприятиях фабрично-заводской, горной и горно-заводской промышленности» (закон от 2 июня 1903 года), действовавших на Днепровском заводе и внесенные в расчётную книжку каждого рабочего и служащего, находим ответ на данный вопрос. Пособия выплачивались со дня несчастного случая по день восстановления трудоспособности в размере половины действительного заработка потерпевшего. Пенсия назначалась в случаях постоянной утраты трудоспособности. При полной утрате – в размере двух третей годового содержания

потерпевшего, а при неполной – в уменьшенном размере, определяемом соответственно степени ослабления трудоспособности пострадавшего. В случае смерти потерпевшего, администрация завода обязывалась уплатить на погребение умершего 30 рублей для взрослого и подростка и 15 рублей для малолетнего и выдавать пенсию членам семейства умершего.

Пенсия членам семьи погибшего рабочего назначалась следующим образом. Вдова получала пенсию в сумме одной трети годового заработка пожизненно. Детям обоего пола (законным, узаконенным, усыновлённым и внебрачным, а равно воспитанникам и приёмным) до достижения ими 15-летнего возраста назначалась пенсия в размере одной шестой части годового заработка погибшего родителя каждому и в размере одной четвёртой круглым сиротам. Родственники по прямой восходящей линии обеспечивались пожизненной пенсией в размере одной шестой части годового заработка погибшего на производстве. Братьям и сёстрам погибшего (круглым сиротам) выплачивалась одна шестая часть жалования до достижения ими 15-летнего возраста.

Интересно также, что по обоюдному согласию сторон пожизненная пенсия, как самих потерпевших, так и членов их семей могла быть заменена единовременной выплатой в размере десятилетней пенсии. Владелец предприятия, неисправный в выдаче вознаграждения, был обязан уплатить за пропущенные сроки дополнительное вознаграждение в размере одного процента в месяц от суммы просроченного платежа [45]. (См. «Расчётная книжка рабочего Днепровского завода»). Что же касается ежедневного изнурительного труда «особенно в прокатных и доменных цехах, около коксовых батарей, который приводил к частым болезням и быстрому старению», то необходимо отметить следующее. Даже сейчас рабочие «горячих» профессий уходят на пенсию в пятьдесят лет. И ничего тут не поделаешь: условия труда в агло-доменном, сталеплавильном, прокатном переделах и около коксовых батарей по-прежнему приводят к быстрому старению, как и во времена самодержавия.

Вышеприведенные примеры не исчерпывают список обвинений в адрес администрации Днепровского завода и его практически бессменного действительного руководителя Игнатия Игнатьевича Ясюковича. Однако нет смысла отягощать настоящее повествование инсинуациями, которыми, будто соревнуясь друг с другом в их абсурдности, выдвигали на страницах книг и газетных публикаций «советские исследователи».

.....

Заседание совета съезда горнопромышленников юга России
(«Южная Заря», 27 июня 1912 г.)

22 июня в заседании совета съезда горнопромышленников юга России обсуждался вопрос о подготовительных работах к введению страхования рабочих от несчастных случаев. Председатель совета съезда Н. Ф. фон-Дитмар доложил о своём участии в совещании под председательством В. П. Литвинова-Фалинского о введении в действие закона о страховании рабочих от несчастных случаев. На этом совещании выяснился вопрос о способах введения в действие этого закона, о подготовительных работах к учреждению страховых товариществ, о собирании сведений для выработки классов и тарифов опасности и так далее. На совещании председатель совета Н. Ф. фон-Дитмар произнёс большую речь о необходимости образования особого страхового товарищества для южной горной и горнодобывающей промышленности, в виду огромного числа несчастных случаев в предприятиях этой промышленности, её особенностей технических и административных, особого характера страхового риска в этой

промышленности. В совете съезда горнопромышленников юга России уже давно производятся большие подготовительные работы по этому вопросу и уже готовы все статистические и другие материалы, необходимые для введения страхования рабочих. Для ознакомления с постановкой этого дела в Германии и Австрии совет съезда командировывает туда своих представителей, специально изучавших этот вопрос [66].

.....
P.S. В то время, как на заседании Совета съезда дебатировался вопрос о введении закона о страховании для рабочих, Днепропольское Общество уже в течение пятнадцати лет страховало своих трудящихся в Варшавской компании «Предусмотрительность».

ВЕЛИКИЙ ПОЛЯК

Игнатий Ясюкович был не только выдающимся российским промышленником. Он был также великим поляком. Намерение издания зарисовки его жизни и трудов приняло Общество технологов – выпускников Петербургского Технологического Института – через тридцать лет после смерти И. Ясюковича. Этот шаг диктовался как причинами естественного уважения к памяти столь выдающегося коллеги, так и, главным образом, целью ознакомления широкого круга соотечественников с этой масштабной фигурой для изучения и примера потомкам. К 1944 году осталось уже не так много людей, которые могли поделиться личными воспоминаниями об Игнатии Игнатьевиче Ясюковиче. Увековечение фигур, которые тем или иным образом причастны к развитию цивилизации и культуры польского народа, является заданием Польского Биографического Словаря. Среди польских инженеров имя Игнатия Ясюковича на страницах словаря заняло одно из почётнейших мест [80]. Необходимо отметить, что в 1944 году Польша ещё находилась под игом немецко-фашистской оккупации. И тем более достойным уважения выглядит шаг польского подпольного правительства, предпринявшего усилия по изданию монографии об Игнатии Ясюковиче.

Великие «капитаны индустрии» гораздо чаще являлись причиной могущества государства, чем вожди-завоеватели. Действительно, главный объект труда, так прекрасно сформированный Игнатием Ясюковичем, располагался на границах давних земель Речи Посполитой вблизи Дикого Поля и памятных в истории Польши Жёлтых Вод, Запорожья и Кодаков. Из числа служащих, инженеров, мастеров, рабочих и членов их семей образовалась в Каменском польская колония. К первому января 1913 года население Каменского выросло от двух тысяч в 1885 году до 40 тысяч 407 душ, из которых русских 24.475, поляков 14.175 человек. Учитывая тот факт, что в Российской империи «русская» нация представляла совокупность русского, украинского и белорусского народов, можно с большой долей вероятности предположить, что наиболее крупное национальное образование Каменского – более 30% всего населения! – представляла польская диаспора. И, действительно, по воспоминаниям польского современника «в Каменском можно жить и совсем не знать русского языка» [Фонды Народного музея Днепропольского металлургического комбината]. Диаспора с течением времени не только не поддалась вырождению, но могуче поддерживала польскую письменность, прессу, художественное искусство, театр, а также расширяла своё влияние на окружающее общество и щедро питала техническими кадрами возрождаемую промышленность Польши. При заводе в Каменском были открыты мужская и женская гимназии с обязательным для польских детей изучением польского языка. Там дети получали среднее образование.

Разорванная на части Польша была силой втянута в орбиты трёх чужеродных хозяйственных

организмов. Наиболее промышленная её часть – захвачена Россией, и Польша по необходимости жила хозяйственной жизнью, совместной с царской империей, вынужденная многократно покоряться влиянию этого колосса. Однако обстоятельствами скорее счастливыми в данном случае необходимо признать, что во главе металлургии практически всего государства Российского стоял поляк, который всегда помнил о своей Родине. И, насколько мог, смягчал отрицательные последствия для металлургической промышленности Польши путём соединения её с российской металлургией, топографически находящейся в лучших условиях. Благодаря мощному влиянию почётного председателя «Продамета» И. И. Ясюковича заводы бывшего Королевства Польского не только имели гарантированное существование, но могли продержаться до времён возрождения Польской республики. И это несмотря на усилия коренных представителей российской промышленности, которые стремились избавиться от конкуренции путём закрытия польских заводов.

Ясюкович возражал против установления тарифных льгот для польских заводов по перевозке криворожских руд, чтобы не ослабить позиции Южно-Русских предприятий при существующей между ними жёсткой конкуренции. Однако Игнатий Игнатьевич без колебаний отдавал в распоряжение польских заводов и фабрик лучших инженеров и техников, воспитанных на Днепровских предприятиях. Это директора Людвиг-Шимон Сигизмундович Гужевский, Адольф Станиславович Макомаский, Михаил Иванович Семашко, Иосиф Адольфович Бернацкий (инженер по перестройке Днепровского завода), инженер Леопольд Собанский (для завода Б. Хантке в Ракове под Ченстоховой), инженер Кобылецкий (на Банковый завод в Горной Дубраве) и некоторые другие.

Своим сотрудникам, преимущественно соотечественникам, И. Ясюкович давал возможность крупных заработков. Сам, однако, удовлетворялся доходами (разумеется, немалыми) директора-распорядителя. Многие владельцы акций приобретали себе целые поместья благодаря ценным бумагам Днепровского Общества. Игнатий Ясюкович, который лучше, чем кто-либо, был посвящён в предвидимый рост доходности Днепровского Общества, мог бы просто сделать себе многие миллионы. Однако он к этому роду дел ощущал какое-то моральное отвращение [76].

Без сомнения, при равном уровне квалификации, технических знаний и способностей, предпочтение при приёме на работу в Днепровские предприятия отдавалось представителям польской нации. Однако профессионализм и патриотизм по отношению к Днепровскому заводу всегда стояли на первом месте. Говоря современным языком, Ясюкович подбирал команду под себя. Мало быть просто поляком, чтобы удостоиться чести работать в Каменском на Днепровском заводе! В число «команды Ясюковича» входило также известное число его родственников, либо родственников его жены.

Это: Иван Иванович Вильга – начальник технико-коммерческого отдела Днепровского завода в 1891 – 1900 годах.

Ян Теодорович Болеховский – начальник прокатных отделений.

Иосиф Иосифович Лабунский – начальник технико-коммерческого отдела в 1901 – 1903 годах.

Иосиф Генрихович Лабунский – начальник строительного отделения в 1904 – 1905 годах.

Эдуард Иосифович Лабунский – начальник главного магазина, то есть, главного заводского склада, и другие.

Кадровая политика, заложенная Игнатием Игнатьевичем Ясюковичем, проводилась в жизнь и после его смерти. Так, упоминавшийся выше троюродный племянник директора-

распорядителя Днепровских предприятий Игнатий Казимирович Ясюкович в поисках лучшей доли покинул Каменское в июле 1911 года. Молодой Ясюкович с супругой Софьей обосновался в Вильно. Но судьба явно не благоволила к этой чете. Мировая война отобрала родовое имение Дубники в Литве, и И. К. Ясюкович, толкаемый обстоятельствами, возвращается в 1915 году в нелюбимое Каменское, в котором опять начинает всё с нуля. Он пытается вырваться отсюда в Петербург, устроится в «Продамет», но тщетно. Ему не простили отъезда, и пятно «беглеца» еще долго лежало на родственнике «железного короля».

«И. Ясюковичу
Общество для продажи изделий
русских металлургических заводов.
С.– Петербург, 18 февраля 1916 года

Уважаемый господин!

Сразу должен предостеречь Вас о том, чтобы в своих планах наименее рассчитывали на Продамет. Мой лучший совет уважаемому господину – в дальнейшем связать свое пребывание с Каменским и держаться завода. Но на заводе уважаемый господин должен считаться новопринятым инженером, так как тяготеет на нем вина, что уже раз бросил службу ради чужих богов. Вину эту следует искупить: стало быть, на искуплении сейчас уважаемый господин находится... Время, однако, лечит: через год-два уважаемый господин продвинется далеко вперед и время его скоро приблизится. Сейчас происходит большое движение среди инженеров» [Фонды Народного музея Днепровского металлургического комбината].

.....

Инженеров-поляков, занимающих в течение длительного времени хорошо оплачиваемые должности, Ясюкович призывал к бережливости и сосредоточения накопленных средств в земле, купленной в родной стране. Он сам дал прекрасный пример, когда приобрел у немца фон Трескова имение Ходов Кутновского уезда. В поместье вёл образцовое рациональное хозяйство. Прежде всего, проложил дренаж, один из первых в тех краях применил искусственные удобрения, приобрел высокопородных коров и лошадей. Дома для постоянных работников, помещения служб и даже хлева и риги были построены из кирпича, цемента, железа. Ясюкович вагонами выписывал из России необходимые металлические конструкции. Внимательно следил за порядком и чистотой. Везде были проведены водопровод, канализация и электрическое освещение. Использовал сельскохозяйственные машины новейших моделей. Всё ведение хозяйства контролировалось краткими рапортами и подробной бухгалтерией. В имении построил школу (причём содержание учителя взял на свой счёт), приют, баню для крестьян. Не являясь профессиональным фермером, Игнатий Ясюкович стал образцом фермера-гражданина.

Его гражданская позиция польского патриота проявлялась в самых различных формах. Когда в 1907 году известный общественный деятель Кутно доктор Антоний Трочевский инициировал там строительство средней польской школы, Ясюкович отозвался первым. Как член комитета Польской Отечественной школы дал семь тысяч рублей собственных средств на строительство учебного заведения. Необходимо отметить, что польские школы бывшей «Конгрессовки» в те времена содержались исключительно на пожертвования соотечественников, поскольку министерство финансов России выделяло деньги лишь на школы с русским языком обучения.

Вспомнить необходимо также сколь благородный, столь и разумный порыв Игнатия Ясюковича. По соседству с имением Ходов, но вне его границ, около шоссе существовала сельская корчма «Червонка», рассадник пьянства, преступности и всякого распутства, настоящий бандитский клуб, терроризирующий окрестное население. Игнатий Ясюкович решил противостоять творящемуся злу. Недолго думая, выкупил корчму вместе с землёй, на которой она стояла за довольно высокую цену – 4500 рублей и подарил всё ходовской гмине (местному органу управления) с условием открытия в корчме школы для сельской детворы. Так понимал Игнатий Ясюкович свои обязанности поляка-патриота [76].

В дополнение характеристики Ясюковича как поляка, можно привести один эпизод из жизни польской колонии в Каменском в те времена, когда Игнатий Игнатьевич являлся директором-распорядителем Днепровского завода. Как-то в начале двадцатого столетия группа артистов Варшавы во главе с Адольфом Зимаеровым и Винцентием Рапацким, выехали летом на гастроли по главным российским городам, чтобы дать ряд представлений для местных польских колоний. Маршрут захватывал и юг России. Когда труппа находилась в Киеве, представитель Ясюковича пригласил артистов для выступления в Каменском, где в инженерном клубе был хороший театральный зал, снабжённый необходимым реквизитом. Коллектив из восьми человек дал в общей сложности около двадцати представлений в преимущественно заполненном зрительном зале. При этом в течение всех трёх недель гастролей актёры бесплатно пользовались фабричной гостиницей и получали также даром в целом очень существенное содержание: гости Днепровских предприятий всегда принимались с большим гостеприимством. Так Игнатий Ясюкович поддерживал польское искусство.

Его наибольшей любовью была польская молодёжь, отряды которой из года в год во время каникул проходили практику на Днепровских предприятиях. Здесь они углубляли не только свои технические знания, но также имели возможность заработать, чтобы получить средства для дальнейшего образования. Практиканты обычно пользовались бесплатным жильём и получали в зависимости от продвижения в учебных заведениях по 75, 80 и даже, в исключительных случаях, 120 рублей в месяц. Число таких практикантов, преимущественно поляков, составляло одновременно около пятидесяти и более человек, если посчитать все шахты и заводы. Прибывали они как из российских учебных заведений, так и Львовского политехнического института, Дармштадта, Легии и т.д. Таким способом Днепровские предприятия являлись источником постоянных стипендий для учащейся польской молодёжи. А как по-отцовски принимал Игнатий Ясюкович эту молодёжь!

В 1899 году делегация студентов, прошедших каникулярную практику на Днепровском заводе, пришла к директору-распорядителю попрощаться и поблагодарить его за опеку над студентами в это бурлящее для молодёжи время. (1899 год был периодом студенческих брожений в высших учебных заведениях России). Игнатий Ясюкович ответил им следующее: «Если не я был вам опекой, то кто другой сделал бы это?» Настоящие слова наилучше характеризуют этого Человека [76].

СОРАТНИКИ

Гужевский Людвиг–Шимон Сигизмундович

Выпускник Харьковского технологического института инженер-технолог Гужевский Людвиг-Шимон Сигизмундович, как крупный специалист, был приглашён на Днепровский завод начальником прокатного отделения в 1896 году. Уже 26 декабря 1897 года в Каменском римско-католическом приходе была окрещена Мария-Елена, родившаяся 14 июля того же года. Это была дочь дворян Ковенской губернии Шовельского уезда Людвиг-Шимона и Елены-Кунегунды, урождённой Станкевич, законных супругов Гужевских.

Прокатными отделениями Людвиг Гужевский руководил до 1900 года. Среди заводчиков его имя было хорошо известно. Свой и без того большой авторитет Людвиг Гужевский приумножил в Каменском, где сменил на посту директора-распорядителя самого Игнатия Ясюковича, занимая эту ответственную должность с 1903 по 1906 годы. И уже в первый после его прихода операционный год, показатели производства основных видов продукции увеличились в 1,2 раза по бессемеровским болванкам, в 1,25 по мартеновским болванкам и в 1,37 раз по прокату (на 1 миллион 742 тысячи пудов проката в абсолютных цифрах, что составило 6 миллионов 347 тысяч пудов). Однако первая русская революция и поражение России в войне с Японией положили начало кризису, захватившему 1905 год и последовавшие за ним 1906 и 1907 годы.

Разумеется, Людвиг-Шимон Гужевский занимался не одним производством. 26 февраля 1905 года в Каменском костёле венчались дворяне Виленской губернии Павел-Пётр Ягучанский и София-Эмилия Бокшанская. Свидетелями на венчании, проводимого ксендзом Михаилом Ягуловым, выступили директор Днепровского завода Людвиг Гужевский, начальник отделения Днепровского завода Мечислав Брониковский, а также директор Гданцевского завода Матвей Роговский. [Книга записей венчаний Каменского приходского костёла за 1905 год]

В 1908 году правление Краматорского Metallургического Общества (КМО) пригласило инженера Л. Гужевского к управлению Краматорским металлургическим заводом и назначило Людвиг Сигизмундовича его директором-распорядителем. Заняв директорское кресло на заводе КМО, Людвиг Гужевский с успехом использовал свой прежний опыт. Здесь под его руководством в 1909 году были построены и пущены мартеновское и прокатное отделения завода. В итоге многолетний финансовый кризис правлению КМО удалось преодолеть и более того – получить долгожданную прибыль. Л. Гужевский состоял членом Совета Съезда Горнопромышленников Юга России, входил в состав правления Краматорского Metallургического Общества.

Будучи, несомненно, выдающимся руководителем и специалистом, Людвиг Сигизмундович Гужевский всего лишь за несколько лет сумел вывести Краматорский завод на уровень наиболее передовых предприятий Юга России. Вклад его в развитие завода был настолько значительным, что смерть директора, последовавшая 27 сентября 1916 года, в Краматоровке восприняли как невосполнимую утрату. Заупокойная месса по усопшему состоялась в местном костёле 29 сентября. После траурной мессы в костёле было возложено более 50 венков (серебряных и из живых цветов). В процессии принимали участие Председатель Совета Съезда Горнопромышленников Юга России Н. Ф. фон-Дитмар, управляющий Советом – Соколов и другие. Совет Съезда возложил богатый серебряный венок («Южный Край» 01.09.16).

Седьмого декабря 1916 года на общем собрании акционеры Краматорского Metallургического Общества приняли решение увековечить имя Л. Гужевского в названии учрежденного ими школьного фонда в размере 50.000 рублей для оказания помощи детям

рабочих и служащих Краматорского завода. Первая годовщина смерти Л. Гужевского была отмечена заупокойными службами в Харькове и Ростове-на-Дону («Южный Край» 26.09.17).

Сундгрэн Эрнест Альбертович

Уроженец Великого княжества Финляндского, подданный города Гельсингфорс (Хельсинки) гражданин Эрнест Альбертов Сундгрэн был инженером-металлургом широкого профиля. Приглашён на Днепровский завод в год его пуска, то есть, в 1889 году. С 1889 по 1904 годы работал начальником сталелитейного отделения. С 1898 по 1904 год в его ведении было уже и доменное отделение, с 1890 по 1901 годы Эрнест Сундгрэн возглавлял параллельно и кирпичные мастерские Днепровского завода. С 1907 по 1914 годы он директор-распорядитель Днепровского завода и одновременно председатель «Общества потребителей при заводе Южно-Русского Днепровского Металлургического Общества» [33]. Эрнест Альбертович Сундгрэн обладал склонностью к общественной деятельности. Он являлся членом Екатеринославского общества гребного плавания в Каменском, председателем Совета гимнастического Общества, а также Евангелическо-Лютеранского общества [52]. После смерти И. И. Ясюковича Э. А. Сундгрэн принял пост председателя Комитета по управлению делами Южно-Русского Днепровского Металлургического Общества.

В Каменском Эрнест Сундгрэн проживал на Верхней колонии в заводской квартире дома №8, а с июня 1909 года в собственном доме на Гимназическом проспекте, более известному старшему поколению каменчан-днепродзержинцев, как здание редакции газеты «Дзержинец». Этот дом Э. Сундгрэн выкупил у жителя Каменского Б. Ципля.

Опись имущества

Заложенного константиноградским мещанином Богумилом Карловичем Ципль гражданскому инженеру Эрнесту Альбертовичу Сундгрэну по заёмному письму, явленному в конторе Каменского нотариуса Крюкова 24 июня 1909 года по реестру за №2309, находящегося в селе Каменском против Аудиторского парка, на арендуемой усадебной земли у крестьян: Каравана, Ялового, Снижко и Лябоги.

Означение имущества, поступающего в залог:

1. Один кирпичный двухэтажный о четырёх квартирах крытый только дом, оценен в восемь тысяч рублей.
2. Шлакобетонный крытый только сарай, оценен в двести рублей.

Стоимость означенного всей описи имущества определяется в восемь тысяч двести рублей.

Мещанин Богумил Карлович Ципль /подпись/

Гражданский инженер Э. Сундгрэн /подпись/

При описи и оценке свидетелями были:

Мещанин Михаил Иванович Сечевой, Фёдор Игнатьевич Засульский

Макомаский Адольф Станиславович

Пятый по счёту директор Днепровского завода в Каменском. Окончил Харьковский технологический институт со званием инженер-технолог и в 1894 году поступил на службу в строительное отделение Днепровского завода. В 1896 году перешёл в прокатное отделение, где занимал место помощника, а с 1900 по 1903 годы и начальника отделения. По обычаям своего времени Адольф Макомаский увлекался греблей и, будучи начальником прокатного отделения, состоял членом Екатеринославского общества гребного плавания в селе Каменском. В 1903 году Макомаский с согласия И. Ясюковича отбыл в Польшу на должность

директора Ченстоховского металлургического завода, а затем – в 1908 году – снова возвратился в Каменское уже в качестве помощника директора завода.

Когда в 1915 году директор-распорядитель Днепровского завода Э. Сундгрэн после смерти И. Ясюковича был назначен председателем комитета по управлению делами Южно-Русского Днепровского Металлургического Общества и переехал в Петроград, Макомаский занял место директора завода в Каменском. Ещё будучи вице-директором, Адольф Макомаский проявил увлечённость всяким благотворительным начинаниям, в них уже достаточно ясно обрисовался его образ незаурядного общественного деятеля. Он был председателем «Римско-католического общества пособия бедным». Совместно с Эрнестом Сундгреном много сделал для местных благотворительных обществ в Каменском, православного и римско-католического, которые благодаря их сердечному отношению и ходатайствам перед блаженной памяти Ясюковичем, получили большие кредиты на постройку и оборудование зданий. Заметим при этом, что по вероисповеданию Макомаский был римо-католиком, а Сундгрэн – лютеранином, что совершенно не мешало им отстаивать интересы «не своих» конфессий.

Несмотря на занимаемый ответственный пост руководителя такого огромного предприятия, и будучи завален работой, А. С. Макомаский стоял во главе попечительных советов мужской и женской гимназий и в то же время участвовал как главный руководитель в строительном комитете по перестройке православного храма. В 1916 году, когда поток беженцев первой мировой войны просто захлестнул Каменское, здесь состоялось заседание бюро по организации объединенного Комитета помощи беженцам, в который от римско-католического общества вошли директор Днепровского завода Адольф Макомаский и инженер Ян Войцеховский. Что же касается его деятельности как директора Днепровского завода, то уже само назначение на столь ответственную должность, указывает на масштаб личности Адольфа Макомаского, что подтверждалось и превосходными цифровыми данными отчётов.

Супруга Макомаского Анна Феодоровна окончила одну из Харьковских гимназий с золотой медалью. Занимаясь семьёй, она в тоже время находила возможность и для благотворительной деятельности. Состоя председателем Римско-католического, а затем и почётной попечительницей приюта Православного общества, она всегда интересовалась постановкой дела в этих учреждениях, лично принимая участие в их развитии и процветании. Во время первой мировой войны Анна Феодоровна стала во главе Комитета помощи жертвам войны. Жили Макомаские на Верхней колонии в доме № 33 вблизи Главной конторы Днепровского завода [52]. Впоследствии в этом здании длительное время размещалась редакция газеты «Знамя Дзержинки».

Шестого января 1916 года Адольф и Анна Макомаские отмечали в Фабричном клубе двадцать пятую годовщину супружеской жизни. На юбилей супруги Макомаские любезно пригласили своих друзей, знакомых и сослуживцев, почтительно прося не отказать принять участие в торжестве.

Вильга Иван-Игнатий Иванович

Потомственный дворянин Подольской губернии, инженер, выпускник Харьковского Технологического Института. С 1891 по 1900 годы занимал пост начальника технико-коммерческого отдела Днепровского завода. Женат на Марии Игнатьевне, в девичестве Ясюкович, сестре директора-распорядителя Днепровского завода.

2 декабря 1895 года в Каменском родился их сын Иван. «Младенец Иоанн» окрещен ксёндзом Гиацинтом Левчаком 9 апреля 1896 года в Каменском молитвенном доме. Крёстными родителями (восприемниками) Ивана Вильга выступили дворяне Игнатий Ясюкович и Эмилия Данилевская. При крещении присутствовали в качестве почётных свидетелей Станислав Лабунский и Анна Игнатьевна Сволынская, генеральша (сестра Игнатия Игнатьевича Ясюковича и Марии Игнатьевны Вильга) [9]. (ГАДО. Ф.193. Оп.3. Д.153. Запись №67).

В 1901 году семья Вильга переехала в Харьков, где проживала по адресу: ул. Сумская, 21-23, телефон 73. В Харькове И. И. Вильга вёл активную общественную и профессиональную деятельность. Согласно «Харьковским Губернским Ведомостям» он, начиная с 1902 года, регулярно посещал Дворянское собрание, особенно усердствовал по постройке школы харьковской римско-католической церкви. Являлся председателем Попечительства о бедных римско-католического исповедания [68] («Южный край» 29.12.1904).

Иван Вильга – первый Председатель и действительный член Польского Дома в Харькове, кандидат в гласные, а затем гласный городской Думы 1910 года (544 голоса «за»). Член садовой комиссии городской Думы, член ревизионной комиссии биржи, член исполнительной канализационной комиссии, член арбитражной комиссии каменноугольной и железо-торговой биржи. Член железнодорожной и технической комиссии в Совете Съезда горнопромышленников Юга России. Член Харьковского Страхового общества. Кроме того, Иван Иванович Вильга являлся членом Харьковского Отделения Петроградского Общества помощи жертвам войны – полякам, член комиссии по оказанию помощи беженцам, организовав для них врачебно-питательный пункт. Член Комитета Союза Городов [55] («Утро» 15.12.1915). Во время Гражданской войны и присутствия Добровольческой (Белой) армии в Харькове генерал-лейтенант А. И. Деникин устроил парад и приём депутатов. Деникиным были приняты Консул и представители польской колонии в Харькове: Квятковский, Вильга, Шаевич. После приёма был дан ужин в саду Коммерческого Клуба [30] («Новая Россия» 23.06.1919).

Супруга И. И. Вильга Мария Игнатьевна также занималась общественной жизнью. Она являлась членом Комитета Попечительства Харьковской Римско-католической церкви, действительным членом Польского Дома, о чём свидетельствуют отчёты Харьковского польского общественного собрания «Польский Дом» за 1912 и 1913 годы.

Болеховский Иван Фёдорович (Ян Теодорович)

«1889 года ноября 27 дня в Каменской римско-католической церкви священник Левчак по троекратному оглашению, инженер-технолога, дворянина Петроковской губернии Бендзинского уезда Яна Болеховского, юношу 28 лет с дворянкою Витебской губернии Александрой Лабунскою, девицею 23-х лет от роду – Ямбургского прихода, Теодора и Валерии, урождённой Жабицкой, Болеховских законных супругов сына с Генриха и Юзефы, урождённой Петкевич, Лабунских законных супругов дочерью – браком сочетать. И в лице Церкви торжественно благословить в присутствии веры достойных свидетелей: Игнатия Ясюковича и Войцеха Альберта Сима». (ГАДО Ф. 193. Оп. 3. Д. 397. Стр. 37 «Выпись из книги венчающихся Каменской римско-католической церкви»)

Другими словами, Ян Болеховский, в будущем (с 1906 года) начальник прокатных отделений Днепровского завода, а в последствии его вице-директор, был женат на Александре

Генриховне Лабунской – сестре Брониславы Генриховны Ясюкович, супруги директора-распорядителя Днепровского завода. Ян Болеховский являлся также председателем Екатеринославского общества гребного плавания в Каменском, сменив на этом престижном посту Войцеха Сима. Во время гражданской войны Я. Болеховский проявил себя активным противником большевизма, во главе рабочей делегации Днепровского завода был принят генералом А. Деникиным в Екатеринославе, заочно приговорён большевиками к смертной казни. При отступлении Добровольческой армии Ян Болеховский вместе с большинством инженеров и служащих Днепровского завода, а также многими рабочими выехал из Каменского.

.....

Разумеется, в Каменском работали специалисты разных национальностей, а не только поляки: русские и чехи, бельгийцы и французы, итальянцы и немцы. Несмотря на свою относительную малочисленность (284 человека по состоянию на 1 января 1913 года), очень важную роль в жизни бурно развивающегося Каменского играли немцы. Немецкие спецы составляли серьёзную конкуренцию польским инженерам и мастерам и, безусловно, входили в техническую элиту Днепровского завода. Они представляли наиболее квалифицированную часть рабочих, и именно из среды немцев укомплектовывалась значительное число мастеров, обер-мастеров, техников и начальников отделений.

Так, начальником сталелитейного отделения Днепровского завода (как сказали бы сейчас, главным сталеплавильщиком) работал с 1904 года Теодор Фохт, его помощником был Беренд Нотбек, а обер-мастером Казимир Вегнер. Помощником начальника прокатных отделений состоял Вильгельм Мальце, здесь же работали инженер Кондрат Вольфрам и мастера Альфред Беренс и Адольф Гроднер. Обер-мастером проволоочно-прокатного отделения был Пауль Бухман, заводской водокачкой ведал Карл Лисовский. Старшим помощником начальника счетоводства, то есть, заместителем главного бухгалтера завода был Карл Маге, конторщиком – Борис Штейнгарт, помощником начальника главного магазина – Густав Линднер. Начальником строительного отделения Днепровского завода в 1891 – 1894 годах являлся К. Х. Шайблер. Начальником заводской больницы с 1888 по 1892 годы пребывал М. Я. Нейбург. И этот список можно значительно продолжить [52].

Условно говоря, немцы Каменского делились на две части. Одну часть представляли потомки обрусевших немцев, которые ещё по указу императрицы Екатерины Второй были на льготных условиях водворены на южных окраинах империи. Другую часть образовали специалисты Германии, а точнее, Пруссии, непосредственно приехавшие для работы на Днепровском заводе. И не случайно, что в губернском Екатеринославе на улице Воскресенской было открыто Императорское Германское Вице-консульство во главе с вице-консулом Вильгельмом Аберметом.

ПАТРИОТ ДНЕПРОВСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ

На очереди характеристика Игнатия Игнатьевича Ясюковича как человека и патриота Днепровских предприятий. Его физический образ привлекал. Около двух метров роста с хорошо развитой костно-мышечной системой, он был скорее худощавым, и даже в старости не располагал склонности к полноте. Черты лица имел правильные, вытянутые, в литовском типе, брови густые, в глазах какой-то стальной блеск. А вот как описывал И. Ясюковича Анджей Вержбицкий в книге воспоминаний «Живой Левиафан»:

«Игнатий Игнатьевич! Его просто хотелось одеть в кунтуш (старинную одежду шляхтича – авт.). Был бы это прекрасный воевода, внушительного вида. Открытое чело, удлиненное лицо, окаймлённое шелковистой подстриженной бородой. В глазах светился ум, уважение, негибкость, независимость. Имел в себе что-то от широкого дыхания украинских степей, монументальную фигуру рыцаря, охраняющего границу. Он всем покорял людей. Но, прежде всего, покорял прекрасным техническим образованием, административной гениальностью, неутомимым трудом, способностью подбора кадров, в чём крылась важная тайна его успеха, честностью в соблюдении обязательств: если сказал – значит, будет сделано. Также везде завоевал себе авторитет: в финансовых и промышленных кругах государства и за границы, министерствах, среди сотрудников и рабочих. У себя, на Днепровских предприятиях, был некоронованным королём» [83].

Французы называют такой совершенный физический вид человека «Un beau exemplaire de la race humaine», то есть, в буквальном смысле «прекрасный образец человеческой породы». Русские, даже не расположено относящиеся к Игнатию Игнатьевичу, язвительно называли его на страницах журнала «Новое время» – «Подпиента Ясюкович». Однако насколько физически Игнатий Ясюкович был образом Подпиенты, настолько его духовный тип не имел ничего общего с наивным добродушием этого рыцаря без изыяна. (Шляхтич Подпиента – герой романа Г. Сенкевича «Огнём и мечом»).

Характеристический пример негибкости воли и большого гражданского мужества Ясюковича приводит Тадеуш Улановский в своих воспоминаниях, довольно гротескно названных «N'est – ce pas?» («Не так ли?»). Это произошло во время наибольшей активности боевиков террористической Польской социалистической партии. На дело пролетарской революции требовалось много денег, и социалисты-террористы посещали потенциальных спонсоров с предложением пополнить партийную кассу. В разговоре обычно рассказывали о своём предыдущем визите к «денежному мешку» и подчёркивали, как тот отнёсся к весьма оригинальному предложению боевиков. И как это отразится на судьбе данной особы после переворота, когда «товарищи» придут к власти: «судьями тогда станем мы!» В общем, граждане буржуи, гоните монету на приближение социалистического строя!

Многие со страху давали отступные. Среди них Председатель правления всеобщего русского электрического товарищества Голдштауб – известный богач из Петербурга, отсчитавший значительную сумму. Ясюкович, не испугавшись угрозы, отказался дать деньги, и, более того, неудачливым делегатам указал на дверь, несмотря на их ссылку о пожертвовании Голдштауба. Следует признать, что данный поступок Ясюковича импонировал даже «товарищам», которые оценили его закалку духа и гражданское мужество. А ведь это происходило во времена, когда убийства инженеров на фабриках были практически обычным делом.

.....

Рапорт пристава с. Каменского начальнику Екатеринославского служебного жандармского управления

о подготовке покушения на И. И. Ясюковича

«20 сентября 1908 года приехал на завод из Петербурга главный директор-распорядитель Днепровского Металлургического общества. Директор Днепровского завода Сундгрэн просил меня принять меры по охране г. Ясюковича, так как получил из Екатеринослава от инженера-строителя металлургического завода письмо о том, что партия Екатеринославских социал-революционеров решила убить г. Ясюковича, как главного представителя металлургического треста. Однако охранный отдел не располагал такой информацией» [60].

.....

Игнатий Ясюкович обладал чрезвычайно сильным характером, благодаря которому достигал поставленной цели. Никогда его мысль не была расплывчатой, и, имея очень широкий круг интересов, умел систематизировать свои намерения в определённом порядке. Без преувеличения можно сказать, что как промышленник И. И. Ясюкович превзошёл большинство русских и всех польских коллег. Ибо мало кто соединял в одном лице таких основательных технических знаний, такого большого администраторского таланта и такого умения сосредоточиться на глубоко обдуманном планируемом намерении.

К достоинствам, характеризующим Ясюковича, следует добавить его чрезвычайную честность и верность данному слову. Для него *verbum nobile* (честное слово – лат.) не было пустым звуком. Кому что обещал, того свято придерживался. Возможностью спекулятивной наживы он, без преувеличения, гнушался. Как-то, с намерением использовать его огромную славу лучшего администратора металлургической промышленности, началась биржевая игра на повышение акций одного Общества, которое с этой целью пригласило Ясюковича стать членом своего Совета. Игнатий Ясюкович, однако, с возмущением среагировал на сей маневр. Он выступил с открытым письмом, в котором публично отказался от данной ему должности, которую многие бы посчитали местом, хорошо повышающим доходы безо всяких усилий [76].

Ясюкович удивлял современников незаурядным интеллектом, самой широкой заинтересованностью не только в области технических наук, но и иных. Владел языками в такой степени, что не нуждался в переводчиках в переговорах с иностранцами, с которыми ему часто приходилось сталкиваться ввиду своего положения. Очень простой и непосредственный в отношениях, он дарил людям свою дружбу. Когда у супругов Мечислава-Сильвестра и Марии Брониковских 1 января 1894 года родился сын Мечислав-Станислав, Игнатий Ясюкович вместе со своей сестрой Анной Сволынской стали крёстными родителями младенца [8]. Через шесть лет при рождении в семье Брониковских дочери Марии, уже другая сестра Игнатия Ясюковича Мария Вильга выступила крёстной новорожденной.

При большом интеллекте Игнатий Ясюкович отличался редкой работоспособностью. Тот же профессор М. Брониковский – шеф технической конторы Днепровского завода рассказывал, что когда ему приходилось даже на час раньше прийти в бюро, обыкновенно уже заставал там директора-распорядителя либо в его кабинете, либо в техническом бюро, либо вообще на фабрике, где работа некоторых отделений шла целые сутки без перерыва.

Ясюкович обладал чрезвычайной памятью, особенно в вопросах технических. Ян Войцеховский – начальник технической конторы Днепровского завода с 1905 года в своих воспоминаниях писал: «Это было в 1910 – 1911 годах. Во время годовой инспекции директору-распорядителю был представлен проект улучшения аппарата улавливания газов на доменных печах. Директор по рассмотрению этого проекта, попросил найти в чертёжном архиве проект доменной печи десятилетней давности. Я был крайне удивлен, когда на том чертеже нашёл решение, к которому, как нам казалось, мы пришли впервые» [76].

Во время инспекций предприятий Ясюкович всегда обращал внимание на изменения в расстановке машин и интересовался причинами, которые потребовали эти изменения. Вообще редко случалось, чтобы какие-то трансформации происходили без предварительного одобрения директора. Поскольку всё, что происходило на Днепровских предприятиях,

происходило по его воле.

В период после 1903 года, когда И. И. Ясюкович как главный управляющий ЮРДМО постоянно жил в Петербурге, естественным образом значительные полномочия должны были получить местные директора: Людвиг Гужевский и Эрнест Сундгрэн в Каменском, и Иосиф Кржижановский в Кадиевском заводе. Однако ежедневно шли рапорты в Петербург, и беда была тому, кто не захотел бы отдать должное воле Ясюковича. На первый взгляд местные директора-распорядители обладали полнотой власти, как в делах фабричного развития, так и в кадровых вопросах. Они имели теоретическое право в силу имеющихся полномочий поступать согласно своему видению проблемы. Но, тем не менее, практически полная и неограниченная власть на Днепровских предприятиях принадлежала одному человеку – Игнатию Ясюковичу.

Как-то в некоем фабричном отделении образовалась вакансия на должность инженера. На это место объявился кандидат – прекрасный техник, но известный на юге России своим не слишком приятным характером. Составленное им заявление местный директор-распорядитель направил Правлению в Петербург со следующей припиской: «приём господина К. на освободившийся пост является нежелательным». Ясюкович, который не поддерживал всеобщего мнения об этом инженере, но знал его лично по работе на аналогичном посту в Каменском и ценил его знания и техническую грамотность, ответил депешей: «прошу принять К. под мою личную ответственность». Господин К. был принят, несмотря на явную неохоту его будущего непосредственного начальника и местного директора-распорядителя, который не хотел вызвать кризис доверия к себе.

Игнатий Ясюкович был связан со своим детищем узами глубокого чувства и почти до последнего вздоха не хотел его покидать. Вышеприведенный циркуляр, высланный за пару месяцев до кончины, когда Игнатий Игнатьевич уже ощущал, что приближается его смертный час, является прекрасным тому свидетельством. Из этого циркуляра видна большая привязанность Ясюковича к обязанному ему процветанием промышленному предприятию.

Когда он ещё был директором-распорядителем в Каменском, случилось, что Совет одного из соседних заводов предложил ему возглавить свои предприятия на просто прекрасных условиях оклада, который более чем в два раза превышал доходы на Днепровских предприятиях, также очень высокие. Ясюкович отказал, не желая расставаться с любимым промышленным центром. Также отказался от предложения Игнатия Шебеко, сделанного от имени землевладельцев Ходова, баллотироваться в Государственную Думу России от Варшавской губернии. Игнатий Игнатьевич опасался, что, став депутатом, он слишком оторвётся от непосредственных обязанностей в Днепровском Обществе.

Не желая распылять энергии в разных направлениях, требовал того же от подчинённых. Когда как-то оказалось, что на одной из шахт Днепровского Общества, некий штейгер (горный техник) тайно состоял в обществе, которое эксплуатировало небольшую шахту по соседству, последний тотчас был уволен со своего поста, как только дирекция узнала о данном факте. Непосредственный начальник того штейгера (начальник шахты!) получил серьёзный выговор за то, что допустил подобное [76].

Игнатий Ясюкович был несомненным днепровским патриотом и подобное отношения воспитывал в подчинённых служащих. Свидетельствование искренних патриотических намерений Игнатия Игнатьевича Ясюковича по отношению к Днепровскому заводу и

Каменскому может быть расценено излишним в глазах тех, кто продолжает считать его лишь «польским капиталистом». Данный стереотип был создан в советский период с целью очернения всего, что так или иначе положительно характеризовало дореволюционную историю нашего общества и Каменского в частности. Игнатий Ясюкович не был «польским капиталистом» (хотя в этом понятии нет ничего зазорного), он был нанят польско-бельгийскими акционерами в качестве директора-распорядителя Днепровского завода, и с честью оправдал оказанное ему высокое доверие. Однако для читателя, кто знает это имя только понаслышке, нужно представить доказательство глубокого патриотизма Игнатия Ясюковича, нашего выдающегося земляка. Необходимо давать современному поколению инженеров и техников примеры, а в особенности инженерам Днепровского Металлургического Комбината, до какого уровня значения и уважения в обществе может прийти личность, наделённая сильной волей, подкреплённая могучим техническим знанием.

Подобно как работники ведущего американского предприятия, гордились тем, что являются «Фордсменами», так и каменчане с гордостью говорили о своей принадлежности к «Днепрвке». И, несомненно, Ясюкович просто любил Каменское – своё детище. Здесь, на заводском кладбище, похоронен его сын Павел, скончавшийся в пятилетнем возрасте от скарлатины. Именно здесь, а не в столице, Игнатий Игнатьевич отмечал 25-летний юбилей своей деятельности в ЮРДМО. Именно тогда в приветственном адресе юбиляру рабочие Днепровского завода написали: «Оценку Ваших трудов на пользу родной промышленности и общества Вам сделает история металлургического дела».

Чем иным, как не глубокой привязанностью к Каменскому, можно объяснить тот факт, что, находясь уже на вершине славы и карьеры, Игнатий Игнатьевич жертвует в 1907 году 13 тысяч 749 рублей личных средств на строительство в далёком селе мужской гимназии? [Фонды Народного музея ДМК, Ед. хр. №7407]

«10 февраля в с. Каменском состоялось торжественное открытие мужской правительственной гимназии. На торжестве открытия присутствовала администрация Днепровского завода, родители учащихся и жители с. Каменского. По окончании молебствия хор учащихся исполнил гимн, после чего директор гимназии В. Г. Дмитриевский сказал речь, в которой приветствовал учащихся и жителей Каменского с открытием в селе полноправной гимназии. По желанию собравшейся многочисленной публики были посланы телеграммы на Высочайшее имя, попечителю Одесского учебного округа, окружному инспектору Морданову и почётному попечителю гимназии инженеру Ясюковичу. Затем был оглашён ряд приветственных телеграмм: от начальника губернии В. В. Якунина, вице-губернатора Н. А. Татищева, почётного попечителя Ясюковича, от председателя губернской земской управы И. К. Абазы, от уездной земской управы и т.д. Ксёндз Каменского (очевидно, Леонард Долонговский – авт.) приветствовал директора гимназии и, указав на пережитые жителями Каменского волнения, связанные с преобразованием гимназии, выразил чувства полной удовлетворённости назначением на ответственную должность директора гимназии В. Г. Дмитриевского. Торжество закончилось музыкально-вокальным отделением под управлением учителя пения А. П. Шевченко»[64] («Южная заря», 12 февраля 1913 г.).

Отношение директора-распорядителя Днепровского завода к подчинённым ему служащим было по-настоящему отцовским: И. И. Ясюкович много требовал, не терпел лени, но чрезвычайно заботился об обеспечении их быта и быта их семей. Кроме постоянного месячного оклада каждый служащий получал премию, размер которой зависел от количества и дешевизны продукции его производственного отдела. При распределении ежегодного

вознаграждения учитывалась степень ответственности, которую нес каждый, и количество отслуженных лет в Днепровском Обществе. Данные премии и наградные зачастую превышали постоянный оклад. Начинаящий инженер получал около ста рублей в месяц. При этом бесплатно пользовался жильём, отоплением и электричеством. Повышения зарплаты были скорыми. Через пару лет оклад составлял уже 150, а иногда и 200 рублей. Подоходный налог взимался только с более обеспеченных работников. За служащих, имевших оклад менее 200 рублей в месяц, налог платило само Общество.

Упорядоченная система пенсионного обеспечения государственных служащих сложилась в России только к XIX веку. Закреплена она была в специальных статьях «Свода законов Российской империи». Согласно закону, пенсией являлось пожизненное содержание, выдаваемое отставным чиновникам или военным служащим за долговременную и беспорочную службу. После смерти отставного чиновника его пенсия, правда, в половинном размере, продолжала выплачиваться вдове, и еще по четверти пенсии полагалось каждому несовершеннолетнему ребенку. Размер же пенсий зависел от должности и выслуги лет. Например, чиновникам нужно было прослужить не меньше 35 лет, чтобы получать пенсию в полном размере (то есть, в размере жалованья) или 25 лет за пенсию в половинном размере. Учитывая это, Днепровское Общество для обеспечения старости пошло по пути учреждения особого фонда, в который с каждой получки вносились деньги. На Днепровском заводе была создана особая касса, организация которой строилась на следующих началах.

Каждому служащему оставлялось 6% с удерживаемых с него сборов, которые записывались на его личный счёт «А». Одновременно такую же сумму Общество списывало со своих активов и начисляло служащему на счёт «В». Все личные не принудительные сбережения данного служащего записывались ему на счёт «С». Счёт «Д» образовывался из процентов и премиальных удержаний со счетов «В» других работников, и тех, кто не прослужил определённого минимума, необходимого для получения премии за выслугу лет. Когда сотрудник ЮРДМО покидал завод, не прослужив и пяти лет, он получал возврат сумм со своих счетов «А» и «С», а его деньги, зачисленные на счета «В» и «Д», переходили на счета оставшихся служащих. При отработке пяти и более лет, уходящий получал кроме возврата сумм «А» и «С» дополнительно 50-60 %, (либо выше в зависимости от выслуги лет) накопленных сумм счёта «В». При отработке более десяти лет, выплачивались также 100% суммы со счёта «Д». После двадцати лет эти проценты вырастали до такой степени, что служащий при расчёте с Днепровского завода получал стопроцентно все занесенные на его имя суммы со счетов «А», «В», «С» и «Д» [76].

Таким образом, каждый служащий, в зависимости от того, насколько долго он служил на Днепровском заводе, мог рассчитывать на полное обеспечение своей старости. Такое страхование составляло значительно более высокую сумму, нежели та пенсия, которую в Российской Империи получали работники умственного труда. Личные сбережения служащих, находящиеся в заводской кассе, неуклонно росли и в 1902/03 операционном году составили 928 тысяч 456 рублей («Описание Днепровского завода», таблица VIII).

.....

Проработав пятнадцать лет на Днепровском заводе, скоропостижно скончался мастер бандажепрокатного отделения Иоганн Шольта.

Выпись

из метрической книги римско-католического костёла села Каменское:
«1903 года февраля 19-го дня в Каменском заводе скончался Иван Шольта от воспаления

лёгких. Австрийско-подданный, имевший от роду 50 лет, оставив жену Анну, урождённую Прибе, детей сыновей Генриха, Георгия и Владимира, и дочерей Элеонору, Анну, Ольгу-Эмму-Вильгельмину и Людмилу. Тело его 21 февраля похоронено на Каменском заводском кладбище священником Бемом».

.....

Потеря единственного кормильца не обернулась для семьи финансовой катастрофой. Вдова и дети мастера прокатного отделения получали к праздникам подарки от заводоуправления и различные знаки внимания. Но главное было не в этом. За годы работы у Иоганна Шольта накопился капитал в размере около двадцати тысяч рублей, находящийся на процентах в кассе акционерного общества Днепровского завода. Это дало возможность матери воспитывать семерых детей, а дети могли получить достойное образование.

Однако не только о материальном обеспечении беспокоились на Днепровском Обществе. Ясюкович поддерживал строительство школ, больниц, приютов, церквей для православных, костёлов для католиков, молитвенных домов для представителей иных верований. При предприятиях открывались обширные технические библиотеки, а инженеров часто отправляли в командировки за счёт Общества для стажировки на образцовые заводы, как в России, так и за границей. От лиц, делегированных на техническое обучение, Ясюкович требовал скрупулёзного отчёта, сурово оценивал и высказывал неудовольствие, если рапорт не отвечал его требованиям. Игнатий Игнатьевич стремился, чтобы таким путём формировался богатый технический архив для использования в будущем.

Заботился также о развлечениях для работников: строились клубы для служащих, народные дома для рабочих. При клубах создавались библиотеки художественного и научно-популярного содержания, которыми могли пользоваться работники и их семьи. Говоря о влиянии печати на общественное мнение, Игнатий Игнатьевич Ясюкович предложил на XXVI съезде горнопромышленников Юга России (1902 год) учредить политико-экономический, общественный и литературный печатный орган Совета Съезда. В Каменском и всех предприятиях Днепровского Общества устраивались увеселения, любительские спектакли, балы, возникали многочисленные благотворительные общества. Созданное при костёле «Римско-католическое товарищество благотворительности» осуществило массовое издание фотографических видов Днепровского завода и его отделений, а также заводского поселения и села Каменского. Печатание открыток производилось в Варшаве издательством «Вержбицкий и Компания». Именно эти открытки и до настоящего времени служат одним из основных источников, дающих представление о том, как выглядело Каменское и Днепровский завод в то уже далёкое время.

Все работники Днепровских предприятий, как умственного, так и физического труда, а также члены их семей пользовались бесплатной медицинской помощью и лекарствами. Больницы также полностью содержались Обществом, а с больных не взималась плата за лечение.

Средний заработок рабочих Днепровского завода составлял от 30 до 40 рублей в месяц («Описание Днепровского завода». Табл. VIII). Как известно, понятие «средний заработок» составляет общая сумма начисленных денег, поделенная на число трудящихся: как чернорабочих, учеников, мальчиков на побегушках с одной стороны, так и квалифицированных рабочих с другой. Последние (кузнецы, слесари, сталевары, доменщики, прокатчики и некоторые другие) могли иметь заработок от 80 до 100 рублей. Рабочая элита получала ещё больше.

Для справки: до революции цены на продукты составляли:

- фунт ржаного хлеба – 3 коп, пшеничного – 4 коп, фунт соли 1/2 коп, фунт мяса лучшего сорта 18 коп, худшего сорта – 12 коп, фунт сахара – 15 коп. Такие цены оставались практически неизменными на протяжении многих лет. Другими словами, при ежемесячном заработке простого рабочего в 40 рублей, он имел возможность приобрести, к примеру, отборного мяса: 40 руб. : 0,18 руб. = 222 фунта. При известном соотношении 1кг = 2,5 фунта, это составляет почти 90 кг.

.....

Академик И. П. Бардин, работавший главным инженером (техническим директором) Днепровского завода в конце первой четверти XX века, в своих воспоминаниях писал, что квалифицированные вальцовщики проволочного стана «в дореволюционное время зарабатывали очень большие деньги. Например, вальцовщик на чистовой линии, где нужно особое искусство, зарабатывал в 1910 году 250 рублей в месяц, в то время как средняя ставка чиновника акцизного или иного ведомства была не более 50 рублей в месяц, земский врач получал 100 рублей в месяц» [28]. Поэтому стать высококвалифицированным рабочим на Днепровском заводе являлось заветной целью каждого мальчика на побегушках и вновь принятого пролетария.

Рабочие, проживающие в заводских квартирах, платили за жильё 2 – 4 рубля в месяц. Но ввиду ограниченности территории Нижней колонии, число квартир было в несколько раз меньше числа рабочих, так что последние должны были искать себе помещения в селе Каменском [43]. Расходы по содержанию и ремонту жилых домов заводского поселения брало на себя Днепровское общество. В 1903/04 году затраты на данные нужды достигли 93 тысячи 416 рублей («Описание Днепровского завода», таблица VIII). Это при существующей дешевизне, как на рынках, так и в лавке Общества потребителей, позволяло рабочим накапливать сбережения в заводской кассе. В частности, сумма личных сбережений рабочих в 1902/03 операционном году составила 193 тысячи 749 рублей.

Будучи суровым и требовательным начальником, Игнатий Ясюкович, уважал человеческое достоинство каждого. Даже в строгих выговорах, которые выносил провинившимся, старался не ранить их самолюбия. Наилучшим образом свою тактику по отношению к подчинённым он выразил в ответ на похвалу одного российского сановника, который подчеркнул способность Ясюковича руководить большими коллективами, побуждать их к согласованному труду в таком огромном комплексе, каким являлись Днепровские предприятия. Ясюкович высказал тогда такую мысль: «Чтобы найти послушание в людях необходимо постоянно помнить, что в каждом человеке есть определённый минимум человеческого достоинства, который никогда никому не позволено понижать» [76].

В отношении к требованиям рабочих И. Ясюкович придерживался мнения, что следует упреждать эти требования, не дожидаясь, когда подстрекаемые агитаторами массы будут путём забастовок добиваться уступок. Как-то во время рабочих волнений, которые распространилась по всему Донецко-Приднепровскому бассейну, на съезде промышленников дебатировался вопрос о средствах, которые следует выделить, чтобы обуздать движение. А в эти времена полицейский аппарат в царской России действовал весьма исправно. Ясюкович выступил с большим гражданским мужеством, предлагая не ждать, когда волна недовольства масс поднимется высоко, а сразу в самом широком диапазоне улучшить условия жизни и труда рабочих. Совет, однако, был сбит с толку другими промышленниками, которые спасение от забастовок и саботажа видели в казаках и полиции.

В заключение общей характеристики Ясюковича, как человека, необходимо подчеркнуть его большую чуткость к людским невзгодам. Его домашние рассказывали: когда в минуты отдыха брал в руки книги художественного содержания, в местах чувствительных ронял слёзы, сочувствуя героям произведения. О его живой реакции на человеческую боль свидетельствует мелкий, но характеристический случай. В один прекрасный воскресный летний день служащие Каменского завода во главе со своим директором, всегда поддерживающим достойные развлечения подчинённых, веселились на пикнике. Лагерь с обязательными в таких мероприятиях самоварами был разбит на высоком берегу Днепра недалеко от упомянутой в трилогии Сенкевича польской пограничной крепости Кодаки.

В настоящее время от Кодака осталось лишь нагорье со слабо вырисовывающейся линией следов оборонительных валов. Там, на взгорье, разместился фабричный оркестр под управлением капельмейстера Бронислава Гаргоньевича Радзиминского. Танцевали размашистую мазурку со всеми фигурами, которые сотворила польская фантазия. Были здесь и «корзинка» и «розочка», и «фигура Маримонская», которую мог исполнить только очень крепкий в ногах и плечах танцор. Наконец, неугомонный в выдумках распорядитель танцев дал команду: «с бокалом!» В данной фигуре от танцора по обычаю требовалось встать на колени и, не дотрагиваясь руками, поднять с земли полный бокал вина и залпом выпить за здоровье своей дамы. Студенту Петербургского Технологического института Леопольду Собанскому, отбывающего каникулярную практику на Днепровском заводе, выпала очередь данной фигуры. Он так усердно схватил зубами бокал, что стекло треснуло, и на губах студента показалась кровь.

Раздался смех веселящихся гостей. Наблюдающий со стороны за танцами Ясюкович, подбежал к неудачливому танцору и, сжав того в объятиях, воскликнул: «выплюнь, выплюнь! глотание стекла опасно для жизни!» А когда совершивший проступок, вытерев окровавленные уста, успокоил своего директора, что ему не грозит такая участь, последний, сердечно обняв потерпевшего, вернулся на своё место, и веселье продолжалось. Эпизод этот мелкий, но знаменателен для характеристики Игнатия Игнатьевича Ясюковича [76].

В личной жизни И. Ясюкович жил скромно, равнодушный к роскоши, которой мог бы себя окружить, имея столь высокие доходы. Как часто директора-распорядители, располагающие к диспозиции огромными суммами, не жалели средств на устройство прекрасных дворцов для самих себя – соответственно обставленных, разумеется, на деньги Обществ, во главе которых стояли. Ясюкович и с этой точки зрения отличался от других. Имел действительно обширный, но простой архитектуры дом, солидно меблированный, однако совсем не «как дворец». Жил, не роскошествуя, подобно многим сельским обывателям Литвы, к которым кровно принадлежал, ведя дома жизнь тихую, верный своим семейным обязанностям мужа и отца.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Именами выдающихся российских предпринимателей, государственных и общественных деятелей дореволюционного периода названы города и населённые пункты Донецко-Приднепровского региона Украины: Енакиево, Алчевск, Синельниково, Верховцево, Горяиновое, Юзовка (Донецк), Горловка и другие. Но город, который во многом обязан И. И. Ясюковичу своим существованием и развитием, который с гордостью мог бы называть имя

Игнатия Игнатьевича Ясюковича в числе наиболее достойных своих сынов, стыдливо замалчивает столь славную страницу собственной истории. В Днепродзержинске нет даже малой улицы, которая носила бы имя И. Ясюковича.

Но никакие «указания сверху» или ядовитые нащёптывания «снизу» не в силах скрыть правду о замечательной личности российского промышленника, градостроителя, руководителя металлургической отрасли Царской России, а также великого поляка, человека и нашего земляка.

Года бегут быстро. Уже недолго и 100 лет минет со дня смерти «владельца металлургической короны» России. Давно ушли из жизни его соратники, сотрудники и рабочие, однако остаются те, кто стремится увековечить образ великого руководителя Днепровского завода в Каменском, чтобы не исчез он из памяти народной.

Днепродзержинск. 2009.

ЭПИЛОГ: ЗЕМЛЯ С МОГИЛЫ ЯСЮКОВИЧА

В 1992 году многотиражная газета Днепровского металлургического комбината «Знамя Дзержинки» опубликовала статью автора настоящей книги под названием «И. И. Ясюкович» с подзаголовком «к 145-летию со дня рождения». Во вступлении к основной части материала было заявлено следующее.

«События вековой давности, проходившие на наших улицах, кажутся покрытыми слоем исторической пыли, а люди, участвовавшие в них, — блеклыми тенями, пергаментными фигурами. Давайте сдуем эту пыль, очистим лики и раскроем архивные кавычки, — это не сеанс спиритизма, а попытка рассказать о человеке, которому наш город обязан так же, как Санкт-Петербург Петру Великому, физика — Ньютону, литература — Пушкину. Речь идёт об Игнатии Игнатьевиче Ясюковиче, директоре-распорядителе Южно-Русского Днепровского металлургического общества».

Вся публикация, напечатанная в трёх номерах заводской многотиражки, однозначно подтверждала заповку статьи: это человек, именем которого может гордиться наш город.

Подобно тому, как в образовавшуюся брешь плотины с шумом устремляется вода разлива, разрушающая, казалось незыблемую фортификацию, так и статья «И. И. Ясюкович» явилась первым залпом по идеологическому железобетону, уложенному за годы советской власти. Один за другим в местной прессе стали появляться материалы, авторы которых позитивно оценивали деятельность директора-распорядителя Днепровского завода. Это уже становилось явлением. В 1994 году та же газета «Знамя Дзержинки» опубликовала ещё одну обширную статью «Польская колония в украинском селе Каменское».

Реакция не заставила себя ждать. «Но была и другая правда...», — так назывался коллективный отклик членов «Совета ветеранов» ДМК.

«В газете «Знамя Дзержинки» мы прочитали большую статью депутата городского Совета А. Слоневского «Польская колония в украинском селе Каменское». Странное впечатление произвела она на нас, старожилов, родившихся в этом селе, выросших в семьях работников

Днепровского завода. Автор с восхищением рассказывает, как, используя дешёвую рабочую силу... иностранные капиталисты – польские, бельгийские, французские – построили в Каменском металлургический завод и легко загребали здесь большие барыши. Считаем, что деятельность эксплуататоров, которые бесчеловечно грабили рабочих, издевались над ними, не заслуживает столь восторженной оценки.

В нашем заводском музее сохранился документ-подписка, которую требовали в те времена капиталисты от рабочих при поступлении на работу. В ней говорится: «Нанявшись работать в качестве чернорабочего на заводе Общества в селе Каменское, обязуюсь исполнять порученную работу трудолюбиво и добросовестно, подчиняясь беспрекословно всем распоряжениям заводского начальства». Особенно автор статьи «Польская колония...» хвалит бурную деятельность директора-распорядителя завода И. Ясюковича, который якобы не жалел сил для расцвета села Каменского, заботился о рабочих. А ведь это именно он поощрял на заводе рукоприкладство, это при нём на предприятие не был принят ни один русский инженер.

Действительно, тогда в Каменском были построены Верхняя и Нижняя колонии. Но ведь жили в них только аристократы, избранное общество. Рабочий же люд ютился в грязных бараках и землянках. Это же можно сказать и о так называемой «народной аудитории» с небольшой библиотекой и водным клубом. Они тоже вряд ли были предназначены для изнурённых тяжёлым трудом рабочих. Зато для них на всех путях и перекрёстках, ведущих к заводу, были расставлены многочисленные кабаки и пивные. Наши матери и сёстры работали прислугой в аристократических семьях, проживающих в Верхней и Нижней колониях, и много рассказывали об их богатой жизни.

Автор статьи «Польская колония в украинском селе Каменское» преподносит историю города и завода, какой её хотели бы видеть иностранные капиталисты. Очевидно, официальные газеты той поры изображали положение именно так, как нужно было их хозяевам. Но была и другая правда – правда простого люда, угнетённого и забитого. Если её отместить, то получится уже не полная правда о нашей истории» [29].

Грозный оклик членов «Совета ветеранов» явился, однако, лишь сотрясением воздуха, но не директивой прикусить язык: времена уже были не те. Плюрализм мнений входил в практический обиход бывшей страны советов. Выдающийся вклад Игнатия Ясюковича в развитии Днепровского завода и села Каменского подчёркивали такие серьёзные авторы, как директор Народного музея ДМК Михаил Васильев, директор Музея истории города Нина Цыганок, известный краевед и журналист Николай Чабан, редактор газеты «Знамя Дзержинки» Владимир Базарянинов и другие. К тому же в полемическом задоре ветераны явно хватили лишку, ставя в вину капиталистам подписку рабочего, обязующегося «исполнять порученную работу трудолюбиво и добросовестно». А как же он должен её исполнять? Такую цитату можно, скорее, назвать аргументом не в свою пользу в развернувшейся полемике, когда на чашу весов бросаются факты, а не идеологические стереотипы.

К 2004 году биография Игнатия Игнатьевича Ясюковича была изучена уже довольно подробно: рождение в родовом имении под Ковно в 1847 году, учёба в гимназии, работа в качестве инженера по окончании Петербургского Технологического института. Пятнадцать плодотворных лет в Каменском (1888 – 1903 г.г.), превратившие село в «столицу металлургии» юга России, деятельность на посту директора-распорядителя Южно-Русского

Днепровского Metallургического Общества в Петербурге. Известие и горестная реакция в Каменском о смерти, постигшей И. И. Ясюковича 26 августа 1914 года.

Удивительно, но мы оставались в неведении относительно места погребения нашего выдающегося земляка. Более того, не была известна даже страна, в которой Игнатия Игнатьевича Ясюковича провели в последний путь. С практически равной долей вероятности можно было предполагать о его захоронении в Литве, России и Польше. Образ Игнатия Ясюковича при всём его масштабе и определённой изученности выглядел неизмеримо далёким в историческом плане – чем-то сродни античным героям. О директоре-распорядителе Днепровского завода, крупнейшем индустриальном деятеле Российской Империи, умершем в далёком 1914 году, мы говорили и писали, совершенно не задумываясь о том, что где-то могут быть живы его родственники, в том числе ближайшие. Такая мысль просто не приходила в голову!

Но вот просматривая сборник «Горнорудное дело» за 1914 год я наткнулся на телеграмму соболезнования, отправленную Председателем Совета Съезда горнопромышленников юга России Н. Ф. фон-Дитмаром жене усопшего Брониславе Генриховне Ясюкович в город Кутно Варшавской губернии. Это уже была зацепка. Серьёзное указание на направление поисков.

Обратившись за помощью в консульство Польши в Харькове, я получил от супруги Генерального консула пани Эльжбеты Ксёнкек адреса польских архивов. И вот первая настоящая удача: государственный архив города Кутно прислал материалы, связанные с именем Игнатия Ясюковича. Среди прочего присутствовало упоминание, что он похоронен в семейной могиле в селении Ходов. Сведениями о том сохранилась ли до настоящего времени сама могила, архив не располагал.

К поискам активно подключился ксёндз Мартин Янкевич, первый настоятель возрождённого костёла Святого Николая в Днепродзержинске, на то время уже священник Люблинской епархии. Он нашёл на автомобильной карте Польши пять населённых пунктов с названием Ходов. Но однажды, попав в город Кутно, в беседе с настоятелем местного костёла ксёндз Мартин получил более обнадеживающую информацию: фамилия Ясюковичей здесь известна, они владели поместьем, а в костёле местечка Ходов, расположенного близ Кутно, имеется мемориальная доска, посвящённая благодарной памяти кому-то из членов этой семьи.

Вот это уже то, что надо! При поддержке Генерального консула Польши в Харькове пана Ярослава Ксёнкек и председателя общественной организации «Союз поляков в Днепродзержинске» Ольги Гоциридзе мы обратились за помощью к руководителю благотворительного фонда «Польская община» в Варшаве пану Анжею Ходкевичу. Ответ пришёл быстро: при формировании бюджета организации на 2005 год будут запланированы средства на командировку А. Слоневского в Польшу.

Апрель 2005 года. Из «Польской общины» получено долгожданное сообщение, что деньги выделены, а значит, можно собираться в дорогу. Кроме фотоаппарата, тетрадей и ручек для записей, я взял с собою землю со двора днепродзержинского костёла. На украинско-польской границе отчаянно переживал: не примут ли бдительные таможенники эту землю за какую-нибудь марихуану. Но, слава Богу, всё обошлось и земля из костёла, основателем которого был Игнатий Ясюкович, пересекла кордон.

Подъезжая ранним апрельским утром рейсовым автобусом «Кутно-Ходов» к цели своего

путешествия, никак не мог разглядеть, где находится местное кладбище. В моём представлении самой большой удачей было бы отыскать скромный холмик с крестом и надписью мелкими полуистёртыми буквами, что вот здесь похоронен Игнатий Ясюкович. Однако, увы, никакого кладбища в обозримом ландшафте не наблюдалось. Выйдя на конечной остановке, спросил у проходящей женщины, как найти костёл. Подойдя к деревянному храму, с чёрными от времени стенами и огромному дубу перед ним, бросил взгляд на стоящее рядом покрытое черепицей двухскатное сооружение.

На четырёхметровом фронте огромная надпись во всю стену:

Grob rodziny Jasiukowiczow

То есть, «Склеп семьи Ясюковичей». Неужели?! Не может быть!! Ошеломление от увиденного не проходило, я не верил своим глазам! Свершилось...

Справа от низкого входа в склеп на белой мраморной доске вырезаны на мраморе имена:

- **Игнатий Ясюкович, прожил 76 лет, умер 26-VIII-1914 г.**
- **Бронислава (в девичестве Лабунская) Ясюкович, прожила 81 год, умерла 5-V-1938 г.**
- **Станислав Ясюкович, прожил 64 года, умер 22-X-1946 г.**

Слева на такой же табличке – иные имена:

- **Михаил Ясюкович, родился в 1870 г. Умер в 1942 г.**
- **Игнатий Ясюкович, прожил 35 лет, умер 15-III-1921 г.**
- **Ян Ясюкович, прожил 43 года, умер 16.X.1930 г.**
- **Анджей Ясюкович. Родился в 1920 г. Умер в 1989 г. на чужбине.**

Обойдя склеп кругом, волнуясь и спеша, начал фотографировать гробницу, боясь, что она исчезнет, как мираж в пустыне. Немного успокоившись, вытащил из пакета кулёк с украинской землёй и рассеял её за оградкой склепа, а из малого палисадника при входе в некрополь набрал землю, чтобы отвезти её в Днепродзержинск. Ну, вот. Теперь можно возблагодарить Бога: «Отче наш, сущий на небесах...» Нет, это нужно было сделать сразу.

Невдалеке от костёла на огородной грядке копошилась старушка. Подойдя к ней и поздоровавшись, спросил, где найти священника и не знает ли пани, живы ли кто из потомков Ясюковича. Доброжелательная женщина сообщила, что ксьёндр живёт в соседней деревне, мессы сегодня нет, поэтому костёл будет закрыт целый день. Что же касается семьи Ясюковичей, то лучше пану поговорить на эту тему с директором сельскохозяйственного товарищества «Бовинас», которое находится в бывшем имении Ясюковичей.

Директор «Бовинас» пан Чеслав Яницкий встретил меня несколько настороженно и недоверчиво: «правильно ли я понял, пан проехал больше тысячи километров из Днепро... э-э... Днепродзержинска в Ходов, чтобы только посмотреть на могилу?» Я, в свою очередь, понял, что нужно немедленно объясниться: иначе меня попросят из кабинета, и всё дальнейшее расследование станет проблематичным. Рассказав о себе, о цели приезда, связанного с изучением личности Игнатия Ясюковича, я подарил пану Яницкому книгу «Жизнь. Смерть. Воскресение», в которой значительное место отведено директору-распорядителю Днепровского завода в Каменском.

Лёд был сломан, мне предложили кофе. А сам пан Яницкий, любезно проявляя инициативу, позвонил настоятелю прихода и, рассказав о ситуации, попросил дать разрешение, чтобы гостю из Украины открыли склеп семьи Ясюковичей и костёл. Кроме того, пан Яницкий сообщил, что прямые потомки Ясюковича в Ходове не живут, но время от времени сюда приезжает из Англии внучка Игнатия Ясюковича. Зов памяти заставляет женщину высоких лет пересекать всю Западную Европу, чтобы поклониться праху своих родных и близких.

Вторично подходя к костёлу Возвышения Святого Креста и склепу семьи Ясюковичей, я несколько минут пребывал в роли внука директора-распорядителя Днепровского завода. Во всяком случае, за него приняла меня прихожанка костёла, в распоряжении которой находились ключи от храма и гробницы. О, это были упоительные мгновения! Однако иллюзии женщины всё же пришлось развеять и сообщить, что я всего лишь краевед из Днепродзержинска. Став чем-то похожей на директора сельскохозяйственного товарищества «Бовинас», пани прихожанка с ещё большим изумлением смотрела в мою сторону: пан краевед приехал из Украины посмотреть на наш костёл?

В костёле было торжественно тихо. Солнечные лучи, проникая вовнутрь святилища, невесомо ложились на деревянные скамьи, стены и иконы. Сельский храм, заложенный в 1387 году, и четырёхсотлетний дуб перед костёлом помнили славные времена Королевства Польского, Речи Посполитой, разделы и переделы Польши, возрождение Отчизны в двадцатые годы прошлого века, гитлеровскую оккупацию, советское присутствие и наступление на демократию. Однако костёл выстоял. Его, к счастью, не постигла трагическая судьба огромного количества храмов соседнего Советского Союза, в том числе костёла в далёком Каменском-Днепродзержинске, основателем которого был похороненный в Ходове человек.

При входе в святилище на правой стене бросился в глаза деревянный резной барельеф, на котором очерчен профиль Станислава Ясюковича. Несмотря на некоторую схематичность изображения, Станислав очень похож на отца: такой же высокий лоб и умные глаза, за которыми угадывается масштаб личности незаурядного человека. Надпись на барельефе гласила.

«Памяти доктора Станислава Ясюковича, государственного деятеля, министра сельского хозяйства Республики Польша в 1945 году. Один из 16-ти жертв коварно схваченного НКВД 29. II. 1945, заключённого в тюрьму и осуждённого на смерть в Москве 21.VI-45.

Помнящие соотечественники.

Март 1992.

Стало неуютно. Советский Союз нигде не любят, на выходцах из бывшего СССР лежит невидимая печать «империи зла», а меня встречают столь доброжелательно, радушно, гостеприимно. Хотя какое имею я отношение к действиям НКВД и сталинскому судилищу 1945 года? Из костёла мы перешли к склепу. Ржаво скрипнув, открылся замок, и я оказался перед паутиной входа в гробницу. Не знаю, что я надеялся увидеть внутри. Преодолев внутреннюю дрожь и волнение, шагнул в неведомое. То, что предстало перед моими глазами, отдалённо напомнило легенду античной давности.

Римский полководец Гней Помпей, завоеватель древнего Израиля, под страхом смерти потребовал от иерусалимского первосвященника открыть перед ним завесу храма,

отделявшую внутреннее пространство синагоги от Святая Святых. Сюда имел право входить лишь верховный первосвященник и то лишь раз в год. Ибо за завесой Иерусалимского храма, по верованию иудеев, пребывало Живое Присутствие Бога. Помпею не терпелось узреть то, что было скрыто от всех людей, даже великих. Войдя в Святая Святых полководец остановился пораженный: здесь было пусто, разве можно увидеть Бога?

Обратная дорога в Кутно прошла, как в тумане. Я глядел в окно автобуса и не видел ничего вокруг. В голове сумбур мыслей, главная из которых: только бы не засветилась плёнка. И где-то на уровне подсознания – ещё не оформившееся предчувствие нового поиска: в Англии живёт внучка Игнатия Ясюковича. Утром следующего дня я стоял у дверей государственного архива Кутно. И вновь оказался очарован исключительной приветливостью и желанием помочь на этот раз сотрудниц архива. И еще раз меня ждала необыкновенная удача! Акт купли имения Ходов Игнатием Ясюковичем, текст его завещания, свидетельство о смерти, подписанное настоятелем местного прихода ксёндзом Будзижевским и судебное определение о вступлении завещания в силу. Домой!

ВСТРЕЧА с ВНУЧКОЙ ИГНАТИЯ ЯСЮКОВИЧА

Когда головокружение от успехов несколько прошло, стало понятно, что впереди непочатый край работы. Но никаких идей не было, кроме исходной информации, полученной в Ходове от пана Яницкого, что внучка Ясюковича живёт в Англии. Самой здоровой мыслью из всех завиральных идей, казался план, выдвинутый моими знакомыми – супругами Мариной Тихомировой и Полом Бредбиером: достать лондонский телефонный справочник и последовательно звонить всем имеющимся в нём Ясюковичам. И ещё вспомнилось одно утверждение: всё человечество на земном шаре связано друг с другом узами промежуточного знакомства или родства, цепочка между любыми двумя людьми составляет звено длиной максимум в пять человек последовательно знакомых между собою. Вот только как найти и потянуть эту цепь, отделяющую меня от внучки Игнатия Ясюковича?

Прошло ещё полгода.

Из письма ксёндза Мартина Янкевича:

Уважаемый пан Александр! Самое интересное: дочка Станислава Ясюковича живёт в Англии. Её лично знают Варвара и Михаил Журавские! У них есть адрес, обратитесь к ним. Михаил очень заинтересован «Процессом 16-ти», у него много документов, очень хороших. Вы знаете, что Станислав Ясюкович (+ 22 X 1946) похоронен на Донском кладбище в Москве, в братской могиле?

Да хранит Вас Господь.

Кс. Мартин Янкевич

29 X 2005 Люблин

Сработало!! Невероятно, но между мною и внучкой директора-распорядителя Днепровского завода, существовало всего лишь одно человеческое звено в лице хорошо знакомого мне пана Михаила Журавского, бывшего Генерального Консула Республики Польша в Харькове. Мир действительно тесен!! История, совершив немыслимый оборот, соединила прошлое с настоящим.

Михаил Журавский ответил быстро и лаконично: в его письме отражался долголетний опыт

дипломатической работы, а также личная симпатия и поддержка изучения биографии и славных дел И. И. Ясюковича. Он прислал копии ошеломляющих документов, связанных с трагическим финалом жизни Станислава Ясюковича, а также английский адрес миссис Ханны Шленкер, прямой наследницы двух выдающихся людей: отца – Станислава Игнатьевича и деда – Игнатия Игнатьевича Ясюковича.

Письмо Ханне Шленкер, объёмом в одну страницу печатного текста, я писал и переписывал в течение недели: его нужно было составить максимально точно и информативно, чтобы адресат не отложила эпистолу после первой фразы.

Глубокоуважаемая миссис Шленкер!

Наверное, Вы удивлены, получив это письмо. Пишет Вам житель украинского города Днепродзержинск (до 1936 года – Каменское) Александр Слоневский. Ваш адрес мне любезно передал г-н Михаил Журавский, бывший Генеральный Консул Республики Польша в Харькове.

По роду занятий я краевед, журналист, писатель. В моих жилах течёт польская кровь, и, кроме того, я являюсь вице-председателем общественной организации «Союз поляков Днепродзержинска имени Игнатия Ясюковича». В 1997 году в городе зарегистрирован союз поляков, носящий имя Вашего деда. Начиная с 1990-х годов, мною опубликовано значительное число газетных статей, так или иначе посвящённых личности Игнатия Ясюковича, которого можно смело назвать основателем города Каменское, точнее, преобразователем сонного села в крупный промышленный и культурный центр на берегах Днепра. Созданы два видеофильма, показывающие роль Игнатия Ясюковича в развитии Каменского. В 2002 году под моим авторством издана книга о Каменском костёле Святого Николая, инициатором строительства которого выступил Ваш дед. В книге «Жизнь. Смерть. Воскресение» большое и заслуженное внимание уделено директору-распорядителю Днепровского завода Игнатию Ясюковичу.

В апреле 2005 года при поддержке Консульства Польши в Харькове мною предпринята поездка на могилу семьи Ясюковичей в польское селение Ходов близ города Кутно. Здесь я также узнал о драматической судьбе Станислава Ясюковича, Вашего отца, который значительную часть своего детства провёл в Каменском. Всё вышеизложенное позволило мне обратиться с настоящим письмом к Вам, мисс Шленкер, внучки и дочери необыкновенно чтимых мною людей, каковыми являются Игнатий и Станислав Ясюковичи. В ближайшем будущем в Англию отправится мой знакомый Пол Бредбиер, уважаемые родители которого живут в Лондоне. С Полом я надеюсь передать для Вас небольшие подарки, связанные с личностью Игнатия Ясюковича.

Проводя краеведческие исследования, мною собран определённый архив дореволюционного периода Каменского. В этом архиве на первом месте стоят копии документов, связанных с Игнатием, а теперь и Станиславом Ясюковичами. Если моя настойчивость не покажется Вам чрезмерной, я решаюсь обратиться к Вам, уважаемая миссис Шленкер, с просьбой. Я был бы Вам чрезвычайно признателен за копии любых фотографий и документов, относящихся к Вашим предкам. Если Вы пойдёте навстречу моей просьбе, это ещё более обогатит нас знаниями о людях, которых мы считаем своими земляками и которые составляют предмет нашей гордости.

.....

Переведенное друзьями письмо на английский язык ушло за Ла-Манш. А мы приготовились

ждать...

И, о долгожданное чудо! Ответ от Ханны Шленкер, внучки Игнатия Ясюковича! Из тёплого послания следовало, что миссис Ханна Шленкер приятно удивлена сообщением из Днепродзержинска и, более того, у неё зародилось желание увидеть город, который, по сути, обязан её деду своим формированием. Сплошные восклицательные знаки!

Буквально вскоре поступило ещё одно письмо, подписанное Станисласом Ясюковичем!

«Уважаемый мистер Слоневский! Моя кузина Ханна Шленкер прислала мне копию вашего очаровательного письма к ней, касающегося её дедушки и брата моего прадеда – Игнатия Ясюковича. Брат Игнатия Ясюковича – Станислав (1839 – 1907) – мой прадед, был военным инженером и дослужился до чина генерала в Гвардейском сапёрном полку Императорской армии. Его сын, Михаил, мой дед, был также генералом в том же полку. Мой отец, Дмитрий, родившийся в Санкт-Петербурге в 1898 году, уехал в Америку в 1918.

Вы также упомянули отца Ханны, Станислава, мученика послевоенного советского предательства по отношению к польским патриотам-некоммунистам. У меня есть статья о нём, опубликованная в «Белом Орле», журнале Ассоциации Польского Дворянства в Америке. Эта статья основана на заметках брата Ханны – Андрея, который эмигрировал в Южную Африку и был делегатом от Южной Африки в Польском правительстве в изгнании в Лондоне. Я также посещал Ходов, поскольку мой дед, генерал Михаил Станиславович, похоронен там, несмотря на то, что он принял православие (хотя римско-католическая вера не препятствовала карьере его отца в Императорской Армии). Это может показаться очень противоречивым, но я одинаково горжусь тем, что члены моей семьи (как и я сейчас) являлись не только польскими патриотами, но и верными слугами царя. Искренне ваш, Станислас М. Ясюкович. 24.01.2006».

.....

Какие открылись горизонты! Какие уникальные реликвии, документы, фотографии, воспоминания современников хранят семейные архивы потомков и родственников Игнатия Ясюковича, которые могли бы ещё полнее и достовернее обрисовать образ нашего великого земляка. Приближающаяся поездка Пола Бредбиера в Англию дала возможность продолжить контакт и углубить зародившиеся отношения.

.....

Многоуважаемая миссис Ханна Шленкер!

Пользуясь случаем приезда Пола Бредбиера в Англию, хочу ещё раз выразить мою глубокую благодарность за те бесценные материалы, которые Вы так любезно переслали на моё имя. А точнее – за Ваше отзывчивое сердце, в котором нашёлся отклик на прошение совершенно неизвестного Вам человека из далёкого украинского города. Присланная Вами «Монография» об Игнатии Ясюковиче не только значительно расширила и углубила мои знания о Вашем великом деде. Монография подтвердила мнение многих серьёзных историков и краеведов Днепродзержинска, что Игнатий Ясюкович был не только великим промышленником, но и великим человеком, великим патриотом, как Польши, так и Днепровских предприятий, а значит и села Каменского.

Публикация в городской газете «Ліхтарик», основанная на присланных Вами документах, вызвала прекрасную реакцию широкого круга читателей. Люди пишут, звонят, приходят лично в редакцию, чтобы выразить своё восхищение личностью директора-распорядителя Днепровского завода и одновременно многие недоумевают, почему столь прекрасные факты

нашей славной истории замалчивались на протяжении многих десятилетий?

Для меня является чрезвычайно важным каждая новая деталь в жизнеописании Ваших досточтимых родственников. То, что я получил от Вас, превзошло все мои ожидания. Но ищущий человек никогда не удовлетворится достигнутым!

С выражениями глубочайшего почтения

Александр Слоневский

Пол БРЕДБИЕР: впечатления от встречи с Ханной ШЛЕНКЕР

Во время недавнего посещения родителей, которые живут в Англии, у меня была возможность навестить миссис Ханну Шленкер, внучку Игнатия Ясюковича, основателя металлургической промышленности в Каменском. Целью моего визита была передача пакета от Александра Слоневского, материалы которого относились к истории Каменского-Днепродзержинска, и, в частности, к достижениям её деда.

Итак, я договорился встретиться с ней во время поездки из Лондона на дачу родителей, находящейся на южном побережье. Поскольку миссис Шленкер снабдила меня очень подробными инструкциями, найти её дом не представляло никаких проблем. Она живёт возле моря в современном, но построенном со вкусом многоквартирном доме, на краю тихого городка, бегущего лентой вдоль побережья. Район, в котором живёт Ханна Шленкер, очень аккуратный и спокойный, с тщательно подстриженными газонами в каждом дворе и весёлыми рядами жёлтых нарциссов повсюду. Каждое здание – не выше трёх этажей, нигде не было мусора или граффити, которые портят многие британские города.

Мы прибыли с опозданием на пятнадцать минут, простояв в одной из многочисленных пробок, блокирующие английские дороги, как в городах, так и сельских местностях. Путешествие автомобилем обычно гораздо быстрее происходит по «плохим дорогам» Украины, чем в Британии с её двадцати двумя миллионами частных машин. Когда мы позвонили в дверь, миссис Шленкер, совсем не сердясь на опоздание, поздоровалась с нами тепло и вежливо. Она была приятно выглядящей леди, среднего телосложения, с загорелой кожей, большими умными выразительными глазами и светло каштановыми вьющимися волосами. Мы прошли в большую просторную гостиную, обставленную удобной традиционной мебелью и украшенную стилизованными изображениями птиц, а также двумя великолепными живыми орхидеями в горшках. На стене – портрет её покойного мужа.

Когда я показал миссис Шленкер альбом с фотографиями исторической части Днепродзержинска, было заметно, что она тронута видом наследия, созданного её дедом. Миссис Шленкер не владеет русским языком, но у неё есть подруга, которая сможет перевести, а позднее перескажет содержание книги «Жизнь. Смерть. Воскресение», которую я передал ей с дарственной надписью от автора. Позже – в телефонном разговоре – Ханна Шленкер сказала мне, что ей очень понравился фильм о восстановлении днепродзержинского костёла, созданный И. Кондратьевой, О. Кондратьевым и А. Слоневским, и который был переведен на английский язык и озвучен мною и моей супругой Мариной Тихомировой.

Поскольку наша встреча за чашкой кофе была непродолжительной, мне показалось неловким подробно расспрашивать миссис Шленкер об истории её семьи. Лёгкость, с которой она вела

разговор с моими родителями, показывала, как свободно она чувствует себя с людьми её поколения, хорошо образованными англичанами. По-английски она говорит свободно, с едва заметным польским акцентом. Конечно, она общается по-польски со своими детьми и родственниками, живущими в Польше, Франции и Канаде.

Ханна Шленкер рассказала нам, что родилась в Ходове, главном имении семьи Ясюковичей в Польше. Её детство было счастливым, пока Вторая мировая война не поломала её жизнь, как и миллионы других жизней. В 1945 году её отец, Станислав Ясюкович в числе других лидеров Польской Национальной Армии был захвачен обманным путём и попал на Лубянку, где был замучен НКВД. Пережив такую травму, Ханна с матерью и сестрой выехали из Польши в 1946 году. Тогда у них ещё был шанс вырваться, и они его использовали. Старший брат Ханны Андрей (ныне покойный) служил во время войны в Польской Освободительной Армии.

Мистер Шленкер, ставший впоследствии мужем Ханны Ясюкович, сражался с немцами как лётчик на «Спитфайере» в Польских воздушных силах в изгнании. У неё есть сын, живущий в Лондоне, три дочери и несколько внуков. Внучка Софи, очаровательная и жизнерадостная студентка, находилась у неё во время нашего визита. Естественно, миссис Шленкер и её семья считают Польшу родиной своих предков и часто посещают там своих родственников.

Будучи в Лондоне, я также послал пакет с материалами для Станисласа Ясюковича, родственника миссис Шленкер. Он живёт на юге Франции в живописном горном районе. Ведущий свою родословную от Станислава Ясюковича старшего брата Игнатия Ясюковича, Станислас является признанным специалистом по истории семьи Ясюковичей. В телефонном разговоре он, конечно, проявил знания и большой интерес к данной теме и был чрезвычайно благодарен за материалы, переданные из Днепродзержинска.

Остаётся неопределённым, посетит ли Станислас Ясюкович или Ханна Шленкер когда-нибудь Днепродзержинск. Но, конечно, они будут продолжать интересоваться всеми исследованиями роли Игнатия Ясюковича в основании этого города и будут очень благодарны за любое общественное признание его колоссального вклада в развитии Каменского. Признания, которое он давно заслуживает [27].

РОГ ИЗОБИЛИЯ

Но и это было ещё не всё. Словно из наклонившегося в мою сторону рога изобилия, судьба, вознаграждая за годы исследовательских поисков – успехов, а чаще неудач – изливала новую благодатную информацию.

Уважаемый Александр,

Вы можете удивиться, получив это послание от прямого потомка Игнатия Ясюковича. Я – Томас Станислав Ясюкович, сын Андрея, который был сыном Станислава и братом Ханны Шленкер, от которой я получил Ваши письма и переданную информацию об Игнатии и вашем городе Днепродзержинске. В действительности, это честь для меня, что имя моего прадеда до сих пор помнят и так чтят в вашем городе. У меня есть воспоминания моей бабушки Марии Ясюкович, жены Станислава. Она написала об Игнатии в своих воспоминаниях, но Ваша информация, безусловно, помогла мне расширить представление о моём прадеде. Очевидно, он был великим человеком не только в промышленном и

технологическом аспектах, но и в общественном плане также, поскольку помогал Обществу, Церкви, и Каменскому в их развитии. Я бы хотел узнать больше подробностей о вашем городе – насколько он велик по размеру и количеству жителей, продолжает ли работать завод, построенный Игнатием?

Я живу в Йоганнесбурге, в Южной Африке, куда я эмигрировал с моими родителями Андреем и Вандой в 1961 году, хотя я родился в Лондоне. Мои родители отошли в мир иной, когда я, подобно Вам, развивал свою карьеру журналиста, занимаясь писательским трудом и публикуясь здесь, в Йоганнесбурге. Я верю, что мы сможем переписываться и дальше.

Искренне Ваш,

Томас Ясюкович

19 мая 2006 года

Уважаемый мистер Томас Ясюкович!

Получив Ваше письмо с «края света», каким является для нас Южная Африка, я был скорее обрадован, нежели удивлён. Ибо из переписки с миссис Ханной Шленкер и Станиславом Ясюковичем я понял, что члены семьи Ясюкович, хотя и разбросаны по всему миру, но поддерживают между собой тесные отношения.

Действительно, имя Вашего великого прадеда помнят и чтят в нашем городе. Но так было не всегда. После захвата власти большевиками в 1917 году, всё, что было связано со временем самодержавия, объявлялось «вне закона», а за одно сочувственное слово в адрес дореволюционной жизни можно было угодить в НКВД или даже лишиться жизни. В Днепродзержинске процесс возврата к истинным ценностям и выдающимся личностям прошлого начался в конце 80-х, начале 90-х годов минувшего века. И я горжусь тем, что был одним из первых, кто начал изучать и пропагандировать личность Игнатия Ясюковича, а также его колоссальный вклад в развитии нашего города.

Что касается подробностей о нашем городе, то его дореволюционный период достаточно подробно освещён в материалах, переданных мною миссис Ханне Шленкер и Станиславу Ясюковичу. Послереволюционная история Каменского (с 1936 года Днепродзержинск) носила трагический характер. 1918 – 1921 годы – гражданская война, в результате которой окончательно установлена Советская власть и запрещены прежние институты. В 1921 году Каменское пережило массовый выезд (бегство от Советской власти) жителей, в основном поляков, на свою историческую родину. Тот же 1921 год был годом первого массового голода в Каменском, как и во всей Украине, спровоцированного московским большевизмом. 1921 – 1925 годы – время разрухи, наступившей после гражданской войны и голода. Днепровский завод, детище Игнатия Ясюковича, был закрыт, что означало полное замирание жизни в Каменском, поскольку металлургический завод являлся основным источником существования для его жителей. 1925 – 1928 годы, период Новой экономической политики, введенной В. Лениным, означающий временный возврат к частной собственности. Этот период почти все жители Каменского называли лучшим в послереволюционной истории. С 1929 года начинается время усиления репрессий. 1932 – 1933 годы – новый искусственный голод. 1934 – 1941 годы – время сталинских репрессий, пик которых пришёлся на 1937 – 1938 годы. 1941 – 1943 годы – оккупация города гитлеровскими войсками. После освобождения наступило время послевоенной разрухи, сопровождающееся голодом 1946 – 1947 годов и новым террором, вплоть до смерти Сталина в 1953 году.

Что касается второй части Вашего вопроса о нашем городе и заводе, сообщаю следующее. На сегодняшний день Днепропетровский – один из крупнейших промышленных центров Украины, но металлургическая промышленность остаётся доминирующей. Днепропетровский завод, насчитывающий около 20 тысяч работников, является настоящим градообразующим предприятием. Численность жителей нашего города составляет около 250 тысяч человек.

Мистер Томас, Ваше упоминание о воспоминаниях Марии Ясюкович (Бышевской) меня очень заинтересовало. Я располагаю довольно значительным архивом, касающимся Игнатия Ясюковича, таким, что этого материала достаточно для написания отдельной книги о фактическом основателе нашего города. Но каждая новая информация, а в особенности информация, касающаяся личных воспоминаний о Вашем великом прадеде, является для меня просто бесценной. Если бы Вы могли переслать эти воспоминания или то, что сочтёте возможным, я был бы Вам необыкновенно признателен! В свою очередь, я готов поделиться с Вами всеми имеющимися сведениями, фотографиями, документами, которые Вас заинтересуют.

Искренне Ваш, Александр Слоневский.

2 июня 2006 года

Уважаемый мистер Станислав Ясюкович!

С большим волнением и интересом я ознакомился со столь любезно присланными Вами материалами. Послужные списки Вашего прадеда Станислава Ясюковича и Вашего деда Михаила Ясюковича просто поразительны! Семью Ясюковичей можно поставить в ряд выдающихся фамилий, давших Польше, России и, можно сказать, всему миру замечательных представителей в разных областях деятельности. Ваша статья о Станиславе Ясюковиче произвела на меня большое впечатление, некоторые моменты, в частности заявление Сталина корреспонденту «Таймс» в Москве, были мне неизвестны.

Одновременно хочу передать Вам копию документа, из которого следует, что доктор Ясюкович не был казнён, его довели до смерти условиями содержания в Бутырской тюрьме. Это акт, составленный 22 октября 1946 года дежурным врачом Бутырской тюрьмы.

«22 октября 1946 года в 17 часов 45 минут в стационаре Бутырской тюрьмы умер з\к (то есть, заключённый) Ясюкович Станислав Игнатьевич 1882 года рождения. З\к Ясюкович С. И. поступил в больницу 1 июня 1946 года с диагнозом: атеросклероз, простатит, хронический цистит (воспаление мочевого пузыря), старческая дряхлость. Больной умер при падке сердечной деятельности».

Государственная архивная служба России прислала бывшему Генеральному консулу Польши в Российской Федерации г-ну М. Журавскому справку, в которой указано, что «прах кремированных польских граждан Леопольда Окулицки и Станислава Ясюковича как не востребовавший согласно практике тех лет подлежал захоронению в могиле №3 на территории Московского городского крематория» (ныне Донское кладбище Москвы).

Искренне Ваш

Александр Слоневский

16 июля 2006 года

.....

Прошло ещё некоторое время, и мне удалось осуществить давно лелеемую мечту – встретиться с миссис Ханной Шленкер. Эта встреча по невероятному стечению обстоятельств произошла в Варшаве, куда каждый из нас независимо друг от друга прибыл по своим делам. Но всё в руках Господа! Миссис Шленкер прилетела из Англии на церемонию вручения ей Президентом Польши высшей награды республики – ордена «Белого Орла», в память о 60-лети трагической смерти её отца, Станислава Ясюковича, министра подпольного польского правительства во время второй мировой войны. Я же, кроме иных запланированных мероприятий, подавал заявку на финансирование издательства книги об И. Ясюковиче в фонд «Помощь полякам на Востоке».

Сообщение ксёндза Мартина, что в Варшаву прилетает Ханна Шленкер, заставило замереть сердце. Хочу ли я увидеть её? О, Боже, что за вопрос?!

На встречу с внучкой Игнатия Ясюковича я ехал в сопровождении моих старых знакомых супругов Барбары и Михаила Журавских. Сидя в автомобиле, управляемым паном Журавским, я мысленно составлял учтиво-витиеватую фразу, которую должен произнести при знакомстве с миссис Шленкер. Однако чем более мы приближались к цели путешествия, тем сильнее я чувствовал внутреннюю дрожь, как перед экзаменом на аттестат зрелости.

Обернувшись к сидящей на заднем сидении пани Барбаре, я сказал, что необыкновенно волнуюсь и вообще не знаю, как примет меня миссис Шленкер.

- Успокойтесь, пан Александр! Пани Ханна замечательный человек, мы знакомы с нею уже многие годы. Даже не переживайте, всё будет хорошо!

И, тем не менее, стоя с букетом цветов перед дверью квартиры, мне казалось, что ещё немного и у меня подкосятся ноги. Пан Михаил нажал кнопку звонка, и дверь отворилась. В прихожей нас встретили приятной наружности мужчина и милая женщина, очевидно, его жена. Тут же из комнаты вышла к гостям и пани Шленкер. Отступать было поздно. Шагнув к Ханне Шленкер, я тут же забыл приготовленную вступительную фразу и, целуя протянутую руку, промямлил нечто невразумительное.

Приходя мне на помощь, с юмором заговорила пани Барбара:

- Слушай, Аня! Пан Александр сказал, что боится тебя. А я ему: перестань, Аня прекрасный человек, слово чести! Даю голову на отсечение, вы подружитесь! Или я не права?

Все расхохотались, и я в том числе. Как хорошо иметь таких друзей! Страхи, как примет меня внучка выдающегося промышленника и филантропа, улетучились. Встреча с Ханной Шленкер, на которой также присутствовали её сын и невестка, прошла в тёплой и радушной атмосфере. За кофе и чаем со сладостями беседа лилась сама собою. Пани Ханна Шленкер действительно оказалась сердечной и располагающей к себе женщиной.

В семье Ханны Шленкер берегут память о своём выдающемся предке. Документы, альбомы фотографий, бесценные реликвии живо напоминают о человеке, который внёс колоссальный вклад в историю дореволюционной России и, в том числе, села Каменского. Среди реликвий, хранящихся в варшавской квартире, центральное место занимают три великолепные серебряные панно. Два настенных панно датированы 1898 годом и подарены И. Ясюковичу в

Каменском служащими и рабочими в честь десятилетия его плодотворной деятельности на посту директора-распорядителя Днепровского завода.

Третье относится к 1913 году, когда Днепровские предприятия отмечали 25-летие своего существования. Приехавшему на празднования из Петербурга председателю правления ЮРДМО рабочие Кадиевских рудников вручили подарок, который уже почти век хранится потомками Игнатия Игнатьевича Ясюковича.

Пани Шленкер была приятно удивлена и обрадована сообщением, что днепродзержинский краевед намерен начать работу над книгой об Игнатии Ясюковиче, и пообещала передать копии документов и фотографий из семейного архива, относящиеся к личности её деда. Конечно же, она проявила себя человеком слова. Наверное, это семейное. Через некоторое время после встречи, её сын Янек Шленкер прислал копии нескольких неизвестных, а потому бесценных фотографий Игнатия Игнатьевича Ясюковича.

- Уважаемый Александр! – писал в сопроводительном письме Я. Шленкер. – Благодарю сердечно за Ваше письмо. Было очень приятно встретиться с Вами в Варшаве. Я очень горжусь тем, что мой прадед был такой значительной личностью в истории Каменского и необыкновенно радуюсь, что его достижения в столь большой степени стали предметом изучений, начатых такими исследователями, каковым являетесь Вы. Однако особенно хотел бы подчеркнуть значение, которое имела встреча с Вами для моей мамы.

Сердечно приветствую

Янек Шленкер

26 ноября 2006 года.

КОММЕНТАРИИ и ПРИЛОЖЕНИЯ

Часть первая

Глава «Родословная»

Позитивизм (франц. positivisme, от лат. Positivus, то есть, положительный), философское направление, исходящее из того, что всё подлинное (позитивное) знание – совокупный результат специальных наук.

Глава «Начало пути»

Петербургский Технологический институт. Идея создания в Санкт-Петербурге Практического Технологического института принадлежала Министру финансов России Е. Ф. Канкрину (1774 – 1845). 13 августа 1828 года его предложение было рассмотрено Государственным Советом, а 28 ноября 1828 года императором Николаем I было утверждено Положение о Санкт-Петербургском Практическом Технологическом институте. 1862 – 1868 годы – период крупных преобразований в институте, превративших его в специальное высшего разряда учебное заведение. Институт получил право командировать, из числа окончивших курс, технологов за границу на один год для стажировки и повышения квалификации.

Вышнеградский Иван Алексеевич (1832 – 1895). В 1862 году утверждён профессором Петербургского технологического института, где читал курс прикладной механики, сопромата, грузоподъёмных и паровых машин и другие предметы. В 1875 году назначен

директором института, в 1887 управляющим Министерства финансов, с 1888 года – Министр Финансов России. И. А. Вышнеградский в качестве основной задачи финансово-экономической политики выдвигал привлечение иностранных инвестиций в развивающуюся отечественную промышленность.

Джон Кокериль, (1790 – 1840), английский заводчик. В 1807 году вместе со своим братом Джемсом перенял основанный его отцом в Люттихе (Бельгия) машиностроительный завод. Центром его деятельности стал грандиозный завод в Серенге, который он построил вместе с Джемсом в 1816 году, вложив в дело капитал в 16 миллионов франков. В пору расцвета на этом заводе работало до 2500 рабочих. В 1833 году Джон Кокериль стал единоличным владельцем завода. Кокериль основал в разных местах Бельгии, во Франции, Германии, Испании, Польше, даже в Суринаме 60 различных промышленных предприятий. Война в Бельгии 1838 года поколебала положение Д. Кокерилия, вследствие чего он в 1839 году продал все свои предприятия, кроме заводов в Серенге и Люттихе. Затем он отправился в Россию, чтобы по поручению правительства начать новые предприятия, но на обратном пути умер. Его дело приняли сыновья.

Санкт-Петербургский чугунно-литейный завод основан по указу императора Павла I в 1801 году в результате перебазирования на новое место части Кронштадтского литейного завода. В первой половине XIX века завод едва держался на плаву и считался малорентабельным. Завод переходил от одного владельца к другому, здесь пытались произвести прокатку рельсов, но продукция не пользовалась успехом. В середине 60-х годов деятельность предприятия была приостановлена. В 1868 году завод из казны выкупил Н. И. Путилов, бывший морской офицер, инженер и предприниматель. Новый директор запустил производство за восемь дней. Прокатка рельсов со стальной головкой, более прочных и дешевых, чем английские и бельгийские, сделала знаменитым завод Путилова на всю Россию. Наряду с металлургией здесь осваивалось и механическое производство, начали выпускать товарные вагоны.

В 1868 году С. Лильпоп и В. Рау – управляющие польской государственной Фабрики машин в городе Сольце – вместе с Л. Лёвенштейном выкупили эту фабрику и в 1872 году основали акционерные Механические предприятия «Лильпоп, Рау и Лёвенштейн». В 1873 году предприятие преобразовано в акционерное общество Товарищество Промышленных Механических Предприятий «Лильпоп, Рау и Лёвенштейн» («Lilpop, Rau i Loewenstein»).

Глава «Каменское»

Дискос (греч. – круглое блюдо) – богослужебный сосуд, представляющий собой небольшое круглое металлическое блюдо с плоским широким краем, окаймляющим мелкое плоское дно. Дискос является образом того блюда, с которого Иисус Христос на Тайной вечери взял хлеб и претворил его в Свое Пречистое Тело, раздав ученикам.

Глава «Акционерная компания «ЮРДМО»

Барон Макар де Подеста, бельгийский подданный, председатель правления Южно-Русского Днепровского Металлургического Общества, председатель правления акционерного судостроительного общества. Первый большой судостроительный завод на юге России построило «Бельгийское анонимное общество Николаевских судостроительных, механических и литейных заводов», основанное промышленником Эмилем Делуа-Орбан и банкиром Робертом Сюрмондом. Председателем правления акционерного общества стал барон Макар де Подеста.

Князь Тенишев Вячеслав Николаевич (1843 – 1903). Русский промышленник и меценат, директор Южно-Русского Днепровского Металлургического Общества, член правления

Франко-русского горного общества. Главный комиссар Русского отдела Всемирной выставки в Париже 1900 года. Его отец, Н. И. Тенишев долгое время служил управляющим путей сообщения в Царстве Польском. Вячеслав Тенишев в 1860 году поступил в Санкт-Петербургский университет, откуда в связи со студенческими волнениями был отозван отцом в Варшаву. С 1861 по 1864 год князь учился в Политехникуме в Германии (Карлсруэ).

Адольф Грейнер – бельгийский подданный. Директор бельгийской металлургической и металлообрабатывающей фирмы «Джон Кокериль». Директор Южно-Русского Днепропетровского Металлургического Общества.

Георгий-Октавий Пастор – директор Южно-Русского Днепропетровского Металлургического Общества, член правлений: Общества Островецких чугуноплавильных и железоделательных заводов, Боровичского общества химических продуктов и земледобрильных веществ.

Роберт Сюрмонд – глава одноименного бельгийского банковского дома. Бельгийские инвесторы (одни из немногих) могли позволить себе не регистрировать на территории Российской империи для осуществления хозяйственной деятельности формально российские акционерные общества. Специальный межправительственный договор защищал хозяйственные права, а также гарантировал судебную защиту бельгийским фирмам наравне с отечественными.

Извлечение из Устава ЮРДМО

§ 13. Акции Общества могут быть, по желанию акционеров, именные или на предъявителя. Акции... выдаются за подписью трёх членов Правления, бухгалтера и кассира, с приложением печати Общества.

§ 14. К каждой акции прилагается лист купонов на получение по оным дивиденда в течение десяти лет.

§ 48. О времени и месте выдачи дивиденда Правление публикует во всеобщее сведение.

§ 49. Дивиденд по акциям, не потребованный в течение десяти лет, обращается в собственность Общества.

§ 58. Для получения права присутствия в Общем Собрании и подачи в нём голоса, владельцы акций на предъявителя обязаны представить в Правление свои акции... не позднее как за пятнадцать дней до дня Собрания.

Глава «Строительство завода»

В районе Каменской пристани существовал шпалопродовольный завод, принадлежащий Екатерининской железной дороге. Завод мешал функционированию Днепропетровского завода и был упразднён в 1888 году, за него и постройки ЮРДМО заплатило Екатерининской дороге 32 тысячи рублей. В 1889 году шпалопродовольный завод был снесен.

Глава «Новый директор»

Кислянский Владислав – инженер путей сообщения. Член совета и член правления Варшавского Учетного банка. Председатель правлений: Общества механических заводов «Лильпоп, Рау и Лёвенштейн», Ловичского общества химических продуктов; член правлений: Общества Стараховицких горных заводов, Южно-Русского Днепропетровского Металлургического Общества.

Братья А. М и Ю. М. Горяиновы – русские металлурги, разработали в 1894 году

технологии мартеновской плавки на жидком чугуна и успешно применили её на Александровском заводе Брянского Общества в Екатеринославе (ныне завод имени Петровского в Днепропетровске).

Горяинов Алексей Михайлович – инженер-технолог, руководитель строительства и первый директор Александровского завода в Екатеринославе (основан 22 мая 1887 года). Уже к началу XX века завод стал крупнейшим и прогрессивным металлургическим предприятием Юга России.

Горяинов Юрий Михайлович (1866 – 1923). Горный инженер, коллежский советник. Начальник мартеновского отделения Александровского завода. Член правлений: Общества для торговли изделиями русских вагоностроительных заводов, нефтепромышленного «Кавказская звезда», «Металлизатор», доверенный правления Общества Николаевских заводов и верфей.

Джон Юз (John Hughes) (1814 – 1889). Английский предприниматель, русский капиталист. С 1860 – директор английского металлургического завода, выполнял заказы русского правительства. Получив от него концессию на строительство металлургического завода, создал в 1869 акционерное Новороссийское общество каменноугольного, железного и рельсового производства, которому принадлежал построенный в 1869 – 1872 в селе Юзовка (ныне Донецк) Юзовский металлургический завод. Благодаря субсидиям русского правительства, Юз превратил завод в крупный комбинат, производивший рельсы и другие металлоизделия и располагавший собственными железными рудниками и шахтами.

Устав Санкт-Петербургского Международного Коммерческого банка был утверждён 28 мая 1869 года. В 1890 году банк имел около десяти отделений, его основной капитал оценивался в 13 млн. руб., а запасной составил 2.9 млн. руб. На 1904 год его капиталы уже достигли размеров в 24 и 12 млн. рублей соответственно. Такое стремительное развитие связывалось с тем, что банк фактически был основан на иностранные средства и служил инструментом скрытого инвестирования иностранного, в основном германского капитала, в экономику Российской империи. В основании банка важная роль принадлежала варшавскому банкирскому дому «С. А. Френкель», совладелец которого В. А. Ляский, бывший учредителем, вплоть до своей смерти в ноябре 1889 года занимал пост директора Петербургского Международного коммерческого банка.

Глава «Энциклика Папы Римского Льва XIII»

Лев XIII (до интронизации — Винченцо Джоакино Рафаэль Луиджи Печчи) (1810 – 1903), римский папа с 1878 по 1903 годы. Специфические условия, в которых после ликвидации папского государства пришлось Льву XIII осуществлять высшую власть в Католической Церкви, заставили его выработать новую модель функций папы, непогрешимый авторитет которого и верховенство в вопросах веры были признаны догматом. Он опубликовал 60 энциклик, много больше, чем любой из его предшественников или преемников. Самой известной из них является энциклика «*Regum novarum*» от 15 мая 1891 года. В ней сформулированы первые наброски официальной католической социальной доктрины, которую преемники Льва XIII дополняли и модифицировали в соответствии с изменившимися социально-политическими условиями. (Энциклика – основной папский документ по тем или иным вопросам).

Ксёндз Гиацинт Левчак (1831 – ?), первый настоятель римско-католической общины Каменского. Рукоположен в священники в 1852 году. За участие в польском восстании 1863 года ксёндз Левчак выслан в Сибирь. После отбытия ссылки ксёндз Левчак был отправлен в Самару, где находился под надзором полиции. Синод считал его «опасным для парафиан»,

поэтому хлопотал о замене этого священника более благонадёжным ксендзом. В 1900 ксёндз Гиацинт Левчак получил пост викария Одесской филиальной церкви во имя Папы Римского Святого Клементия I Херсонской губернии Одесского уезда и деканата, где служил и в 1912 году.

Глава «На полных парах»

Бардин Иван Павлович (1883 – 1960). Российский учёный, академик АН СССР (1932), Герой Социалистического Труда (1945). Руководил проектированием крупных металлургических предприятий, созданием металлургических агрегатов, разработкой и внедрением в СССР непрерывной разливки стали и кислородно-конвертерного процесса. Лауреат Ленинской (1958) и Государственной премий СССР (1942, 1949). С 1926 по 1929 годы – главный инженер (технический директор) Днепровского государственного завода в Каменском.

Глава «Столица южной металлургии»

Бродницкий Леонид Альбертович (1864 – 1907). Сын гражданского инженера Альберта Викентьевича Бродницкого, проектанта Екатеринославского костёла св. Иосифа. В 1881 году Леонид Бродницкий окончил химико-технологическое отделение Екатеринославского реального училища. Специальность гражданского инженера приобрёл в Петербургском строительном училище. В 1886 году начал работать техником Екатеринославской губернской земской управы, а через десять лет уже исполнял обязанности губернского архитектора. Основные творения зодчего Заводской церкви Каменского находятся в Екатеринославе. Самым знаменитым его созданием является дом почтово-телеграфной конторы Екатеринослава, известный как днепропетровский главпочтамт, расположенный по проспекту Карла Маркса, 62.

В ученическом билете Каменской женской гимназии, учреждённой Анной Оттовной Мороз, содержались Правила, обязательные для учениц средних учебных заведений Одесского учебного округа (в который входило и Каменское) вне стен учебного заведения и вне дома. Параграф первый Правил гласил: «При встрече с ГОСУДАРЕМ ИМПЕРАТОРОМ и членами ИМПЕРАТОРСКОЙ фамилии, с Архиепископом и с Начальником губернии ученицы обязаны останавливаться и почтительно кланяться».

Глава «Церковь и костёл: дочь и пасынок»

Романов Николай Александрович (1868 – 1918). Последний император из династии Романовых, царствовавший с 21 октября (2 ноября) 1894 года по 2 марта (15 марта) 1917 года. Вслед за свержением Николая II Российская империя прекратила свое существование, и страна вступила в период Гражданской войны. Бывший российский император Николай II, императрица Александра Фёдоровна и их дети расстреляны в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 года. Расстрел царской семьи был санкционирован Советом Народных Комиссаров и ВЦИК.

Романов Александр Александрович (1845 – 1894). Государь-император и самодержец Всероссийский Александр III Миротворец царствовал с 1881 по 1894 годы. Сын императора Александра II и императрицы Марии Александровны. «Самый русский царь». Вступил на престол: 2 (14) марта 1881 года. Короновался: 15 (27) мая 1883 года. Женат на дочери Христиана IX, короля Датского, принцессе Марии-Софии-Фредерике-Дагмаре, в дальнейшем императрице Марии Фёдоровне (1847 – 1928).

Дурново Иван Николаевич (1834 – 1903). Русский государственный деятель, дворянин. Окончил Михайловское артиллерийское училище. В 1870 – 1882 годы губернатор

Екатеринославской губернии. С 1882 года – товарищ министра внутренних дел, в 1886 – 1889 годах – главноуправляющий Собственной Его Императорского Величества Канцелярией, с 1889 по 1895 годы – министр внутренних дел. С 1895 по 1903 годы – председатель Комитета министров.

Ксёндз Валентин Хартман (Гартман) (1858 – ?). Священник Тираспольской епархии. Рукоположён в 1882 году. Работал в Мариуполе, Ямбурге, с 1911 года – настоятель приходской церкви во имя Обручника Пресвятой Девы Марии св. Иосифа. Награждён именным золотым наперстным крестом.

Епископ Тираспольский (резиденция в Саратове) Франц Ксаверий Цоттман (1826 – 1901). Возведен в сан Епископа Тираспольского 14 апреля 1872 года, находился на этом посту до 18 декабря 1889 года.

Ксёндз Болеслав Анджейкович (1874 – ?). Без должности. Рукоположен в священники в 1884 году.

Глава «Финансовое развитие Днепровского завода»

Эмиль Деллуа-Орбан – бельгийский подданный. Председатель правлений: Петро-Марьевского общества каменноугольной промышленности, бельгийского общества Сохачевской фабрики искусственного шелка, член правления Южно-Русского Днепровского Metallургического Общества.

Тразенстер Гюстав – бельгийский подданный, инженер, директор Южно-Русского Днепровского Metallургического Общества. Генеральный директор Таганрогского metallургического общества, член правления бельгийского Общества механического и котельного завода «Альберт Нев, Вильде и К».

Глава «Феномен Днепровского завода»

Журнал «Горно-Заводской листок» – издание Совета Съездов горнопромышленников Юга России. Редакция находилась в Харькове, по адресу: улица Сумская, дом 20.

Ясюкович Игнатий Казимирович, 1879 года рождения, один из наследников родового имения Дубники в Литве. Его дед Иван Андреевич Ясюкович приходился родным братом Игнатию Андреевичу Ясюковичу – отцу директора-распорядителя ЮРДМО. Таким образом, служащий Днепровского завода И. К. Ясюкович, выпускник Львовского политехнического института был троюродным племянником «железного короля» И. И. Ясюковича.

Грамм (Gramme) Зеноб Теофиль (1826 – 1901), бельгийский электротехник. Работал во Франции. В 1869 запатентовал схему кольцевого якоря, обеспечивающего получение электродвижущей силы и тока.

Мытищинский машиностроительный завод. Основан в 1897 году в г. Мытищи Московской области потомственным почетным гражданином С. И. Мамонтовым, дворянином К. Д. Арцыбушевым и гражданином Североамериканских штатов, временным Московской первой гильдии купцом, инженером А. В. Барри. В конце 1895 года они представили в Министерство финансов России проект под названием «Московское акционерное общество вагоностроительного завода». В январе 1896 года Комитет министров разрешил «учреждение означенной Компании», а ее Устав, как тогда было принято, утвердил Николай II.

Глава «Революционная волна»

Манифест об усовершенствовании государственного порядка

Высочайший манифест:

БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ
МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОР И САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОССИЙСКИЙ
Царь Польский, Великий Князь Финляндский
и прочая, и прочая, и прочая.
Объявляем всем Нашим верным подданным

Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи нашей великой и тяжелой скорбью преисполняют сердце наше. Благо российского государя неразрывно с благом народным и печаль народная — его печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроение народное и угроза целости и единству державы нашей.

Великий обет царского служения повелевает нам всеми силами разума и власти нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для государства смуты. Повелев подлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий, в охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга, мы, для успешного выполнения общих предназначаемых нами к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым объединить деятельность высшего правительства.

На обязанность правительства возлагаем мы выполнение непреклонной нашей воли:

1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.
2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей кратности остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив за сим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку, и
3. Установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы, и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей.

Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед Родиною, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле.

Дан 17 октября 1905 года

Глава «Продамет»

Договор пяти металлургических заводов Юга России о распределении между собой заказов на рельсы

15 февраля 1900 г.

1900 года февраля 15 дня мы, нижеподписавшиеся общества: Новороссийское, Брянское, Южно-Русское Днепровское, Бельгийское и Донецкое, заключили настоящее между собой соглашение с целью распределения между участвующими заводами, пропорционально производительной их способности, всех заказов рельсов как для казенных, так и для частных паровых дорог, весом 18 фунтов и более в погонном футе, за исключением рельсов специальных типов 10.

§ 1. Распределению между заводами подлежат все полученные к 1 января 1900 г. Для казенных и частных железных дорог заказы на 18-ти и более фунтовые в 1 фут рельсы, при этом участие каждого из условившихся обществ определяется на 100 единиц в пудах в следующем размере: Новороссийскому о-ву – 29,5-%, Брянскому – 25, Южно-Русскому Днепровскому-18, Русско-Бельгийскому – 15 4-%, Донецкому о-ву – 12, причем Донецкому о-ву при получении заказов 8 и более миллионов пудов в год рельсов должно отчисляться не менее 1 млн. пуд., при получении же всех заказов за год в количестве менее 8 млн. пуд. Отчисляется соответственно тому количеству (8 млн.: 1 млн. - $p = x$).

Примечание. Полученные некоторыми заводами до 1 января 1900 г. Как долгосрочные, так и другие заказы на рельсы в распределение не входят.

§ 2. Цель настоящего соглашения состоит в том, чтобы каждое из участвующих в нем общество получало заказы соответственно установленному в § 1 распределению, при котором приняты во внимание долгосрочные заказы, имеющиеся уже у заводов Русско-Бельгийского и Донецкого общества.

§ 3. Вытекающими из настоящего соглашения делами заведует совет, состоящий из представителей согласившихся обществ по одному от каждого, которые избирают председателя не из своей среды.

Местопребыванием Управления Совета избирается С.-Петербург, и каждое общество обязано иметь в том городе представителя, (стр.247) который, в случае надобности и по извещению о том Совета, может быть замещен другим лицом. Ввиду этого общества извещают председателя об избранных ими двух лицах, могущих заменять друг друга.

§ 4. О всяком предложении заказа Общество, его получающее, обязано немедленно сообщить председателю Совета, который созывает Совет для распределения между заводами предложенного заказа по точному смыслу § 1 сего договора, а в случае неудобства такого распределения, вследствие малого размера заказа или других причин, исполнение заказа предоставляет по решению Совета; при этом заводы, недополучившие причитающееся им согласно § 1 договора количество рельсов, получают его из последующих заказов в таком расчете, чтобы установленное настоящим договором распределение заказов было строго соблюдаемо и по возможности регулируемо к концу года.

В случае отказа какого-либо завода от исполнения причитающейся доли заказа таковая поступает в распределение между остальными заводами в пропорции, установленной в § 1 сего договора, и переданный таким образом к исполнению заказ не считается перебором. Только после распределения полученного заказа между заводами и по подписанию протокола по тому предмету Совет и заводы имеют право заключать с дорогами контракты на поставку рельсов в том размере, как это определено Советом.

§ 5. Все дела и вопросы, вытекающие из настоящего соглашения, решаются простым большинством голосов присутствующих в заседании представителей обществ, за исключением лишь вопросов и дел, особо в настоящем соглашении оговоренных, для каких требуется единогласное решение. Состоявшиеся вышеуказанным порядком решения безусловно обязательны для всех участвующих в настоящем обществе обществ.

§ 6. Заседания Совета созываются вообще его председателем, но каждому обществу предоставляется право просить о созыве заседаний в случаях, не терпящих отлагательства. Приглашения в заседания Совета посылаются по возможности не позже как за 3 суток до дня,

назначенного для совещания, в экстренных же случаях – накануне заседания. В повестках обозначается перечень подлежащих рассмотрению дел и вопросов. Если в заседание не явится представитель какого-либо общества, то заседание это считается несостоявшимся и созывается вторично, по возможности не ранее 3 суток после несостоявшегося, которое признается действительным, несмотря на число явившихся представителей обществ. Результаты совещаний и постановлений каждого заседания заносятся в протокол, который подписывается участвующими в заседании членами не позже следующего за сим дня заседания. Засвидетельствованные копии журналов председатель сообщает представителям каждого общества не позже как через 3 дня после их подписания. Только те постановления и решения представителей собравшихся обществ признаются обязательными для всех действующих в соглашении обществ и не нарушившими это соглашение, которые оговорены в протоколах, подписанных большинством.

Председатель Совета обязан следить за точным исполнением согласившимися обществами всех требований настоящего соглашения и всех постановлений Совета, сообщая о всяком нарушении как сих требований, так и постановлений Совету с занесением таких сообщений в протоколы заседаний Совета.

§ 7. По подписании настоящего соглашения общества обязаны в 10-дневный срок доставить председателю Совета ведомости об исполняемых и имеющихся у них заказах рельсов, не вошедших в настоящее соглашение, со всеми относящимися к таким заказам документами. Исполнение без ведома и согласия Совета заказов, не вошедших в эти ведомости, считается нарушением настоящего соглашения. Соглашение сие обязательно для участвующих в нем обществ со дня подписания настоящего договора по 1 января 1903 г. По истечении срока настоящего соглашения оно может быть возобновлено по взаимному соглашению, причем во всяком случае общества обязуются за месяц до упомянутого срока заявить письменно председателю Совета, желают ли они возобновить сие соглашение или прекратить его действие.

§ 8. Прекращение действия сего соглашения всецело или части его ранее установленного срока может быть решено лишь единогласно, и тогда председатель Совета совместно с представителями обществ производит ликвидацию всех дел по точному смыслу сего соглашения и к сроку прекращения действия соглашения, назначенному единогласно, представляет к утверждению подробный расчет.

§ 9. Увеличение числа соучастников соглашения может состояться не иначе как по единогласному постановлению всех ныне участвующих обществ.

§ 10. Соглашение сие должно быть исполняемо участвующими по точному его смыслу согласно его конечной цели и по доброй совести, причем стороны обязуются соблюдать его свято и нерушимо, ручаясь в этом смысле добрым именем.

Подписали: В. Голубов, А. Бунге, М. Игнациус, Л. Рапильен, Э. Постер.

(«Монополии в металлургической промышленности России. 1900 – 1917». М.; Л., 1963. С. 19-21)

.....
Протокол первого учредительного собрания акционеров «Продамета»
(3 октября 1902 года)

Ввиду последовавшего 5 июля сего года Высочайшего утверждения Устава Общества для продажи изделий русских металлургических заводов, учредителями сего Общества М. И. Игнациусом и П. Г. Дарси были приглашены в настоящее общее собрание все лица, заранее заявившие согласие принять участие в учреждаемом учредителями Обществе, вследствие чего в настоящее собрание прибыли уполномоченные обществ, подписавшихся на все

количество 3600 акций с правом, согласно §55 Устава, на 164 голоса, а именно:

- 1) Южно-Русское Днепроовское металлургическое общество на 462 акции, 18 голосов.
- 2) Донецкое общество железодельного и сталелитейного производств 239 акций, 11 голосов.
- 3) Урал-Волжское металлургическое общество 454 акций, 18 голосов.
- 4) Общество «Русский Провиданс» 328 акций, 16 голосов.
- 5) Никополь-Мариупольское металлургическое общество 375 акций, 18 голосов.
- 6) Генеральное общество Макеевских сталелитейных заводов 274 акций, 13 голосов.
- 7) Общество Брянского сталелитейного рельсового завода 100 акций, 5 голосов.
- 8) Общество машиностроительного завода Гартман 287 акций, 14 голосов.
- 9) Общество завода «Гута Банкова» 375 акций, 18 голосов.
- 10) Общество Островецких заводов 239 акций, 11 голосов.
- 11) Таганрогское металлургическое общество 270 акций, 13 голосов.
- 12) Общество Выксунских горных заводов 197 акций, 9 голосов.

Ввиду изложенного, признавая настоящее собрание законно состоявшимся, учредители, открывая действие учреждаемого ими Общества, предложили акционерам избрать из своей среды председателя общего собрания и приступить к обсуждению подлежащих по Уставу вопросов. Председателем сего первого общего собрания единогласно избран Игнатий Игнатьевич Ясюкович, который открыл заседание общего собрания в 3 часа дня и, избрав себе секретарем присяжного поверенного В. К. Гимбута, предложил акционерам приступить к обсуждению подлежащих к разрешению общего собрания вопросов. За обсуждением всех вопросов господин председатель закрыл заседание общего собрания в 4 часа 50 минут. Подлинный (протокол) подписали: И. Ясюкович, Н. Авдаков, П. Дарси.

Авдаков Николай Степанович (1847 – 1915) – промышленный деятель, горный инженер; с 1882 года член, а в 1900 – 1905 годах – председатель Совета съездов горнопромышленников Юга России. Действительный статский советник. В 1906 году Н. Авдаков избран членом Государственного совета от промышленности. В 1907 – 1915 годах – председатель Советов съездов предпринимателей в России. Был тесно связан с иностранным (преимущественно французским) финансовым капиталом; активно содействовал образованию монополий в России. Являлся председателем совета «Продугля» и членом совета «Продамета».

Дарси Пьер – французский предприниматель, в дальнейшем один из председателей Совета «Продамет». П. Дарси – представитель «Банка Парижского союза», член правления Соединенного банка, Донецко-Юрьевского металлургического общества, Общества Комаровских железорудных месторождений и Южно-Уральских горных заводов, Общества Ревельского химического завода «Рихард Майер»; директор: горнопромышленного и химического общества «Алагирь», Российского строительного общества, Общества Железнодорожных ветвей, Общества Ревельской писчебумажной фабрики «Э. И. Иогансон»; член правлений: Общества Соединенных цементных заводов, «Франко-Русской компании цемента в Геленджике».

Параллельно с «Продаметом» в 1902 году возник «Синдикат по продаже специальных чугунов» (ферросилиция и зеркального), в который вошли шесть южных заводов: Каменской, Донецко-Юрьевский, Новороссийский, Ольховский, Русско-Бельгийский и Александровский. В том же 1902 году ряд предприятий, производивших проволочно-гвоздильные изделия – Московский металлический завод, Общество Петербургских железопрокатного и проволочного заводов, Рижский металлический завод «Этна», Русско-Балтийский завод,

Либавские металлические заводы, Общество «Рижская проволочная промышленность» и другие – создали синдикат «Гвоздь». В 1903 году к ним присоединились Общество Гантке, Южно-Русское Днепро-Донецкое Металлургическое Общество, Донецкое, Брянское общества и Гута Банкова, и был подписан договор о монополизации сбыта проволочного железа. Однако фактически синдикат начал действовать в 1904 году, когда в него вошли 35 предприятий.

Глава «На посту директора-распорядителя ЮРДМО»

Совет Съездов Представителей Промышленности и Торговли – постоянный орган всероссийской организации крупной буржуазии. Совет Съезда и назначаемый им Комитет осуществляли общее руководство деятельностью организации. Председателями Совета Съездов были В. Тимирязев (1906), Н. Авдаков (1907 – 1915), Н. Кутлер (1917). Совет Съездов распущен в 1918 году.

Морозов Савва Тимофеевич (1862 – 1905). Предприниматель, выдающийся меценат, родом из купеческой семьи, внук основателя Морозовской династии Саввы Васильевича Морозова. Савва Тимофеевич Мороз окончил Московский университет, после чего уехал в Англию для изучения химии в Кембриджском университете. После возвращения на родину, продолжил семейное дело и за короткое время превратил фабрику Никольская мануфактура в одну из самых производительных и доходных в России.

Нобель Эммануил Людвигович (1859 – 1932). Происходил из семьи шведских предпринимателей, владевших огромными нефтяными промыслами в Баку. Главный владелец и руководитель машиностроительного завода «Людвиг Нобель» в Петербурге и товарищества нефтяного производства «Братья Нобель». С 1913 года возглавлял Петербургское общество заводчиков и фабрикантов.

Гукасов Павел Осипович (1858 – ?). Инженер, крупнейший Бакинский нефтепромышленник. Председатель съездов Бакинских нефтепромышленников (1890 – 1906, 1915 – 1917), член Государственного совета в 1906 – 1912 годах, председатель совета Русского торгово-промышленного банка с 1916 года. После октябрьского переворота 1917 года эмигрировал в Париж.

Бобринский Алексей Александрович (1852 – 1927). Крупный землевладелец, сахарозаводчик. С 1906 года – председатель Совета объединённого дворянства Петербургской губернии. Сенатор, член Государственного Совета с 1912 года, депутат Третьей Государственной Думы, председатель совета Русско-английского банка, министр земледелия в 1916 году. Эмигрировал в 1919 году.

Глезмер Станислав Петрович (1853 – 1916). Выпускник Петербургского технологического института (1875). С 1897 председатель петербургского общества для содействия развитию фабрично-заводской промышленности. В 1906 член Государственного совета.

Жуковский Владислав Владиславович (1860 – 1916). Окончил Варшавский университет и Петербургский горный институт. В 1895 – 1905 годах главный инженер, а затем директор Общества Брянского машиностроительного завода, председатель Съезда горнопромышленников Царства Польского, член Второй и Третьей Государственных Дум, где возглавлял группу «Польское коло» («Польский круг»). В. В. Жуковский, близкий к умеренно-либеральной оппозиции ратовал в Думе за более активную роль промышленников в экономической жизни страны.

Четвериков Сергей Иванович (1851 – 1929). Известный предприниматель, меценат, заметный политический деятель умеренно-либерального толка. Вершиной его политической карьеры стало участие в создании в 1912 году партии прогрессистов, в которую вошли крупнейшие представители российского бизнеса.

Крестовников Григорий Алексеевич (1855 – 1918). Председатель совета Московского купеческого банка и руководитель ряда фирм. Председатель Московского биржевого

комитета в 1906 – 1915 г.г. Один из основателей «Союза 17 октября» и член его ЦК.

Коновалов Александр Иванович (1875 – 1948). Крупный российский предприниматель и государственный деятель. В 1905 году он становится одним из организаторов торгово-промышленной партии. В 1912 году участвует в создании и входит в центральный комитет партии прогрессистов. С 1906 года член Совета съездов представителей промышленности и торговли, с этого же года старшина, а затем в 1908–1911 годах – товарищ председателя Московского биржевого комитета. В 1908–1911 годах занимает пост председателя Совета Российского страхового союза. В 1912 году становится одним из учредителей и членов Совета Акционерного коммерческого банка Рябушинских и Русского акционерно-промышленного общества.

Рябушинский Павел Павлович (1871 – 1924). Совладелец банкирского дома «Братья Рябушинские» и председатель совета организованного на его основе Московского банка. С 1906 старшина (с 1915 председатель) Московского биржевого комитета, член Совета съездов представителей промышленности и торговли. Один из инициаторов создания партии прогрессистов, член ЦК и председатель ее Московского комитета. С июня 1915 года председатель Московского Военно-Промышленного комитета. Был избран в Государственный Совет.

Нератов Анатолий Анатольевич (1863 – 1929?). Видный политический деятель царской России, гофмейстер Высочайшего двора, бессменный товарищ министра иностранных дел (с 1910 года до февральской революции). Член Государственного совета по назначению. Вице-директор 1-го департамента Министерства иностранных дел, временно управляющий министерством (1916).

Беляев Сергей Петрович (1847 – 1911). Российский предприниматель и политический деятель, лесоторговец. Член Петербургского биржевого комитета, Совета Государственного банка, Совета торговли и мануфактур. С 1907 года член ЦК и Петербургского городского комитета «Союза 17 октября». Депутат 3-й Государственной думы, один из создателей и лидеров Торгово-промышленной группы (создана из членов Думы и Государственного совета для защиты интересов российских предпринимателей).

Глава «От синдиката к сверхмонополии»

Гужон Юлий Петрович (1852 – 1918). Французский подданный, купец 1-й гильдии, промышленник. Член совета Российского Взаимного страхового союза. Председатель правления Товарищества Московского металлического завода. На его заводе был низок уровень механизации и высок травматизм, поэтому завод называли «костоломным». Член правления Товарищества Шелковой мануфактуры в Москве, являлся членом Постоянной совещательной конторы железозаводчиков, Московского биржевого комитета, Совета съездов представителей торговли и промышленности. В 1907 – 1917 годах бессменный председатель Московского общества заводчиков и фабрикантов.

Совет съездов горнопромышленников Юга России (1874 – 1918). Наиболее влиятельный отраслевой Совет съездов российских предпринимателей. Сыграл большую роль в создании синдикатов «Продамет» и «Продуголь». Председатели Совета – Н. С. Авдаков (1900 – 1905), Н. Ф. фон-Дитмар (1905 – 1918). Господство крупных компаний на съезде – таких как «Продамет», «Продуголь» и других – не ограничивалось только численным превосходством. Чтобы закрепить своё положение в Совете съезда, они основали институт так называемых почётных членов, избираемых открытым голосованием пожизненно с правом решающего

голоса. Вследствие этого, в Совете съезда образовался неофициальный комитет (около 10 человек), который, по сути, руководил всеми делами съезда. В него входили представители самых крупных предприятий горнопромышленного производства: Н. С. Авдаков, Н. Ф. фон-Дитмар, И. И. Ясюкович, Ф. Е. Енакиев, А. А. Ауэрбах и другие. (О. В. Щербинина, «Региональная представительская организация – съезд горнопромышленников юга России»).

Фон-Дитмар Николай Федорович (1865 – 1919). Горный и общественный деятель юга России, из эстляндских дворян, действительный статский советник. Служил на Путиловском заводе, затем на постройке Рязанско-Казанской железной дороги. С 1895 заведовал Статистическим бюро совета Съезда горнопромышленников Юга России, занимал должность секретаря Съезда, а с 1906 был избран председателем совета Съезда. Член Государственного Совета (1913 – 1916), избранным от промышленников, владелец машиностроительного завода в Харькове. Председатель правления Новосильцевского каменноугольного общества, член правления Алексеевского горнопромышленного общества. Член Общества пособия увечным горнорабочим юга России. Умер от тифа во время Гражданской войны.

Енакиев Фёдор Егорович (1852 – 1915). Потомственный дворянин, инженер путей сообщения, статский советник. Директор: Общества Северо-Донецкой железной дороги, Русско-Бельгийского металлургического общества, Русского паровозостроительного и механического общества, член правления Компании С-Петербургского металлического завода.

Ауэрбах Александр Андреевич (1844 – 1916). Дворянин Тульской губернии, правнук саксонского купца, горный инженер, действительный статский советник. Инициатор созыва первого Съезда горнопромышленников юга России, консультировал работу соляных промыслов в Крыму и золотых промыслов на Урале. В 1885 обследовал ртутное месторождение в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии вблизи Горловки, составил проект рудника и завода, был главным акционером и директором-распорядителем «Товарищества Ртутного производства А. Ауэрбах и К». С 1887 производство ртути на заводе полностью обеспечивало потребности России.

Витте Сергей Юльевич (1849 – 1915). Граф, российский государственный деятель; с 1889 года – директор департамента железных дорог Министерства финансов, с августа 1892 по 1903 годы – министр финансов, с августа 1903 года – председатель Комитета министров. В 1905 году возглавлял русскую делегацию, подписавшую Портсмутский мирный договор России с Японией. С октября 1905 года по апрель 1906 года – глава Совета министров. Член Государственного совета и председатель Комитета финансов до 1915 года.

Глава «25-летний юбилей»

Эрдели С. А. – статский советник, горный инженер. Член правлений: Богословского горнозаводского общества, Товарищества Берестовской каменноугольной промышленности, Таганрогского металлургического общества.

Сытин Иван Дмитриевич (1851 – 1934) – крупнейший в дореволюционной России книгоиздатель.

Щукин Сергей Иванович (1854 – 1936) – московский купец и коллекционер искусства, собрание которого положило начало коллекциям французской модернистской живописи в Эрмитаже.

Каратыгин Вячеслав Гаврилович (1875 – 1925) – музыкальный критик. Пропагандист творчества А. Н. Скрябина, С. С. Прокофьева, И. Ф. Стравинского. Профессор Петроградской консерватории. Автор музыкальных произведений.

Майдель Игнатий Николаевич (1874 – 1930), барон, русский генерал-лейтенант. В 1915 году по собственной просьбе переведен в действующую армию и назначен командиром 2-го дивизиона 10-й артиллерийской бригады. После Октябрьской революции занял пост начальника артиллерии Донской армии, возглавлял оборону Екатеринодара. После поражения белых армий в ноябре 1920 года эмигрировал в Югославию. С 1922 года ассистент на химической кафедре Люблянского университета, затем ординарный профессор, начальник лаборатории химической технологии. Автор трудов по металлургии и химии.

Глава «Уход Ясюковича»

Поповский Тадеуш, инженер-технолог, окончил в 1890 году Петербургский Технологический Институт, работал в Нойштадте (Neustadt) под Веной, вначале как рабочий на фабрике паровозов, но уже через два года состоял в Петербурге на должности конструктора железнодорожного подвижного состава. Впоследствии вернулся в Польшу и как прекрасный директор-распорядитель акционерного общества «Островецких чугуноплавильных и железоделательных заводов» пользовался необыкновенным авторитетом в широких промышленных кругах Царства Польского. Инженер Поповский являлся также директором Общества Жирардовских мануфактур Гилле и Дитриха (Варшава), членом правления Варшавского общества для торговли железом и сталью.

Бабецкий Ефим Моисеевич (1860(?) – 1916) (псевдоним И. Тавридов) – драматург, переводчик, журналист.

Часть вторая

Глава «...и к злодеям причтён»

Алчевский Алексей Кириллович (1835 – 1901). Промышленник и банкир. Основатель ряда банков, в том числе первого в России акционерного ипотечного банка, а также ряда промышленных предприятий. Финансировал педагогическую и просветительскую деятельность жены – Х. Д. Алчевской. Во время экономического кризиса конца 19 – начала 20 столетий оказался на грани банкротства и покончил собой.

Павлов Михаил Александрович (1863 – 1958). Российский металлург, академик АН СССР (1932), Герой Социалистического Труда (1945). По окончании Петербургского горного института (1885) работал инженером на металлургических заводах Вятского горного округа. В 1900 году начал педагогическую деятельность в Екатеринославском высшем горном училище (ныне Днепропетровский горный университет), в 1904 – 1941 годах профессор Петербургского политехнического института; одновременно в 1921 – 1930 годах профессор Московской горной академии, в 1930 – 1941 годах профессор Московского института стали.

Глава «Охрана труда и травматизм на Днепровском заводе»

Литвинов-Фалинский Владимир Петрович – административный деятель и писатель. Родился в 1868 году, образование получил в Санкт-Петербургском технологическом институте. Был фабричным инспектором; в 1905 – 1915 годах управлял отделом промышленности министерства торговли и промышленности. Принимал ближайшее участие в разработке вопросов рабочего законодательства, особенно законов 1912 года о страховании рабочих; выступал по этим вопросам, как представитель правительства, в Государственной думе. Главный его труд: «Ответственность предпринимателей за увечья и смерть рабочих по

действующим в России законам» (СПб., 1898; 3-е издание, 1903)

Глава «Соратники»: Гужевский

Харьковский Технологический Институт – первый технический вуз в малороссийских провинциях Российской империи и второй технологический институт империи после Санкт-Петербургского. Открыт в 1885 году как практический технологический институт с двумя отделениями — механическим и химическим, на которые принималось 125 человек. В момент открытия в институте было 17 преподавателей, 10 профессоров и 7 адъюнкт-профессоров.

Гданцевский (Криворожский) чугуноплавильный завод, пущен в 1892 году. Основным и единственным производством на заводе было доменное.

Глава «Соратники: Вильга»

Всероссийский Союз Городов организован в 1914 году представителями буржуазии для помощи правительству в снабжении армии вооружением и снаряжением.

Глава «Соратники: Болеховский»

Сима Войцех-Альберт Францевич – потомственный почетный гражданин. Член правлений Южно-Русского Днепровского Металлургического Общества (главный бухгалтер ЮРДМО), а также Торгово-промышленного общества «Л. И. Борковский» (Варшава). На Днепровском заводе занимал пост начальника бухгалтерии (1893 – 1904), председатель Екатеринославского общества гребного плавания в Каменском.

Абермет Фридрих-Вильгельм Яковлевич, вице-консул Германской империи в Екатеринославе. Родился 11 января 1858 года в Екатеринославе, умер 7 июня/25 мая 1919 года в Каменском от болезни печени. Был женат на Берте, урождённой Дорбеге, погребен 9 июня/27 мая в 12 часов дня на Заводском кладбище кистером (то есть, законоучителем при кирхе) Г. М. Менниксером (ГАДО. Ф.193. Оп.3. Д.400 Свято-Лютеранский филиальный приход. Смерти).

Глава «Патриот Днепровских предприятий»

Голдштауб Леон Исидорович – инженер-механик. Директор-распорядитель Русского общества «Всеобщая компания электричества», директор Общества «Электропровод»; член правлений: Русского общества для применения озона, «Соединенные кабельные заводы», Русского автомобильного общества «И.А.Г.»

Шебеко Игнатий-Людвик Альбертович (1857 – ?) – присяжный поверенный, член Государственного Совета от земледельцев Царства Польского, в Государственной Думе России входил в группу «Польское коло» («Польский круг»). Совладелец и представитель торгового дома, вице-председатель Варшавско-Венской железной дороги.

В 1907 году Игнатий Игнатьевич Ясюкович пожертвовал 13 тысяч 749 рублей личных средств на строительство в селе Каменское мужской гимназии. Для сравнения весь годовой бюджет земского образования в Каменском составлял около 3-х тысяч рублей. При довольно условном переводе курса царского рубля в современные деньги, вырисовывается следующая картина. 1 царский рубль = 22,4 долл. США. А значит, 13 тысяч 749 рублей составляют, ни много, ни мало, 307 тысяч 977 долларов!

Радзиминский Бронислав Гаргоньевич, дворянин Плоцкой губернии, капельмейстер Фабричного оркестра Днепровского завода, председатель Каменского Общества любителей эсперанто.

Эпилог: земля с могилы Ясюковича

Глава «Земля с могилы Ясюковича»

Станислав Ясюкович – сын Игнатия Игнатьевича Ясюковича. Член Правления ЮРДМО. Во время Второй мировой войны – министр подпольного польского правительства. В 1945 году обманным путём арестован НКВД и приговорён к пяти годам исправительно-трудовых лагерей на московском «Процессе шестнадцати», умер в бутырской тюрьме 22 октября 1946 года.

Михаил Ясюкович – сын Станислава Ясюковича, старшего брата Игнатия Ясюковича, директора-распорядителя ЮРДМО. Уроженец Петроградской губернии, вероисповедание – православное, воспитывался в 1-м кадетском корпусе. Окончил Николаевскую Инженерную Академию, генерал-майор, экстраординарный профессор Николаевской Инженерной Академии. Награждён орденами Св. Станислава 3-й степени, Св. Анны 3-й степени, Св. Станислава 2-й степени, Св. Анны 2-й степени, Св. Владимира 4-й степени, Св. Владимира 3-й степени [46].

Игнатий и Ян Ясюковичи – сыновья Игнатия Игнатьевича Ясюковича.

Анджей Ясюкович – сын министра подпольного польского правительства Станислава Ясюковича, внук Игнатия Игнатьевича Ясюковича.

ИСКРЕННЯЯ БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА ПОМОЩЬ ПО СОЗДАНИЮ КНИГИ

Ханне Шленкер, внучке И. И. Ясюковича (Растингтон, Англия)
Станисласу Ясюковичу, правнучатому племяннику И. И. Ясюковича (Боннеукс, Франция)
Янеку Шленкеру, правнуку И. И. Ясюковича (Лондон, Англия)
Томасу Ясюковичу, правнуку И. И. Ясюковича (Йоганнесбург, Южная Африка)
Полу Бредбиеру (Днепропетровск, Украина – Лондон, Англия)
Анджею Ходкевичу (Варшава, Польша)
Ярославу Ксёнжек (Польша)
Эльжбете Ксёнжек (Польша)
Александре Журавской (Варшава, Польша)
Михаилу Журавскому (Юзефув, Польша)
Барбаре Журавской (Юзефув, Польша)
Ксёндзу Мартину Янкевичу (Люблин, Польша)
Владиславу Пёнтеку (Варшава, Польша)
Наталье Будковой (Кадиевка-Стаханов, Украина)
Ольге Гоциридзе (Днепродзержинск, Украина)
Михаилу Журу (Харьков, Украина)
Константину Крымову (Москва, Россия)
Ольге Таланкиной (Днепродзержинск, Украина)
Марине Тихомировой (Днепропетровск, Украина)
Нине Цыганок (Днепродзержинск, Украина)
Ирине Шапочкиной (Днепродзержинск, Украина)

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Азаров М. Из истории монополизма в России: Тайна первого треста // Русский фокус.– 2003.– 7 мая.
2. Алфавитный реестр умерших в селе Каменское в 1894 году. ГАДО. – Ф. 193.– Оп. 3. – Д. 400. №71.
3. Бовыкин В. Формирование финансового капитала в России // Металлоснабжение и сбыт.– 2002.– № 9.
4. Боханов А. Деловая элита России. 1914 г.– Москва, 1994.
5. Буланова Н. Невідомі сторінки в історії Кам'янського (за матеріалами Російського державного історичного архіву м. Санкт-Петербургу) // Скарби музею: 36. статей: Матеріали обл. наук. конф. до Міжнар. дня музеїв 2003 р.– Дніпропетровськ, 2005.– С. 56–63.
6. Бурыйшин П. Москва купеческая.– М.: Высшая школа, 1991.
7. Вехи столетней истории / В. Попруга, П. Каракаш, В. Базарянинов.– Днепропетровск: Промінь, 1989.
8. ГАДО.– Ф. 193.– Оп. 3.– Д. 153.– № 42.
9. ГАДО.– Ф. 193.– Оп. 3.– Д. 153.– № 67.
10. ГАДО.– Ф. 193.– Оп. 3.– Д. 154.– № 229.
11. ГАДО.– Ф. 193.– Оп. 3.– Д. 154.– № 393.
12. Горно-Заводское дело.– 1913.– № 35.
13. Горно-Заводское дело.– 1913.– № 37.
14. Горно-Заводское дело.– 1914.– № 39.
15. Горно-Заводской листок.– 1907.– № 4.
16. Горно-Заводской листок.– 1908.– № 114.
17. Гужон Ю. Несколько слов по вопросу об увеличении оборотных средств в народе и привлечении в Россию иностранных капиталов.– М., 1909.
18. Дела металлургов // Южная Заря.– 1913.– 16 января.
19. Документы по истории монополистического капитализма. Т. 6.– М., 1959.– С. 173–195.
20. Донбасс. Южно-горно-промышленный район / Под ред. Э. С. Баженина.– М.: Транспечать НКПС, 1928.
21. Журнал Екатеринославского губернского по земским и городским делам присутствия от 1 ноября 1913 года.
22. Журнал Екатеринославского уездного земского медицинского совета.– 1911.– 5 сентября.
23. Історія міст і сіл Української РСР. Дніпропетровська область.– К., 1969.
24. Книга записей венчаний Каменского приходского костёла за 1905 год.
25. Коцюбинський Т. Жовтнем народжений.– Дніпропетровськ: Промінь, 1969.
26. Лившин Я. Монополии в экономике России // Металлоснабжение и сбыт.– 2002.– № 9.
27. Ліхтарик.– 2006.– 19 мая.– (№20).
28. Мезенцев В. Бардин.– М.: Молодая гвардия, 1970. (ЖЗЛ).
29. Но была и другая правда // Знамя Дзержинки.– 1994.– 26 июля.
30. Новая Россия.– 1919.– 23 июня.
31. Новое время.– 1914.– 28 августа.
32. Новое время.– 1914.– 29 августа.
33. Описаніє Днепровскаго завода Южно-Русскаго Днепровскаго металлургическаго общества.– Варшава: Издание ЮРДМО, 1908.

34. Отклики жизни.– 1913.– 1 сентября.
35. Отклики жизни.– 1913.– 8 сентября.
36. Отклики жизни.– 1913.– 9 сентября.
37. Отклики жизни.– 1914.– 30 августа.
38. Отклики жизни.– 1915.– № 996.
39. Очерки современного состояния горно-заводского дела в Донецком бассейне профессора Ив. Тиме. § 3. Чугуноплавильный и рельсопрокатный завод «Южно-Русского Днепровского металлургического общества // Горный журнал.– 1889.– Т. 1.– Январь-февраль-март.– С. 38–66.
40. Павлов М. Воспоминания инженера.– М., 1945.
41. Петербургский Генеалогический Портал: www.petergen.com.
42. Письмо Станисласа Ясюковича А. Слоневскому от 10.06.2006.
43. По Екатерининской железной дороге. Вып. 1.– Екатеринослав, 1903.
44. Рагозин Е. Железо и уголь на Юге России.– СПб, 1898.
45. Расчетная книжка утвержденная присутствием по горнозаводским делам при горном управлении Южной России. Днепровского завода Южно-Русского Днепровского Металлургического Общества. 1907.
46. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф. 409.– Оп. 1.– Послужной список № 145–021.
47. Российский Государственный Исторический Архив (Санкт-Петербург). Ф. 23.– Оп. 24.– Д. 42.– Л. 1–4; 2.– С. 167.
48. Сабов М. Осмысливая прошлое // Відомости.– 2006.– 9 серпня.
49. Слоневский А. И. И. Ясюкович. К 145-летию со дня рождения // Знамя Дзержинки.– 1992.– № 45, 46, 47.
50. Слоневский А. Польская колония в украинском селе Каменское // Знамя Дзержинки.– 1994.– 12, 17, 19, 26 мая.
51. Собоцкий В. История Польши.– Изд. 2-е. Т. 3-й.– С. 16, 17.
52. Список домовладельцев с. Каменского Екатеринославского уезда и служащих завода Днепровского металлургического общества, занимающих заводские квартиры.– Каменское, 1910.
53. Утро.– 1914.– 29 августа.
54. Утро.– 1914.– 2 сентября.
55. Утро.– 1915.– 15 декабря.
56. Фабрично-заводские предприятия Российской империи. Изд. 2-е.– Петроград, 1914.
57. Феодосий (Макаревский А.) Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии.– Дніпропетровськ: Дніпрокнига, 2000.
58. Хромов П. А. Экономическая история СССР. Период монополистического и промышленного капитализма.– М.: Высшая школа, 1982.
59. Хряпін Е. Підприємці та акціонерні товариства з Польщі в соціально-економічному розвитку Донецько-Придніпровського регіону (друга половина ХІХ – початок ХХ ст.).– Харків: Майдан, 2006.
60. ЦГИА Украины.– Ф. 313.– Оп. 2.– Д. 2150.
61. Чабан М. Мандрівки старим Кам'янським.– Дніпропетровськ: ІМА-ПРЕС, 2004.
62. Чабан Н. Дело жизни Игнатия Ясюковича // Зоря.– 2006.– 20 июля.
63. Шапочкіна І. Історія та топоніміка Кам'янського кін. ХІХ поч. ХХ ст. Історична довідка.– 4 с. (Машинопис).
64. Южная Заря.– 1912.– 12 февраля.
65. Южная Заря.– 1912.– 21 июня.

66. Южная Заря.– 1912.– 27 июня.
67. Южная Заря.– 1913.– 12 февраля.
68. Южный Край.– 1904.– 29 декабря.
69. Южный Край.– 1914.– 3 сентября.
70. Южный Край.– 1914.– 7 сентября.
71. Южный Край.– 1917.– 26 сентября.
72. ЮРДМО. Краткое описание завода и его производительность. 1912 год. Июнь
месяц.– Екатеринослав, 1912.
73. Яворницький Д. І. Запорожжя в залишках старовини і переказах народу.–
Дніпропетровськ: АРТ-ПРЕС, 2005.
74. Archiwum panstwowe. st. Warszawy, oddzial w Kutnie. Dzial 1.
75. Gurska Maria z Lubenskich. Gdybym mniej kochala. Dziennik lat (1896–1906).
76. Ignacy Jasiukowicz: Monografia.– Warszawa, 1944.
77. Jasiukowicz M. Jeden z szesnastu sadzonych w Moskwie 18-21 06.1945. Przegląd
Powszechny №2/1987. Warszawa.
78. Jeden z szesnastu sadzonych w Moskwie 18-21 06.1945.
79. Kamienskoe w maiu // Kraj.– 1898.– № 22.– Str. 15–16.
80. Kurjer Litewski.– 1914.– 28 sierpnia.
81. Polski slownik Biograficzny, 1964.– T. 11.– Str. 59.
82. Przegląd Powszechny.– 1987.
83. Przegląd Techniczny. – Warszawa, dnia 4 grudnia 1913.
84. Wierzbicki A. Zywy Lewiatan: Wspomnienia / Wstep i opracowanie P. Wierzbicki.–
Warszawa: Krajowa agencja wydawnicza, 2001.
85. Yassukovich S. The Story of Two Polish Nobles: Victim of Soviet Betryal // White
Eagle.– 2005.– fall / winter.
86. Zamarajew J. W krainie zelaza // Kraj.– 1898.– № 44.
87. Zrudla powodzenia // Przegląd Techniczny.– 1913.– dnia 4 grudnia.
88. Промышленность и Торговля. – 1913. т. XII - №17. – 1 сент.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая

«владелец металлургической короны»

Слово к читателю
 Вместо предисловия
 Вступление
 Родословная
 Начало пути
 Каменское
 Акционерная компания «ЮРДМО»
 Строительство завода
 Новый директор
 Энциклика Папы Римского Льва XIII
 На полных парах
 Столица южной металлургии

Церковь и костёл: дочь и пасынок
Финансовое развитие Днепроовского завода
XVI Всероссийская выставка в Нижнем Новгороде
1897 год
Тайна иконы Божьей Матери
Интервью с Ясюковичем
Феномен Днепроовского завода
Революционная волна
Продамет
На посту директора-распорядителя ЮРДМО
От синдиката к сверхмонополии
Завещание Ясюковича
Каменское: двадцать лет спустя
25-летний юбилей
Уход Ясюковича
Судебное определение

Часть вторая

«...и к злодеям причтён»

- образование
- травматизм на Днепроовском заводе
Великий поляк
Соратники:
- Гужевский
- Сундгрэн
- Макомаский
- Вильга
- Болеховский
Патриот Днепроовских предприятий
Заключение

Эпилог: земля с могилы Ясюковича

Земля с могилы Ясюковича
Встреча с внучкой Ясюковича
Пол Бредбиер: впечатления от встречи с Ханной Шленкер
Рог изобилия
Источники и литература

Рецензия на книгу А. Слоневского

«Игнатий Ясюкович. Имя в истории»

Далеко не каждому профессиональному историку под силу собрать колоссальный материал и на его основе издать такую солидную монографию, какой является книга Александра Слоневского «Игнатий Ясюкович. Имя в истории». Это – добросовестное, скрупулёзное исследование о необыкновенно колоритной фигуре позапрошлого века Игнатии Игнатьевиче Ясюковиче.

Александру Слоневскому – биографу И. Ясюковича – удалось через столетие восполнить имеющиеся доселе пробелы в краеведческих исследованиях по данной теме, а значит – и о Днепровском заводе, детище И. Ясюковича.

Вызывает глубокое уважение география сбора материалов: 15 городов в 7 странах мира! И не случайно поэтому с большим интересом читается «Эпилог» – этот самозабвенный рассказ автора, кажется, не отдающий себе отчёта: что важнее показать – многогранную Личность Ясюковича или поделиться секретами успешной поисковой работы. Этим секретами, бывает, всю жизнь учатся музейные работники-профессионалы, а к концу карьеры «для сбора камней» требуется лишь одна небольшая корзинка. Увлечённому краеведу А. Слоневскому удалось наполнить по одной теме несколько корзин!

С такой непростой задачей успешно справился А. Ю. Слоневский – инженер-металлург по профессии, почти два десятилетия продолжавший жизнь рабочей династии Кальвасинских-Бухманов-Слоневских на том заводе, о котором он провёл исследование (ныне ОАО «Днепровский меткомбинат»).

Целесообразность издания книги о И. И. Ясюковиче – успешном предпринимателе, толковейшем менеджере рубежа XIX-XX веков, а значит, актуальность темы состоит ещё и в том, что современные рыночные условия требуют вычисления положительных примеров из прошлого для настоящего. Труд актуален как никогда ранее! И потому хочется простить А. Слоневскому некоторую идеализацию личности И. И. Ясюковича, которой наполнены авторские заключения в нескольких местах изложения.

Безусловными положительными фактами в изложении темы являются многочисленные ссылки автора на первоисточники. В большинстве разделов, наряду с моментами, касающимися личности И. Ясюковича, даётся всесторонний анализ Днепровского завода. Так, в приветствии Итальянской торговой палаты в связи с 25-летним юбилеем успешной деятельности И. И. Ясюковича в ЮРДМО одновременно дана оценка качества продукции завода на мировом рынке: «...поставленные Днепровским заводом в Италию изделия признаны образцовыми».

Следует отметить и показ роли Ясюковича-католика, одинаково поддерживающего людей разных вероисповеданий, способствующего строительству православной церкви, кирхи, синагоги. В условиях современного состояния духовной жизни общества это – пример, достойный подражания.

В целом книга А. Слоневского, без сомнения, вызовет живой интерес в кругу краеведов, музейных и архивных работников, библиографов и публицистов, читательском кругу металлургов, учащейся молодёжи. Книга послужит поводом для полемики, и в этом ещё одна её ценность.

Н. Цыганок,
историк-музеевед,
член Национального Союза журналистов,
заведующая архивом Музея истории ОАО «Днепровский меткомбинат».

.....

Книга «Игнатий Ясюкович. Имя в истории» не могла быть опубликована без решающей финансовой поддержки миссис Ханы Шленкер, мистера Станисласа Ясюковича, а также Сената Республики Польша и фонда «Помощь полякам на Востоке».

«This book, «Ignatij Yassukovich – A Name in History», could not have been published without the generous financial support of Mrs. Hanna Szlenkier, Mr. Stanislas Yassukovich, the Senate of the Republic of Poland and the fund «Help for Poles in the East».

Dofinansowano ze srodkow Senatu RP dzieki pomocy Fundacji «Pomoc Polakom na Wschodzie»

Отдельная благодарность руководству Народного музея Днепровского Металлургического Комбината (г. Днепропетровск, Украина) за предоставленные материалы и документы, и возможность плодотворной работы в фондах музея.